

Константин Бояндин

Последний час надежд

Константин Юрьевич Бояндин
Последний час надежды
Серия «Галлия», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=602835

Аннотация

Когда несколько версий реальности сосуществуют одновременно... когда невозможно понять, что же связывает тебя с человеком... когда времени так мало, чтобы успеть спасти тот небольшой мир, что вокруг тебя...

Содержание

Часть 1. Владычица теней	4
Глава 1. Платок с монограммой	4
Глава 2. Тропинки	10
Глава 3. Фаворит	19
Глава 4. Немилость	30
Глава 5. Грань	39
Глава 6. Бегство из тени	53
Глава 7. Зодчие некрополя	74
Глава 8. Волшебная записка	94
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Константин Бояндин

Последний час надежды

Часть 1. Владычица теней

Глава 1. Платок с монограммой

Брюс, кампус, 5 июля 2009 года, 11:00

Я впервые увидел университетский городок Сант-Альбан в разгар лета и был очарован им, раз и навсегда.

Будь моя воля – я бы поступил на первый курс экономического, как, собственно, и рекомендовал мне ректор. Что бы там ни говорили, а институт в Сант-Туаре мало в чём мог сравниться с Университетом; пусть я и отучился там два года, но переводиться сразу на третий курс... меня убедили переводиться на второй. Я уже представил, что выслушаю по этому поводу от матушки, когда она позвонит мне сегодня вечером, но – сейчас между мной и ней почти триста километров. Наконец-то я могу позволить себе самостоятельность.

Дальше были обычные формальности. Подписать то, подписать это, получить сотню бумажек в сотне мест. Хорошо ещё, что почти все службы – в главном корпусе Университета. Я и так потратил почти три часа, чтобы всё подписать.

Городок не пустует летом: в Университете отличный спортивный комплекс, недаром международные турниры по теннису проводятся именно в Университетском городке Сант-Альбан. И не только по теннису.

По совести, мне нечего было здесь делать. Учебники я получил, сессия ещё не выветрилась из памяти, а вежливое предостережение ректора, что здешняя программа не чета той, что была в Сант-Туаре, меня уже не пугало. Но повод остаться был, даже два: во-первых, нужно всё-таки подучиться и подготовиться к новому месту, и, во-вторых... чем дальше матушка, тем лучше. Она всё ещё думает, что мне пять лет. А мне уже четверо больше!

Чем дальше от неё, тем спокойнее. Денег хватит, если не тратить на что попало, а зарабатывать я научился ещё в институте. Это приносит такое ощущение свободы... в общем, кто не знает, тому не объяснить.

Солнце постепенно клонилось к закату. Все мои вещи давно были в общежитии (ещё полтора месяца я буду, как король, жить в той комнате один), а городок настолько велик и красив, что не погулять по нему невозможно. Я сам не знаю, что занесло меня снова в главный корпус. Наверное, мне понравилась обстановка. Атмосфера, в буквальном и переносном смысле. Я вообще люблю бывать в библиотеках, их спокойствие и запах книг. Я с детства полюбил ходить в библиотеки и читать прямо там.

Я походил по просторному фойе, и уже собирался покинуть здание и пойти в парк, как почувствовал. Наверное, взгляд. Я оглянулся – и увидел её.

Я потом долго думал, что в ней было такого. Скажу честно, на факультете были девушки и красивее. Много эффектнее, что уж говорить. Но от неё было не отвести взгляда.

Чуть ниже меня ростом, спортивного сложения, лёгкая одежда – опять же, спортивная: теннисная куртка, лёгкие брюки, спортивные туфли. И шарф в полтора оборота, длинный-предлинный. Метра три длиной.

И сталь. Всё, что она носила, было оттенка стали. Глаза и причёска – тоже.

Она вышла из канцелярии и на лице её было выражение, которое я сам потом видел на лицах других. Растерянность с налётом нереальности. Я действительно здесь? – спрашивал

её взгляд. Это не сон? В Сант-Альбан единственный крупный университет, в который принимают студентов отовсюду – не имеет значения уровень доходов, происхождение. Только ум.

Она смотрела на меня и я увидел, как она улыбается. Улыбается мне.

– Могу я вас попросить? – я не сразу понял, что мне задали вопрос. Стоял и смотрел на неё, как зачарованный. Может, я и был зачарован.

– Что именно? – мне пришлось откашляться, голос куда-то пропал.

– Покажите мне здесь всё. Я приехала и сразу же заблудилась.

Заблудиться здесь нетрудно. Одних парков пятнадцать штук. Да и лес вокруг, воздух в городке всегда чистый и свежий.

– С удовольствием, – я кивнул. Меня не удивило отчего-то, что она обратилась именно ко мне. А вдруг я сам приезжий и не знаю здесь ничего? Она улыбнулась вновь и протянула руку.

– Доминик.

– Брюс.

– Очень приятно, – рукопожатие оказалось сильным. Точно, спортсменка. Я немного напутал: сюда берут не только за ум. Берут и тех, кто хорош в каком-нибудь виде спорта.

Я почувствовал лёгкий запах жасмина. Мне всегда нравился этот тонкий аромат.

– Здесь можно гулять неделю, – предупредил я. Историю университетского городка Сант-Альбан я знал чуть не наизусть. Наверное, я с самого начала собирался учиться здесь, и потратил много времени, чтобы побольше узнать о нём.

– А я никуда и не тороплюсь, – она вновь улыбнулась и надела чёрные очки. Солнце здесь очень яркое, это так, но я очки ношу только зимой, и то, если выпадает снег.

– С чего начать?

– Расскажите о городке, – попросила она, указывая в сторону парка. Ближайшего к нам, его звали «Иероглиф». – Я почти ничего не знаю о нём, и ужасно боюсь, что не справлюсь.

– А на какой вы поступили?

– Я перевелась, – поправила она. – Я проучилась два года в Сант-Туаре.

Ничего себе совпадение! Хотя Сант-Туаре не такой уж и маленький город.

– Я оттуда родом, – сообщил я. Доминик сняла очки, на лице её было изумление.

– Как здорово! Я ещё подумала, у вас знакомый выговор. Вы тоже перевелись?

Я кивнул. И сказал, куда.

– С ума сойти! – заключила она. – Мы учились в одном институте, как я вас там не заметила?

– Я почти всё время сидел в библиотеке, – пояснил я. Она рассмеялась. Голос её мне нравился всё больше и больше.

– Слушайте, это нужно будет отметить! Я не верю, что это простое совпадение. Вы верите в судьбу, Брюс?

Я покачал головой, улыбнулся.

– А почему? Я вот верю.

Я пожал плечами.

– Хочу, чтобы от меня хоть что-нибудь зависело, – ответил я, наконец. Доминик схватила меня за руку.

– Вы мне сразу понравились, Брюс. Знаете, с первого взгляда. Но судьба всё-таки есть.

Я усмехнулся. Она – тоже.

– Ладно, не верите – не верьте. Куда мы идём?

* * *

Об университете Сант-Альбан я знал много. Да что там, даже карту городка я знал наизусть ещё до того, как появился здесь. Столько всего было переплетено вокруг этого места – и руины монастыря, на которых возведён Университет, и лагерь повстанцев, который находился в на месте этого сама парка в шестнадцатом веке, и легенды о тайной лаборатории ордена иллюминатов, которым удалось получить философский камень, да много чего ещё.

А вот герцог де Сант-Альбан, который стал владеть этими краями триста лет назад, и его потомки. Мда, они явно не старались беречь и использовать свои владения с толком. Хорошо, что в их роду нашёлся ловкий политик и меценат, который и построил Университет.

Я рассказывал и рассказывал, а сам, что уж скрывать, всё время смотрел краем глаза на Доминик. Иногда и не краем глаза, и всегда встречал её взгляд. Она умеет слушать – не просто кивать головой и невнятно поддакивать, а на самом деле слушать. С интересом.

Я опомнился, только когда солнце коснулось горизонта и подул зябкий ветерок. Мы обошли три парка, посетили библиотеку и спортивный комплекс, раза три посидели минут в кафе – освежиться.

– Спасибо, Брюс, – Доминик пожала мне руку ещё раз. Ну и хватка! – Мне так приятно, что я повстречалась именно с вами. Возьмите, – она протянула руку вновь и там, словно по мановению волшебной палочки, возник платок. Снежно-белый, с небольшой монограммой в углу. Платок пах жасмином.

Она улыбнулась.

– На память, – пояснила она. – Вы не такой, как все.

Я не удержался, поднёс платок к лицу. Доминик улыбалась, улыбка из просто дружеской стала очень тёплой, очень... что происходит со мной?

Я помотал головой. Присмотрелся к инициалам: «И. Д. С. А.»

– «С. А.» – произнёс я прежде, чем осмыслил увиденное. – Сант-Альбан?

Она кивнула.

– Иреанн Доминик де Сант-Альбан, – пояснила она. – Папа хотел Ирэн, мама – Анну, бабушка настаивала на Доминик. Получилась я.

Ничего себе! Вся моя предыдущая беседа тут же всплыла в памяти. Мой бог, сколько всего неприятного я успел сказать о Сант-Альбан?

– Я знаю, – кивнула она. – Знаете, лучше говорить правду. Да, мои предки плохо управляли своей землёй. А о том, что они и приказали сжечь монастырь, я даже не знала. Правда-правда. Спасибо, что рассказали.

Я молчал и выражение лица у меня, наверное, было не очень приятным.

– Не обижайтесь, Брюс, – она снова взяла меня за руку. – Терпеть не могу представляться, все тут же начинают приседать и любезничать. А вы не такой, я вижу. До завтра!

Она помахала рукой и, отвернувшись, побежала в сторону главного здания.

Ну и денёк! «Мадам Цербер», неизменно сидевшая на вахте у входа, одарила меня бесцветной улыбкой. Она, верно, видела, как мы разговаривали с Доминик. Но при этом была и оставалась Цербером.

Я словно во сне поднялся на свой этаж и отомкнул дверь в комнату. Бросил сумку на кресло, вновь развернул платок, присмотрелся к монограмме.

И умер.

Брюс, 5 июля 2009 года, 20:30

Наверное, я не очень удачно выразился. Я не умер в буквальном смысле. Но те пять минут, которые я пережил в тот вечер, я никогда не забуду.

Я ощутил, что что-то неладное происходит у меня в голове. Весь предыдущий день, особенно наш с Доминик «поход по городку», всплыл в памяти весь и принялся вращаться, мысли путались. Я словно смотрел на те события со стороны и не мог отвлечься, прекратить этот хоровод, унять видения.

В какой-то момент я осознал, что теряю себя. Буквально. Чувствовал, что исчезаю. Платок так и был зажат у меня в руке, я разжал кулак (это стоило немалых усилий) и посмотрел на платок (это тоже ужалось не сразу).

Платок исчезал!

Я не могу объяснить это иначе: он протаивал, становился то более, то мене плотным, но постепенно исчезал.

И мне стало страшно. Мне никогда не было так страшно. Я подумал, что как только не станет платка, не станет и меня. Чёрт его знает, откуда пришла такая мысль, но в тот миг она показалась единственно верной и самой важной.

Я не знаю, что я делал – я захотел, чтобы всё вернулось, чтобы платок не исчезал, чтобы всё это прекратилось, а я остался тем, кем я есть. Я захотел этого изо всех сил, которые оставались.

Провал.

Я обнаружил, что лежу на боку, что лоб ужасно болит, а в правой руке – платок. Тот самый, с теми же инициалами, совершенно мокрый. Неудивительно, я ощущал, что промок насквозь.

– Мсье?

Я не услышал стука в дверь. Ощутил, что мне помогают подняться на ноги. Высокий мужчина в униформе, с пышными усами Я поблагодарил его. Сквозь зубы – каждое движение причиняло боль – поясница, мышцы ног, а сильнее всего – лоб.

За мужчиной в дверях стояла мадам Цербер.

– Что случилось, мсье Деверо?

Я потряс головой.

– Ничего, – я осёкся. Я чуть было не обратился «мадам Цербер». – Ничего, мадам Велье.

– Я услышал крики, – пояснил мужчина. – Реми Девалл, мсье. Я электрик.

– Поскользнулся, – я ответил первое, что пришло в голову. – Ударился головой, наверное. Не очень хорошо помню, простите.

– Я вызову врача, – сострадание стремительно покидало лицо мадам Велье. – Вы рассекли лоб, мсье Деверо.

– Нет, не нужно, – не знаю, почему, но я стал решительно сопротивляться. – Я сам... дойду.

– Вы уверены? – я и сам не был уверен, что сумею сделать хотя бы шаг, но кивнул.

Мадам Цербер кивнула. – Реми, помогите, пожалуйста, мсье Деверо.

* * *

Реми оказался словоохотливым – но говорить, а точнее – болтать принялся, как только мы покинули здание. Несомненно, мадам Цербер не одобряет болтовню.

Он первым делом указал на платок. Я так и держал его в кулаке, только уголок с монограммой выглядывал наружу.

– Мадемуазель Доминик сама подарила?

Был бы я в добром здравии, огрызнулся бы. Нет, это я у неё стащил! Или выпросил. Но сил на резкости не было, а Реми ждал ответа.

Я кивнул.

– Везёт вам, – в голосе его отчётливо прозвучала зависть. – Знаете, вокруг неё весь университет вьётся, а платок у неё один. И все это знают.

– И что? – я не смог ничего предположить, голова совершенно не соображала.

Он покосился на меня, как на умственно отсталого.

– Приятель, это ж *их* городок! Смекаешь? Если у тебя этот платок, считай, что все двери открыты и все тебе будут угождать.

– Фаворит? – усмехнулся я и голова дико заболела в ответ на это усилие мышц.

Реми кивнул. – Само собой. Она переборчивая, кому попало платок не даст.

– Слушайте, откуда вы это можете знать?

Он пожал плечами, остановился. Ноги уже вполне слушались меня. Поддержки уже не нужно.

– Я тут семь лет работаю, – Реми вынул из кармана платок (без её монограммы) и вытер лоб. Только сейчас я обратил внимание, что он, по сути, старик – седой, лицо в морщинах. А в комнате он казался мне от силы сорокалетним. – Каждый год вижу мадемуазель Доминик. Она меня раза два приглашала на свой день рождения, – похвастался он, совсем как ребёнок. – Я дело говорю, Брюс. Тебе, считай, счастливый билет выпал, не упусти.

Час от часу не легче! Каждый год?! А как же сегодня... Нет, что-то тут не сходится. Зачем ей разыгрывать из себя приезжую?

– Зачем она сюда приезжает каждый год?

– Учиться, – теперь Реми смотрел на меня, как на идиота, нет ни малейших сомнений. – Она уже три факультета закончила, приятель. Так-то. Значит, ты тоже умён, раз она тебя заметила. Вон больница, – он указал рукой. – Дойдёшь сам, или лучше помочь?

Дойду сам.

Я вроде не говорил это вслух, но Реми кивнул и улыбнулся, уже не снисходительно. Осторожно похлопал меня по плечу (там я тоже что-то потянул).

– Бывай, приятель!

Он с явной неохотой направился назад, в общежитие, а я побрёл вперёд. Несмотря на лето и поздний час, в больничном здании горели многие окна. Мне вон туда, в приёмный покой. Я сделал несколько шагов...

...и снова почувствовал, что умираю.

Брюс, 5 июля 2009 года, 21:00

Было примерно всё то же, но короче и интенсивнее. И снова я сжал платок, стараясь удержаться за него – если вы понимаете, о чём я говорю.

Когда меня отпустило, я долго лежал на боку, прямо на тропинке. Похоже, никто не заметил, что человеку плохо у самого входа в больницу. Ничего не скажешь, заботливые – охрана могла бы уж и заметить!

Но настроение ругать охрану пропало само собой. Когда я попытался подняться на ноги, то обнаружил, что ничто и нигде не болит. Ощупал лоб – ни шишки, ни ссадины. Осторожно разжал кулак, присмотрелся к платку.

Всё тот же. Всё так же пахнет жасмином. И теперь точно можно выжимать.

Ничего не понимаю. Я долго стоял, совершенно ошарашенный, но не идти же в больницу с таким рассказом! Так недолго и в жёлтый дом угодить, для успокоения нервов. Не для этого я приехал в Сант-Альбан.

В совершенно рассеянных чувствах я зашёл в кафе (они все работают круглые сутки), взял какой-то снеди – перекусить вечером – и пошёл в общежитие. Отсыпаться. Во всём теле появлялась, не пойму откуда, энергия – шагалось легко, воздух казался – или был? – свежим и приятным, меркнущие краски окружающего мира радовали глаз. Насвистывая, я вошёл и,

едва мадам Цербер взглядом приковала меня к полу (предъявлять пропуск положено всем и всегда, она не делает исключений), я отчего-то спросил:

– Не подскажете ли, где я могу найти Реми, мадам Велье?

– Реми? – она сурово посмотрела на меня и вдруг напряжение покинуло её лицо, и тень улыбки явилась взамен. Я проследил за её взглядом – она смотрела на тот самый уголок платка. Проклятие, я так и ношу его в кулаке?!

– Реми, электрик, он помог мне дойти до больницы. Час назад... – я говори и видел, что она не понимает, о чём речь. Словно не стояла у входа в мою комнату и не видела «украшенного» лица.

– Реми... у нас был один Реми, Реми Девалл. Но его уволили год назад, мсье. Ему решительно нечего делать здесь, – суровость вернулась в её взор. – Вам записка, мсье Деверо, – она протянула лист бумаги и взглядом дала понять – аудиенция окончена.

Я кивком поблагодарил и направился к лифту, уже не в радужном расположении духа. Что за... тут происходит? Или я так крепко ударился головой, что внутри всё перепуталось? Но не привиделся же мне Реми!

Есть уже не хотелось. У себя в комнате я осторожно развернул платок. Наверное, нудно было его выстирать, но я не сразу решился – даром что платок уже утратил белоснежность. В конце концов, я решился и положил его прямо на стол. Смотрел, не мог оторвать взгляда, и думал. Прогулка с Доминик, беседа с Реми, разбитый лоб – что из этого было на самом деле?

И платок. Точно ли мне подарила его наследница здешних владений?

Перед тем, как улечься спать, я развернул записку. Не нужно было быть великим сыщиком, чтобы понять, что там. Звонила моя матушка, беспокоилась, отчего это я не позвонил сам.

И ещё одно омрачило наст роение. У меня с собой был, как матушка называла его, талисман – «счастливый пенни». Всё, что осталось на память от деда и его ювелирного дела. Так вот, он куда-то делся.

Глава 2. Тропинки

Брюс, общежитие, 6 июля 2009 года, 9:00

Я проснулся, как по команде, в девять утра. Первой мыслью было: мне всё это приснилось. Особенно – обе «смерти», и всё такое. Я не очень бы удивился, если бы не увидел платка на столе – вчера оставил его там.

Но он там был. Мятый, конечно, и не такой белоснежный, каким был (если был) вчера, но – всё так же издавал едва слышный запах жасмина. Я, говоря по совести, не сразу решился поднять его. Не люблю таких вот загадок, а особенно – всякой чертовщины, когда нарочно морочат голову.

Я прикоснулся к платку, втайне ожидая новой «смерти». Но её не случилось, и я посмотрел на него с обеих сторон, сложил да и спрятал в карман. При оказии верну владелице – если, конечно, рассказ Реми (если был рассказ) соответствует истине. А что, просто пойти в канцелярию и выяснить, поступала ли мадемуазель де Сант-Альбан сюда прежде.

В моём «номере», то есть блоке, домом его звать не получалось, две комнаты. Жить нам тут втроём, а с кем – я пока не знаю. Привилегию жить одному получают только курса с третьего, или за особые заслуги. Да и ладно, я уже привык жить не один – шумные компании не очень люблю, но и замыкаться в четырёх стенах не собираюсь.

Мадам Цербер с утра была в хорошем расположении духа и едва заметно улыбнулась, когда я проходил мимо. Ну всё, Брюс, пора браться за книги и искать заработок. Мама, разумеется, будет присылать деньги, только всё меньше радости получать их. «Не вздумай подрабатывать – во-первых, это мешает учёбе, во-вторых, там повсюду полно жуликов».

Я собирался грубо нарушить одно из старинных правил. Во-первых, найти приработок. Во-вторых, не огорчать маму этой новостью. Я не знаю, способен ли я на бунт, но чем дальше я живу вдали, тем сильнее осознаю, что способен.

Брюс, канцелярия, 6 июля 2009 года, 10:00

– Мы не даём таких справок устно, – мадам по ту сторону стола была непреклонна. – Можете подать официальный запрос – форма вон в той папке, заполните, и не забудьте обосновать. Вы родственник мадемуазель де Сант-Альбан?

– Нет, но...

– Очень сожалею, но ничем не могу помочь.

Выражение её лица стало Официальной Маской Умеренного Сочувствия.

Ну и ладно. Заполнять форму я не стал. Хоть убейте, не отыщу разумного повода любопытствовать – где и когда мадемуазель де Сант-Альбан «проходила обучение» в Университете.

Завтракал я почти в полном одиночестве. Ничего кормят, можно жить. Чёрт, придётся сегодня вечером отчитываться уже за два дня. Мобильной связью я не пользовался, мама уверена, что это излучение крайне опасно для мозга и никакие статьи и опровержения не могут убедить её в обратном.

В задумчивости я шёл по парку «Иероглиф» и решил – обойду его весь, потом уже пойду в библиотеку. Раз можно позволить себе побездельничать, на совершенно законных основаниях – буду иногда бездельничать.

– Привет, Брюс! – окликнули меня из-за спины. Я не успел обернуться – Доминик пробежала мимо меня. В спортивной одежде, но всё та же сталь и лёгкость. – Поздно встаёте? – я не успел отозваться, она помахала мне на бегу рукой и вскоре скрылась из виду.

Поймать её и расспросить? Я было пробежал шагов десять, но – поздно, тропинка петляла, кругом кусты и деревья, и не понять, куда именно свернула Доминик. Ладно, бог с ней.

Куда она денется – если поступила на экономический, то живёт в том же здании. У нас там живут математики и экономисты, спрошу на вахте. Может, мадам Цербер будет чуть добрее, нежели дама из канцелярии.

Я прошагал, не выбирая никакого особенного маршрута, ещё минут десять. На этот раз я услышал, как она приближается?

– Доминик...

– Догоняйте!

Она хлопнула меня по плечу, пробегая мимо, и я чуть не уселся наземь. Ничего себе удар! Впрочем, я тут же вскочил на ноги и побежал следом. Туфли не спортивные, я чуть не растянулся, споткнувшись на первом же повороте о корень.

Догнал я её легко.

– Молчите, – она не повернула головы. – Потом.

Я послушался. Так и бежали, ещё минут десять, и дыхание, говоря честно, кончалось очень быстро. Наконец, Доминик замедлила темп, повернула в неприметную аллею – там, в конце тропинки, посреди небольшой поляны стоял фонтанчик. Вода – очень кстати.

Доминик набрала пригоршни и плеснула себе в лицо, рассмеялась. Я сделал также. Ужас, до чего ледяная вода! Хлебнул – зубы сразу же заломило.

Она сняла повязку со лба, тряхнула головой, позволяя волосам улечься, как им нравятся. Нравилось не только им.

– Мало двигаетесь, Брюс? – она указала рукой в сторону скамеек. Точно, я с удовольствием бы присел. – Вы запыхались, я вижу.

– Я был спринтером, – признался я. Ну да, чемпионом мира мне не стать, а в первенстве института второе место занял.

Она улыбнулась, кивнула.

– А ещё каким-нибудь спортом занимаетесь?

– Шаматами, – добавил я. Два очка из пяти для получения мастера у меня уже есть. Остальные три нужно набрать за три года, или – всё сначала.

Она расхохоталась. Признаться, я почувствовал себя оскорблённым.

– Не обижайтесь, Брюс, – она взяла меня за руку, легонько сжала, отпустила. – Я не считаю их спортом. Видела я наших чемпионов... бр-р-р... боровы, слов нет. Вам нужен настоящий спорт. Для настоящих мужчин.

Сказано было так, что мне следовало понять – в настоящие мужчины я пока не произведён.

– Можете посоветовать? – сколько было у меня сарказма при себе, весь вложил.

– Могу, – она прошла мимо скамейки. А я так хотел присесть, хоть на пять минут. Лёгкие всё ещё жгло. – У меня есть тут несколько знакомых тренеров. Спортивная стрельба, рукопашный бой, тяжёлая атлетика. Могу познакомить.

– Я подумаю.

Она резко остановилась. Улыбка пропала с её лица.

– Брюс, терпеть не могу таких отговорок. Говорите уж просто: не хочу.

– Я действительно хочу подумать, – я выдержал её взгляд. – Никогда ничем таким не занимался.

Она кивнула, вновь улыбнулась.

– Думайте быстро, пока я добрая.

Теперь рассмеялся я, она поддержала. Мы дошли до самой широкой дороги в парке – бетонная, с разметкой. Поодаль два садовника подстригали живую изгородь.

– Куда вы сейчас?

– В библиотеку, – я указал кивком направление.

– Здорово! Мне туда же. Проводите?

Можно подумать, я смог бы отказаться!

* * *

– Вы на какой факультет поступаете? – спросил я как бы невзначай, минут пять спустя. Она тихонько рассмеялась.

– Брюс, вчера вы перебрали, теперь я знаю. Я ведь уже говорила.

– Перебрал?

– Вчера мы до полуночи сидели в «Старой лампе». Там и в самом деле очень мило. Но... вина было многовато.

Странно. Она сказала, и мне стало казаться – да, сидели в «Старой лампе», одно из лучших здешних заведений, очень тихое и приятное. Правда, отнюдь не из дешёвых. Даже какие-то воспоминания начали прорезываться, что меня совершенно не обрадовало. Чёрт побери, да не был я вчера в кафе. Виски заломило, я потёр их.

– С вами всё в порядке? – она взяла меня за локоть.

Секунды три я вообще не мог ничего ответить, голова закружилась. Потом всё прошло, без следа.

– Да, почти.

– Пообещайте, что больше не будете столько пить, Брюс. Мне с вами очень интересно, но пьяных терпеть не могу.

Я кивнул. – Обещаю.

– Я на математический, – пояснила она. – Живу двумя этажами выше вас.

Наверное, на моём лице отразилось много чувств сразу.

– Нет-нет-нет, – она рассмеялась. – В гости не приглашаю. Я абсолютно не уверена.

– В чём?

– В ком. В себе, – она расхохоталась, заметив моё замешательство. – Когда-нибудь приглашу, обещаю. Ой, чуть не забыла! Вот, вы вчера обронили в кафе, – она протянула руку, на ней лежал мой «счастливый пенни», на тонкой серебряной цепочке.

Ничего не понимаю. Какое кафе? Я принял свой талисман, присмотрелся – он самый, единственное, что осталось от наследства прадеда, Жюля Деверо. Я мог быть сейчас хозяином его ювелирного дела, мама постоянно говорила так.

– Скажите, что это? – она указала на искорки, пробегающие по диску монетки. Когда солнце падает прямо на неё, то повертишь в руках – и монетка словно купается в радуге.

– Алмазы.

– Правда? – глаза её загорелись. – Как мило! Это всё алмазы? Настоящие?

– Да, – мне не очень приятно было вспоминать, особенно после того, как мама взяла за привычку постоянно сравнивать меня с прадедом. – Всё, что осталось от прадеда. Семейная реликвия.

Единственное сокровище, – чуть не добавил я. Но не добавил. Я далеко не во всём соглашаюсь с мамой, но в одном точно соглашусь – бедностью не хвастают.

– Расскажите мне как-нибудь?

Я кивнул прежде, чем понял, что сделал. Вот не было печали!

Мы уже стояли у входа в библиотеку. Доминик собралась первой вступить на лестницу, ведущую ко входу, как в её кармане вдруг что-то пискнуло, а потом заиграла мелодия. Не какая-нибудь, а *Gaudeamus*.

Досада – раздражение – злость поочерёдно сменились на её лице за пару секунд.

– Не-на-ви-жу! – прорычала она. Именно прорычала.

Достала из кармана телефон, подняла к уху, отвернулась.

– Да, мама. Нет. Нет. Нет, и не собираюсь. Мама, мне уже не пять лет, сама разберусь. Не звони мне сегодня. Пока!

Вот как.

Я посмотрел на неё с сочувствием.

– Достала уже, – выговор, тон и выражение лица Доминик сразу изменились. – Детский сад какой-то! Отчитывайся перед ней каждый день, сил уже нет.

– Ваша мама?

Она кивнула.

– У меня то же самое, – снова язык опередил разум.

Она рассмеялась и повеселела на глазах.

– Товарищ по несчастью... слушайте, это должно быть ужасно. Она далеко сейчас?

– Далеко, – кивнул я, вздохнув.

Она пару раз хлопнула в ладоши.

– Ладно, Брюс. Спасибо, что проводили. Я пошла к себе, нет никакого теперь настроения. Вечером я буду в парке, в девять часов. Придёте?

Я кивнул. Она пожала мне руку, развернулась и побежала в сторону общежития.

Брюс, общежитие, 6 июля 2009 года, 12:30

Я дошёл до общежития, как в тумане. «Старая лампа», значит. И не экономический, а математический. Меня разыгрывают, или снова пора к психиатру?

У самого входа я чуть не столкнулся с девушкой. Она брела, с тяжёлой и потёртой сумкой, в сторону общежития, но смотрела куда-то под ноги.

– Извините, – она вздрогнула, подняла взгляд. Круглое лицо, короткая причёска – чёрный ёжик; дешёвые, но изящные серёжки. Чуть подведены губы, чуть подведены ресницы. Провинция. Даже если не присматриваться к одежде и сумке – сразу видно, откуда она и кто такая. – Мсье... я ищу канцелярию, не подскажете, где это?

– Вон там, – я указал. – Вон то здание, с башенкой.

– Спасибо, мсье.

Удивительно, но она сразу же побрела в ту сторону. Судя по всему, сумка очень тяжёлая.

– Вам помочь? – услышал я свой голос.

Она обернулась, посмотрела мне в лицо. И чего она такая хмурая? Хотя, если тащила это всё от автобусной остановки... да.

– У вас книги, – отметила она. Верно, дюжина книг, в карман их не спрятать.

– Я их сейчас занесу к себе в комнату и вернусь.

Она кивнула и улыбнулась. Улыбка сразу же преобразила её из Золушки в принцессу.

Я бегом кинулся к лифту, тот оказался на первом этаже. Не знаю, почему я так бросился помогать ей. Мне очень хотелось поговорить с кем-то, кроме Доминик. С кем-нибудь из студентов, сверстников. Не выходило из головы кафе. И как я мог перебраться? Я вино вижу только по большим праздникам.

Бросил книги на кровать, и когда полез в карман за ключом, обнаружил в нём бумажку.

Вытащил, поднёс к глазам.

Чек – из «Старой лампы».

Всё верно, вчерашнее число, время – половина первого ночи. Первым желанием было разорвать его на кусочки или сжечь. Лучше бы я так и сделал!

Я недолго размышлял. Бросил чек на пол, да поспешил назад, к лифту.

* * *

Она так и стояла, глядя то под ноги, то на дверь. Когда увидела меня, на лице её возникло облегчение. Что, думала, что я не вернусь?

– Ничего себе, – в сумке было килограмм пятнадцать. Что там, кирпичи? И ручка держится на честном слове.

– Идёмте, – я указал. Она молча кивнула и пошла, только поправила сумочку и провела ладонью по волосам. Подстриглась под мальчишку. Если бы не платье, то и не понять – издалека, он это или она.

Шли мы молча, к моей спутнице вернулось прежнее выражение лица – угрюмость.

Минут через десять (я не торопился, хотя мог бы идти быстрее, она тоже брела как заведённая) я всё-таки осмелился спросить.

– Поступаете?

Она едва заметно кивнула.

– А на какой?

Ответа нет. Словно я и не спрашивал. Ну ладно, раз она не в духе, будем молчать. И всё равно мне с ней было в чём-то спокойнее, нежели с Доминик.

– Математика, – отозвалась девушка минуты через две.

Я чуть не застонал. Можно было просто оставить вещи в камере хранения, все так делают.

Бывает же такое! Что там у неё, золото, что она не захотела оставлять вещи?

Остаток пути я молчал. Ещё ведь тащить это всё обратно.

Брюс, канцелярия, 6 июля 2009 года, 12:30

Она вернулась из дверей в канцелярию минут через пятнадцать. Странно. Там вряд ли очередь, что такого могло случиться?

На лице её было выражение «всё пропало, всему конец».

– Что случилось? – я стоял в фойе с её сумкой и чувствовал себя, признаться, довольно глупо.

– Мсье... – она опустила взгляд. – Я там ничего не могу понять. Какие бумаги им нужны.

Я смотрел а её лицо и видел – сейчас расплачется.

– Идёмте, – быть мне сегодня нянькой.

Дама за столом скользнула по нам взглядом и отвернулась. Второй стол пустовал – её сослуживица ушла на обед. Стенды с бланками, объявлениями, всё такое.

– Что у вас есть?

Она показала. Рекомендация от департамента образования, Милан. Ого! Хотя нет, живёт она не в Милане. Почерк неразборчивый, но зовут её София, это ясно.

Я пожал плечами и подошёл к стойке. Мадам клерк взглянула в мою сторону.

– Не подскажете ли, что именно нужно заполнить? – я протянул ей бумаги Софии.

Мадам клерк быстро перебрала их, нахмурилась (я спиной ощутил, как вздрогнула София), посветлела лицом.

– Форму номер двенадцать и пять, оплатить по квитанции девять, и – вернуться сюда. Поторопитесь, через полчаса я ухожу на обед.

В общем, бумаги заполнял практически тоже я сам.

Откуда берутся такие? Не бестолковая, нет – но совершенно неспособная сама всё решать?

Я дождался, пока София вернётся из кассы и молча указал ей в сторону канцелярии. На её лице было странное выражение – не то радость, не то недоверие. Ну и ладно. Я уже второй час тут и не скажу, что меня это всё очень развлекает.

Минут через пять она вышла из дверей канцелярии.

– Мне теперь к ректору, – сообщила она так, как другой сказал бы «теперь меня казнят».

Ректор, к счастью, в этом же здании, всего тремя этажами выше. Лифтов в средние века не строили, так что размялся я на совесть. София не сразу решилась войти, раза два оглядывалась на меня. Я кивнул и, не скоро, вздохнул с облегчением, когда она скрылась за дверью.

Минут через пятнадцать она появилась.

– Меня зачислили, – сообщила она, на этот раз улыбаясь. Правда, улыбка была смущённой. – Простите, мсье... я вас так задержала.

– Можно просто Брюс, – я машинально протянул руку.

Она отпрянула, посмотрела на протянутую руку так, словно я протягивал ей скорпиона. Точно, провинциалка, да ещё старого воспитания.

Она осторожно пожала мне руку («не положено, но куда денешься?»).

– Я София Лоренцо, – она кивнула. – Большое спасибо, Брюс. Мне теперь...

– Я провожу вас, – я вновь поднял сумку на плечо. Бедное плечо. Бедные плечи.

* * *

Мадам Цербер оказалась неожиданно приветливой, едва София появилась в дверях. Уже через пятнадцать минут София получила ключ от комнаты и я затащил её сумку в лифт. Хороший лифт, просторный.

София молча нажала кнопку пятого этажа. Мой – третий. Я протянул руку к кнопке третьего, оглянулся на Софию.

– Сама справлюсь, – отозвалась она тут же, не поднимая взгляда. – Простите, Брюс. Я ужасно устала от поездки. Я сама донесу свои вещи.

Похоже, с логикой у кого-то из нас не в порядке. Я пожал плечами, нажал кнопку третьего этажа. Лифт мягко тронулся. Очень уж медленно ползёт – до третьего этажа тащится чуть не минуту.

– Спасибо, Брюс, – я оглянулся, улыбнулся ей и кивнул. Как она сумела прожить так долго? Если спросить самой в канцелярии для неё – непосильная задача, что будет с ней дальше?

А тебя это волнует, Брюс?

Я обнаружил, что стою у входной двери и пытаюсь понять – мне почудился этот голос, или я сам себя спросил?

Ответа не было. Я вставил ключ в гнездо и вошёл.

Брюс, общежитие, 6 июля 2009 года, 18:00

Когда всё вокруг становилось особенно плохо, я брался за книги. И необязательно за развлекательные. Глаза себе чуть не испортил совсем. Хожу без очков, хотя все окулисты всегда ворчат – нельзя без очков, нельзя без очков. Можно.

Сейчас это тоже помогло. Я сел за стол и... Доминик, София и все странности вчерашнего вечера напрочь покинули меня. Учебники не бывают увлекательными? Ещё как бывают. Когда глаза потребовали отдыха, я обнаружил, что давно пора ужинать – а я ещё не обедал.

В холодильнике есть разве что лёд. Значит – вставать, и топтать в магазин. В супермаркет. Или зайти в кафе. Пожалуй, вторая идея мне нравится больше.

Я поднялся и ощутил, как всё затекло. И заметил бумажку на полу.

Чек!

Я поднял его с пола, и вновь сунул в карман – машинально. Выкинуть его, подумал я. Что мешало мне выкинуть его немедленно? Вроде бы ничто.

* * *

Все пути ведут в «Иероглиф». Точнее, через «Иероглиф». Ближе к вечеру в парке почти никого не осталось. Я шёл себе, и глазам было на чём остановиться – за парком ухаживали, сразу видно. Я не понимаю ни единого иероглифа из тех, что в изобилии вокруг – таблички, рисунки на бетоне, кусты и целые лужайки, выстриженные так, чтобы изобразить нечитаемую мудрость.

Чтобы попасть в «Старую лампу», нужно повернуть направо примерно на одной трети пути. Сам не понимаю, отчего именно «Старая лампа», это не самое дешёвое из здешних кафе. Если посмотреть на план кампуса, то супермаркеты и всё такое находится за его пределами. Однако оград, охраны и собак нет – прогулялся по тропинкам, вышел в ворота, которые никогда не закрываются – и вот он внешний мир, городок рядом с Университетом – в котором всё то, о чем не думали два с половиной века тому назад.

Деревья окружили меня с обеих сторон, стоило мне свернуть на тропинку, и вокруг сразу же стемнело. Показалось, что стало холодно. Я не боюсь темноты, но спине стало холодно. Тропинка поворачивала и поворачивала, идти оставалось всего минуты три, как вдруг я понял, что вот-вот накатит то, что уже было вчера.

Платок!

Я полез в карман, но там оказался только чек.

Я развернул его, глядя на длинный перечень заказанного (мы съели это вдвоём? ничего себе!), но не успел ничего сделать. Накатило.

Я уронил чек, не до него было, и осталась одна только мысль – найти платок, не то случится что-то ужасное.

Он оказался в том же кармане, куда я сложил чек. Странно, почему он не попался под руку?

Платок сразу же «вылечил» меня, вернул реальность в порядок. Нет, всё-таки нужно пойти к врачу, если такое случится ещё хотя бы раз.

Сидеть на земле не очень-то удобно. Как минимум, холодно. Я поднялся на ноги и наклонился, чтобы поднять чек.

Чека не было. Я минуты три потратил, всматриваясь в траву и гравий под ногами, но ничего не увидел. Сделал шаг, и услышал звук – кто-то бежит по тропинке, прямо ко мне.

Резко оглянулся. Никого. Звук нарастал, я давно уже должен был увидеть человека – но никого и ничего не было.

Мне показалось, что невидимка пробежал рядом со мной. Что ветер взъерошил мне волосы, а звук стал удаляться, ослаблять. Но я по-прежнему никого не видел. И теперь я знал совершенно чётко – ни в какую «Старую лампу» я не ходил. Я даже добыл из сумки бумажник и пересчитал деньги. Ничто не пропало. На чеке было моё имя – это я помню – а недостачи в финансах нет.

Ну что же, вон она, «Старая лампа». Сейчас я туда зайду и не останется сомнений, бывал ли я там, или же нет.

* * *

– Мсье Деверо! – бармен, лет пятидесяти, из тех. Что вечно выглядят кукольными, приветливо улыбнулся. – Рад, что вы зашли. Что вам налить?

Я знаю правила кампуса. Продавать спиртное на его территории разрешено только от двенадцати дня до пяти вечера, не крепче десяти градусов. Получается, пиво и разные там коктейли. Проносить пиво в общежитие мне не советовали: мадам Цербер хоть и не обыскивает, но чутьё у неё, во всех смыслах, на высоте. И не то что бы это запрещено – но смотреть будут с неодобрением. Мама мне постоянно твердит: главное, чтобы на тебя косо не смотрели.

Пятьдесят шагов за территорию кампуса – и надирайся хоть до розовых слонов. Наверное, я чего-то не понимаю.

Я не сразу понял, что от меня таки ждут ответа.

– Мы знакомы? – первое, что сорвалось с моих губ.

Бармен улыбнулся шире, а когда я подошёл к стойке, дружески хлопнул по плечу.

– Вы были вчера здесь, мсье Деверо. Сидели вон за тем столиком, с мадемуазель да Сант-Альбан. Мне показалось, что вы самую малость перебрали.

Он подмигнул, но отчего-то я не рассердился. Заломило виски, я непроизвольно схватился за них, и выронил платок.

Я моментально наклонился и поднял его. Бармен сделал вид, что не заметил.

– Перебрал? – переспросил я. Он непонимающе приподнял брови.

– Простите?

– Я был вчера здесь с мадемуазель де Сант-Альбан. Я не перебрал, случайно?

– О, нет, – он посерьёзней и покачал головой. – Ни в коем случае. Рюмка коньяка, и много сока. Рад, что вы зашли вновь. Коньяк?

Ничего не понимаю. Я смотрел ему в глаза. Или я не разбираюсь в людях, или он отличный актёр, или всё-таки не врёт. Тогда что же – мне почудилось то, что он сказал недавно?

– Простите, я... – он улыбнулся.

– За счёт заведения, мсье.

Вот как!

Я выпил, стараясь не морщиться, рюмку коньяка за счёт заведения и минут через пять уже шёл обратно. Сжимая платок в руке. Что за наваждение, почему этот платок так странно действует на всех?

Впрочем, когда я дошёл до общежития, мысли о «Старой лампе» уже не беспокоили меня. Ничуть. Уже понятно, что Доминик умеет рассказывать всё, что угодно так, что сразу поверишь. Нужно просто помнить об этом, и всё. Мама постоянно твердит, что у богатых свои причуды. Так и есть.

На этот раз мне не удалось отвертеться от разговора с ней. Странно, но она не устроила мне выговора за вчерашнее «радиомолчание».

Брюс, общежитие, 7 июля 2009 года, 8:30

Она действительно появилась в парке – и вечером, и утром. Угнаться за ней непросто – я не стайер, и вообще предпочитаю ходить. Но она не давала спуска – только если пробежать за ней и не отстать, можно было потом поговорить. А мне хотелось поговорить. Но всякий раз забывал про платок, как назло. Попробовал, по старой памяти, записать на ладони подсказку – так даже не посмотрел на ладонь.

– Ну что, Брюс, решили? – поинтересовалась она утром. Столько бежала – и почти не запыхалась! Мне стало завидно.

– Я занимался баскетболом, – признался я. – Кроме шахмат. Шахматами всё равно буду заниматься.

«Хочется вам или нет», хотелось добавить.

– А фехтование? У вас отличная реакция. Хотите попробовать?

– Почему бы и нет?

Она нахмурилась.

– Брюс, при мне, пожалуйста, так не говорите. Не делайте мне одолжение!

– Хорошо, – я протянул ей руку. – Извините.

– Принимается, – она легонько пожала руку. – Вы мало двигаетесь, я же вижу.

– Вы заботитесь о моём здоровье?

Она вынула из кармана платок. Тот самый или в точности такой же. Улыбнулась, подошла вплотную.

– Брюс, я же вижу, что нравлюсь вам, это правда?

– Да, – признаться было нелегко.

– И вы мне нравитесь. А мои избранники не будут лентяями, которые к середине жизни заплывут жиром по самые уши, – она вытерла платком пот у меня со лба и вложила платок мне в ладонь. – Будете фехтовать? Отвечайте честно.

– Посмотрим, что у меня получится, – она вновь метнула в меня колючий взгляд и я ответил коротко. – Да.

– Вот и хорошо. Всё, отдых закончен, побежали дальше!

Глава 3. Фаворит

Брюс, парк «Иероглиф», 10 сентября 2009 года, 10:00

Соседи по блоку появились тридцать первого августа. Та ещё компания – один был длинным, светловолосым и мрачным на вид – представился Полем, и второй – жизнерадостный, коренастый, рыжеволосый и круглолицый, с выдающимся носом – римлянин, похоже. Его звали Жан. Жан Леттье.

– О, да тут уже есть хозяин! – он энергично пожал мне руку. – Скажите, сеньор, на каком коврике мне позволено будет спать?

– Достал, Жан, – Поль ткнул его локтем в бок. – Идиотские шутки.

– Ты ж сам сказал, что я идиот. Какие ещё шутки я должен говорить?

Поль рассмеялся и сразу стал другим человеком.

– Брюс Деверо, – представился я. – Рад знакомству.

Поль оказался Полем Вернье, его отец работал в министерстве внутренних дел. Жан сказал только, что его родители настолько знамениты, что даже намекать будет дурным тоном. Когда они узнали, что в предках у меня были ювелиры, то стали относиться с заведомо большим уважением.

Меня предупреждали, что здесь о человеке судят по предкам. Так оно и есть.

* * *

– О чём думаете, Брюс? – поинтересовалась Доминик. Бегать я уже научился, не задыхаясь, а позавчера я побывал и на секции фехтования, и на баскетбольной. Прыгаю я хорошо, пусть даже ростом не вышел. Оба тренера остались довольны.

– О предках, Ники. – Она категорично требовала, чтобы к ней так обращались, а меня всё ещё было неловко. Никогда в жизни не видел настоящего аристократа с древней родословной.

Она указала рукой – за мной. Дошли до фонтанчика, Доминик напилась, набрала в ладони воды, плеснула в лицо. Я подошёл ближе и неожиданно она плеснула и мне в лицо. Я успел уклониться почти от всего душа. Доминик рассмеялась, хлопнула в ладоши.

– Отличная реакция, я же говорила. Вами все будут довольны. Все станут завидовать, – она понизила голос, взяла меня за руку. – Хотите?

Она смотрела мне в глаза, ладонь её была ледяной от воды, но я ощутил жар. И не сразу осознал, насколько многозначен вопрос.

– Хочу, – казалось, что она читает мысли.

Она придвинулась вплотную. Мысли начали смешиваться. Я чуть не отшатнулся, настолько неожиданно возникло и дало о себе знать желание.

– Вы искренний человек, – она погладила меня по щеке. – Брюс, со мной лучше быть честной. Во всём. Вот вам награда, – она привлекла меня к себе и поцеловала. В щёку.

Я не успел ещё полностью прийти в себя, как она хлопнула меня по ладони и указала.

– Вперёд, вперёд! Ещё два километра!

Брюс, парк «Иероглиф», 10 сентября 2009 года, 14:00

– Там нет помады, – услышал я, когда вышел, как и все, в коридор – десятиминутный перерыв, лектор вышел первым. Я оглянулся – София. Одета неброско, но смотрел бы и смотрел. Она одна не пользовалась косметикой, похоже. То есть, только они с Доминик.

– Что, простите?

Она подошла, улыбнулась.

– Вы постоянно прикасаетесь к щеке, словно боитесь, что другие там увидят. Там ничего нет.

– Откуда вы... – я прикусил язык. София рассмеялась. Я заметил, что а её шее висит украшение – ящерка из агата, на серебряной цепочке. Что из агата, я определил сразу.

– Я всё вижу и всё слышу, – она взяла меня за локоть. – Брюс, я тоже записалась на шахматный. Мне немного неловко, я одна там девушка. Можно попросить вас – составить мне компанию?

– С удовольствием, – я изобразил средневековый поклон. София вновь рассмеялась.

– А Доминик не будет против?

– Мы с ней даже не помолвлены, – сказал я примерно с теми интонациями, с которыми говорил Жан. Похоже, это заразно.

София фыркнула, прижала ладони к лицу. Досмеялась до слёз.

– Тогда я попробую украсть вас у неё, можно?

– Неужели я настолько хорош?

Она придвинулась, оглянулась – словно собиралась сообщить страшную тайну.

– Мне никто тут не хотел помогать, – она прошептала едва слышно. – Кроме вас. И никто не замечает. Кроме вас.

– Дразнят? – я слышал пару раз, как о её нарядах отзывались другие студентки.

– Я привыкла, – она махнула рукой, – это с детства. Первое занятие – сегодня в шесть, придёте?

– Приду, – согласился я. – Где встречаемся?

– У входа? – предложила она. – У входа в спорткомплекс?

– Я могу зайти к вам, – предложил я, – чтобы не потеряться.

Она перестала улыбаться.

– Брюс, я никого к себе не пускаю. Извините. – Видимо, ей показалось что-то в выражении моего лица. – Я не могу так сразу! – сказала она почти умоляюще.

– Всё в порядке, – я протянул ей руку, она осторожно взялась за неё. – У входа. Скажите, а эта ящерка – откуда она?

– Мы когда-то жили в Риме, – она улыбнулась. – Это оттуда. Папа подарил.

Вроде одета небогато, а ящерка стояла бы триста евро, не меньше. Видимо, любят её родители.

– О-о-о – услышали мы восхищённый громкий шёпот. – Мадемуазель! Как вы прекрасны!

Я вздохнул. Жан. В своём репертуаре.

* * *

София посмотрела на него исподлобья.

– Мы знакомы, мсье?

Жан величественно опустил на колено и протянул Софии воображаемый цветок. Я ощущал, что все вокруг смотрят на нас.

– Примите, о прекрасная сеньорита, этот чудесный цветок! Извините, что он невидимый, но в это время суток других не найти!

София рассмеялась, сделала вид, что принимает что-то и втыкает себе в причёску.

– Вы спасли мне жизнь, – произнёс Жан с чувством. На его лице было написан совершенно честный восторг. Во даёт! – Позвольте, – он взял ладонь Софии и поднёс к губам. Поднялся на ноги.

– Это Жан Леттье, – представил я его. – София Лоренцо.

София метнула в меня взгляд. Он не очень мне понравился.

– Я так и знал, что вы из Рима, – Жан коротко поклонился. – Могу ли я идти, сеньорита? Лектор грозился застрелить меня на месте, если я опоздаю!

– Можете, – София не выдержала, рассмеялась. – Он всегда такой? – поинтересовалась она у меня. – Ой! Я сейчас опоздаю! Вечером! – крикнула она уже на бегу. – Я жду вас!

Две девушки стояли рядом с нами, обе проводили её презрительным взглядом. Хороша парочка – одна красавица, с иссиня-чёрными волосами, небрежно связанными в пучок, другая – коренастая, низкорослая и рыжая, вся в веснушках. Издалека запросто мог принять её за парня.

– Дерзайте, мсье, – голос той, что выше, оказался низким, певучим. – Золушка ждёт вас. И они обе рассмеялись. Я рассмеялся в ответ и вторая, что пониже, смутилась.

Брюс, спортивный корпус, 10 сентября 2009 года, 17:55

София пришла вовремя. Появилась у дверей шахматного клуба без минуты шесть. Улыбнулась мне – я видел, что она нервничает – и первой вошла.

Шахматы в Университете считаются почти исключительно мужским видом спорта. Мсье Лабурдоннэ, потомок известного мастера, гроссмейстер и знаток шахматной композиции встретил Софию вежливой улыбкой и пригласил её присоединиться ко всем, не моргнув и глазом.

София держалась с олимпийским спокойствием, хотя я сам слышал пару шуточек в её адрес. Она иногда брала меня за руку – мы сидели рядом – но не обращала ни на кого внимания. Лабурдоннэ выслушал всех – каждый рассказал, когда и где начал заниматься шахматами, и чего добился – пресекал смешки и неуважительное отношение остальных – единственным исключением была София. Её он вовсе не пригласил выступать.

Возможно, подумал, что я попросту пригласил подружку, чтобы скучно не было.

И вскоре мы перешли ко второй части ритуала. Лабурдоннэ давал сеанс одновременной игры. Я впервые играл с гроссмейстером, и, вероятно, уже настроился на поражение. На двадцать пятом ходу я сдался. Не первым, и на том спасибо. Лабурдоннэ пожал мне руку, как и другим и жестом велел остаться и ждать.

Через двадцать минут оставалось только пять игроков, кто ещё играл. Не все остальные проиграли, некоторым Лабурдоннэ предложил ничью.

Через полчаса остался один игрок – София. Все собрались вокруг, насмешек и прочего я не видел ни на одном лице. София сидела со всё тем же спокойным выражением на лице. Лабурдоннэ посматривал на её лицо, сам же не мог скрыть восхищения.

Через сорок минут он предложил ничью. София вежливо отказалась. Ещё через десять минут гроссмейстер сдался.

– Поздравляю, мадемуазель, – Лабурдоннэ коротко поклонился. – Приношу вам извинения. Почему я не слышал о вас раньше? Вы участвуете в турнирах? Кто ваш наставник?

– Мама не разрешала, – улыбнулась София. – Я играла по переписке. Училась сама, по книжке.

– Мне пора прочесть эту книжку. Жду вас всех завтра, – Лабурдоннэ обвёл взглядом публику. – Мадемуазель, если вас не затруднит – пройдёте в мой кабинет.

Все проводили её взглядом – София шла не торопясь и было видно – Золушка только что стала принцессой.

* * *

– Здорово! – я и не пытался скрыть своё восхищение. – Где вы так научились играть? По книжке?

Она смутилась, улыбнулась.

- Можно на «ты», Брюс? Если не возражаете...
- Можно, – я протянул ей руку и она пожала её, уже почти без опаски.
- По книжке, – согласилась она, взяла меня за руку. – Спасибо, Брюс! Я там чуть от страха не умерла.
- Мне казалось, что вы... что ты спокойнее остальных.
- Я ужасно боялась, – призналась она. – Правда-правда! Брюс, если можно, я хотела бы ходить туда со тобой.
- Мне там нечего делать, – вздохнул я. – Он меня разделал в пять минут.
- Она остановилась сама, и вынудила остановиться и меня. Строго посмотрела мне в глаза.
- Брюс, я ужасно такого не люблю! Вы хорошо играете, я же видела! Просто торопитесь. И сразу настроились на поражение. Я угадала?
- Нелегко признаваться в таком. Но мне удалось.
- Вы сильный человек, – она привстала на цыпочки и поцеловала меня в щёку. Тут же покраснела. – Ой, прости. Хочешь, будем вместе заниматься?
- Я правда хорошо играю? – не выдержал я.
- Правда, – подтвердила она. – Брюс! Ну неужели я должна намекать?
- Я не сразу понял, о чём она. А когда понял, сам чуть не покраснел.
- Ты прекрасно играешь, София.
- «Софи». Мне так привычнее, Брюс. Спасибо! – и она медленно, с достоинством кивнула. И рассмеялась.
- Мадемуазель!
- Я мысленно вздохнул. Опять Жан. Но на этот раз он не дурачился. Подошёл, церемонно встал на колени и протянул Софии букет роз. Три белых и две чёрных. Ого, ничего себе, где он их взял?
- Позвольте выразить восхищение принцессе шахмат!
- Я почувствовал себя настолько лишним, что тут же решил уйти. Но София поймала меня за руку – так, чтобы Жан не заметил. Она величественно приняла букет и протянула ладонь – для поцелуя. Жан встал, ещё один средневековый поклон – и он удалился.
- Брюс, – София оглянулась, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. – Не бросайте меня! Я не умею просить остаться и не хочу учиться!
- Мы же на «ты»?
- Ой... – она снова покраснела. И снова привстала на цыпочки и снова поцеловала в щёку. – Прости!
- Значит, до завтра? – мы подошли ко входу в общежитие. – Проводить?
- До завтра, – она улыбнулась. – Нет, не нужно.

* * *

- Жаль, что её встретил ты, а не я, – вздохнул Жан, когда я рассказал ему, вечером, как познакомился с Софией. – Я чемпион по ношению сумок.
- Поль, редко улыбающийся, в этот раз не выдержал.
- Трепло, – он присоединился к нашему с Жаном застолью. – Брюс, я слышал, ты записался на фехтование?
- Я подтвердил.
- Забавно, я тоже. И на баскетбол?
- И вновь я подтвердил.
- Жан присвистнул. Перевёл взгляд с меня на Поля. Во мне сто семьдесят, в Поле два двадцать или больше.

– До колечка-то допрыгнешь?

Я молча встал из-за стола и прыгнул с места. И достал до потолка – два с половиной метра – с первой же попытки.

Жан присвистнул ещё раз.

– Беру свои слова назад, дружище.

Поль уже совсем по-дружески улыбнулся и протянул руку.

– Играем вместе! Я рад.

Брюс, парк «Иероглиф», 20 сентября 2009 года, 8:30

– Значит, всех обыграла? – Ники расспрашивала меня обо всём, а мне было приятно ей рассказывать. Она часто появлялась во время перерывов, когда мы с однокурсниками выходили подышать воздухом в коридор – и заводил разговор о чём-нибудь. Обычно о том, в чём я хорошо разбирался. Я всем телом ощущал завистливые и восхищённые взгляды остальных – особенно, когда Ники брала меня за руку.

– Всех, – подтвердил я, вытирая пот со лба.

– Всё, больше о ней ни слова, Брюс. Договорились?

– Но ты же сама попросила?

Я не заметил, как мы перешли на «ты». Как-то перешли, совершенно естественно.

– А что, непонятно, почему? – она тут же нахмурилась. – Брюс, если я с тобой, то восхищаться нужно... кем?

Я коротко поклонился. Делать это так же изящно, как Жан, я не мог. Ему легко – родители – известные актёры.

– Ну нет, так легко ты не отделаешься, – Ники улыбнулась вновь. – Я придумаю тебе испытание, и будь добр его пройти!

Поклониться во второй раз у меня получилось намного лучше.

– Всё, я уже не сержусь, – она обняла меня и, как и София, поцеловала в щёку. В другую. От поцелуя у меня сразу же случился беспорядок в голове.

Забавно. Я познакомился уже со многими девушками – при том, что совершенно не умел, до этой осени, да и мама не позволяла – но только Софи и Ники ни разу не приглашали к себе в комнату. Вообще-то по уставу университета и не положено – и мадам Цербер многих ловила на таком нарушении – но...

– Я всё ещё не уверена, – Ники понизила голос, взяла меня за руку. Легонько сжала её. Я поднял голову, встретился с ней взглядом. – Ты хочешь?

Страх как трудно было отвечать утвердительно. Представляю, какую сцену устроила бы мне мама, если бы узнала.

– Я тоже, – Ники не отводила взгляда. – Но пусть настоится, как следует. Всё, хватит отдыхать, бежим!

Брюс, спортзал, 20 сентября 2009 года, 17:30

– Брюс, замечательно, – Морис Шарон, сам в прошлом участник баскетбольной сборной Галлии, похлопал меня по плечу. – С такими парнями, как ты, мы сделаем римлян в два счёта.

Я ощущал, что мной восхищается не он один. На моём счету было двадцать очень сложных очков в этой игре – и три последних попадания. Математикам снова от нас досталось. Мне пожали руку все, и не потому, что это сделал Шарон.

– Классно играешь, – Жан был среди зрителей. – Признайся, тебе вшили в ноги пружины. Человек не может так прыгать.

Если расскажу, где, – на меня смотрели все остальные, – все туда побегут.

– Я не побегу, – Жан обвёл надменным взглядом команду. – Баскетбол – для слабаков. Бег на месте, вот спорт настоящих мужчин.

* * *

Мы сидели в «Лампе» – стало доброй традицией любые достижения отмечать там, за бутылкой вина.

– Не отказался ещё от турнира? – поинтересовался Жан.

Странно. Вроде бы я никому не говорил, что сомневаюсь, стоит ли участвовать в шахматном турнире. Ники выходила из себя всякий раз, когда я проявлял нерешительность и повторяла: это – признак слабости. Я же ощущал это иначе. У меня в голове постоянно вертелись несколько мыслей – фантазий, я уж не знаю, как их назвать – о том, каким будет моё решение и что последует. Что и София, и Ники будут разочарованы, я знал. Но по правде говоря, я не думал, что смогу выйти даже в четверть финала – а относиться к проигрышу спокойно или тем более с воодушевлением, как учил Лабурдоннэ, а до того – учитель из моей школы в Санту-Туаре, я не мог.

– Брюс, – мэтр со всеми разговаривал в своём кабинете – со всеми, кого решил оставить в клубе. – Вам нужно уметь извлекать из всего уроки. Я следил, как вы играете. У вас хорошая фантазия, вы быстро оцениваете ситуацию, но когда дела идут совсем не так, как хотелось, вы опускаете руки.

Признаваться в своих слабостях очень неприятно.

– Да, мэтр, – я выдержал его взгляд.

Он улыбнулся, встал из-за стола и подошёл ко мне. Он почти всегда ходил с указкой – иногда казалось, что он использует её как воображаемую трость.

– Брюс, я оставил в клубе только тех, кто сможет чего-то добиться. Не все станут чемпионами. Но не все к этому и стремятся. Вы сами себе мешаете добиваться успеха. Вы не передумали участвовать в турнире?

– Нет, – тут же ответил я, не раздумывая.

– Очень хорошо, – он вернулся в кресло. – Любой проигрыш – это проигранная битва, но не война. Я знаю, вы дружны с мадемуазель Лоренцо. Вам следует посмотреть на то, как она относится к неудачам.

Будто я сам не знал, как относится. Стискивает зубы, расстраивается, иногда сильно и по-детски, но всегда упорно идёт дальше.

Брюс, «Старая лампа», 5 октября 2009 года, 16:00

Итак, я сумел занять третье место на турнире по фехтованию – на шпагах. Занять, несмотря на то, что впервые взял шпагу в руки в начале сентября. Наверное, именно это третье место позволило мне окончательно поверить в себя.

Поль в итоге занял четвёртое. Бой с ним был не из простых – реакция и скорость его превосходили мои, но – как и в случае баскетбола – мне всегда везло. По мелочам – то соперник не успевал оказаться в нужном месте в нужное время, то отчего-то медлил с действием. А я не медлил.

– Поздравляю, – Поль крепко пожал мне руку. Похоже, только сегодня он всерьёз начал уважать меня. – Но я тебе этого так не оставлю! За мной – реванш!

Я кивком подтвердил, что принимаю вызов.

– Завтра полуфинал, – Жан всё время следил за успехами Софии – и моими, заодно. Мне не нравилось, что он особенно старался быть самой любезностью перед Софией в моём присутствии. Софии не нравилось, что я сам не могу оказывать знаков внимания без под-

сказки или намёка. А мне оставалось или винить во всём матушку, или признаться, что сам бы мог изменить в себе что-нибудь. – Кто поставит против Софии?

– Кстати, почему она звонит тебе каждый день? – поинтересовался Жан.

Он не язвил на эту тему. То есть, съязвил только один раз. После чего я твёрдо попросил его не делать это предметом для шуток.

– Хочет показать, что всегда во всём разбирается лучше, – пожал я плечами. – После того, как отца не стало, мне приходится расхлёбывать одному.

– Хорошо, что мы здесь, – Жан поднял бокал. – За независимость!

Кто с улыбкой, кто всерьёз поддержали этот его тост.

Брюс, парк «Иероглиф», 20 октября 2009 года, 7:30

Отчего-то и я, и она выбрались в то утро в парк пораньше. Осенняя свежесть бодрила меня сильнее, чем летняя.

– Ты многого добился, Брюс, – похвалила она, после того, как мы поговорили о том, о сём. – Что теперь?

– Теперь? Буду добиваться большего, – я не раздумывал долго. Третье место по фехтованию, наша баскетбольная команда обыграла все остальные факультеты и сборная для игры с Римом – это наша команда, почти без замен. Четвёртое место в шахматном турнире. И я даже смог сыграть с Софией вничью – как она говорила, я играл очень интересно. И звонки от матушки из отупляющей и отвратительной процедуры стали простой формальностью.

– Замечательно, – она взяла меня за руку. – Брюс, я помогала тебе, как ты думаешь?

Я подумал.

– Да, Ники, – и заметил странный холодок в её взгляде.

– И как помогала?

– Наверное, не позволяла сидеть сложа руки.

Она рассмеялась, сильно сжала мою ладонь. Придвинулась ко мне.

– Да, я помогала. Но только сначала. Потом ты всё делал сам. Брюс, я говорила об испытании. Не обещаю, что оно будет приятным. Я очень надеюсь, что ты справишься.

– А если нет?

Она внимательно смотрела мне в глаза.

– Брюс, лучше об этом не думай. Ты не представляешь, на какие гадости я способна, если меня разочаруют.

Мне трудно было представить, что она может быть способна на гадости. Так и сказал.

– Брюс, – она взяла меня за руки. – Я больше не буду помогать. Ты сам со всем справляешься. Твои сны, там, где есть я... тебе осталось немного, чтобы они перестали быть снами.

Я чуть не покраснел. Откуда она знает? Я рассказывал? Может и рассказывал, у нас с ней бывали иногда очень откровенные разговоры о жизни.

– Иди, – она отпустила мои руки. – В воскресенье, у озера, в шесть часов утра. Я буду ждать.

Через четыре дня? Интересно, что же там такого будет.

– Ни с кем не говори об этом, – предостерегла она. – Не подведи меня.

Этот последний её поцелуй я запомнил навсегда. Он длился и длился, и оторваться не было никакой возможности. Но всё-таки он кончился. Она запрокинула голову – я продолжал обнимать её, и невольно прижал её к себе сильнее. – Не отпускай меня... никогда не отпускай, – прошептала она.

Брюс, второй корпус, 20 октября 2009 года, 13:30

– Брюс, – София поймала меня, когда уже все возвращались с перерыва. – Нам нужно поговорить, – я видел, что с ней что-то не в порядке. Хотя не могло быть никакого повода

– после сокрушительного разгрома всего шахматного клуба, над Софией перестали издеваться. Не только Жан добивался её внимания – Софии стали откровенно завидовать. А она оставалась, какой была – слава не испортила её. Через месяц она участвует в отборочном турнире на первенство Галлии по шахматам среди женщин.

– У меня лекция, Софи. Давай после неё?

– Нет, – она смотрела мне в глаза, губы её подрагивали. – Или сейчас, или уже никогда не поговорим. Ни о чём.

Я мысленно вздохнул. Узнаю приём, им постоянно пользуется моя матушка.

– Идём, – я взял её под руку и мы пошли по почти безлюдным коридорам, в сторону гардероба.

Через двадцать минут мы сидела в «Лампе» и были, похоже, первыми посетителями сегодня.

* * *

– Брюс, – она выбрала «Уголок поцелуев», один из двух столиков, которые были отгорожены ширмами и занавесками. Их занимают в первую очередь. Решительно задёрнула занавеску. – Не ходи никуда. Не приходи к тому озеру, пожалуйста.

– Откуда ты знаешь? – по лицу было видно, что она знает о нашем с Ники разговоре.

Она покраснела.

– Неважно. У меня хороший слух. Брюс, пожалуйста, не ходи!

– Ты не знаешь, о чём просишь, – мне отчего-то стало трудно дышать. Ох уж эта ревность...

– Знаю, – она вскочила, едва не опрокинув стол, села рядом со мной и решительно, сильно привлекла к себе. Её губы... я не смог увернуться. Да и не захотел бы. Она таяла в руках, как воск, а ещё недавно я получал от неё по рукам или по шее за то, что пытался – без всяких задних мыслей – взять её за руку или за локоть.

Она медленно отняла губы, а я ощущал ладонями, губами, всем телом то, что пока что мне лишь снилось.

– Я не хочу потерять тебя, – она проговорила едва слышным шёпотом, глаза её заблестели. – Понимаешь? Если ты пойдёшь туда, будет что-то ужасное!

– Софи, успокойся, – я прижал её к себе, погладил по голове. – Я... – и я не нашёлся с ответом. Парни часто говорили о своих достижениях на амурном фронте, и про Софию говорили все – никого к себе не подпускает. Крепость. И вот, похоже, крепость выбрасывает белый флаг. Но мне почему-то не было радостно. Мне слишком часто предлагали выбор «или кто-то, или я!»

– Ты там будешь не один, – она отвела взгляд. – Понимаешь? Она многих позвала туда! Она играет с вами!

Я ощутил холодок, проползающий по спине. Откуда София может это знать?

– Что, и Жан? – я не смог удержаться.

– Да. Он тоже. Господи, да они все об этом треплются, – София отвернулась. – Брюс, даже если ты будешь там первым, это будет ужасно!

– Прости, Софи, – я взял её за руку. – Я обещал, понимаешь?

– Брюс, – она вытерла слёзы. – Приходи сегодня ко мне. Когда захочешь.

Мне стало не по себе. И я начал злиться.

– Зачем, Софи?

Она долго смотрела мне в глаза. Медленно, бесконечно медленно приблизила лицо к мне. Прикоснулась губами к моим губам. Солёный, горький вкус.

– Придёшь?

Я кивнул. Но не думай, Софи, что ты сможешь всё изменить так просто.

Она спрятала лицо у меня на груди и заплакала. Тихо, почти беззвучно. Официант вежливо постучал в ширму и поставил на стол наш с ней заказ. А мне уже не хотелось ни есть, ни пить. София умудрилась испортить всё то, что так хорошо начиналось.

Брюс, общежитие, 20 октября 2009 года, 21:30

По вечерам в комнатах никто не сидел. У всех были или друзья, или подруги. Надо мной смеялись и вертели пальцами у виска – Ники настолько приблизила меня к себе, я же не проявляю никакой инициативы, не стараюсь ничего добиться. Да, это так. Я не старался. И только сегодня понял, что это неправильно. И нет никаких сил изменить это в себе всего за день.

Я намеренно не пошёл в фойе, не стал звонить матушке. Мне очень хотелось вести себя, словно капризный ребёнок.

Я смотрел на часы, смотрел и в итоге встал. Все уже отметили победу Софии, и отметили хорошо, но... Я достал из «тайника» (ящик из-под книг под кроватью) бутылку дорогого вина, подумал, затем вернул её обратно. София пьёт редко. Не напиваться же мне там в одиночестве.

Она открыла дверь, едва я только подходил к ней. Взяла меня за руку. В её блоке две комнаты и соседки её, похоже, весело проводили время – но не здесь, не в этот вечер. София несколько раз жаловалась, что иногда нет покоя ни днём, ни ночью. Но никогда не пыталась сказать это мадам Цербер.

Обстановка у неё почти спартанская. Комната двухместная, но София здесь одна. Сразу или после победы? В университете принято делать такие вот подарки – чем больше делаешь для всех, тем в более лучших условиях живёшь.

– Проходи, – она заперла за мной дверь. – Кофе?

– С удовольствием, – стул у неё в комнате только один. Ну хоть чашки две, и на том спасибо. – Она подошла к плитке и принялась колдовать у плитки. Она любит варить кофе, я знаю. А мне понравилось смотреть, как она это делает. Я смотрел, и смотрел, и смотрел.

Она была в том самом платье, в котором пришла на финальную партию. В том самом в котором выиграла, эффектно и быстро. Она молча готовила кофе, не смотрела в мою сторону, но на губах её то и дело появлялась улыбка.

Сама она пила кофе чёрным, безо всякого сахара – по канонам. Я так не могу. С детства привык, что во всём должен быть сахар.

Мы продолжали молчать. Она вопросительно посмотрела на меня, когда кофейник опустел – ещё? Я кивнул в ответ. Сердце в порядке, можно.

...И появился второй кофейник. Себе она не стала наливать – видимо, ей уже хватит. А я молчал и не знал, что делать. И мало-помалу мысль не идти перестала мне казаться настолько уж глупой.

– Она встречается не только с тобой, – София опустила голову. – Нет, молчи. Я знаю, что ты про меня подумал. Но это правда, Брюс! Она встречается не только с тобой! – она опустила взгляд, порозовела. – И не только на улице, – добавила она едва слышно.

– Откуда ты можешь это знать?! Что, все треплются?

– Знаю, – она взяла меня за руку. Я осторожно освободился. – Брюс, я никогда не лгала тебе! Почему ты мне не веришь?

– Потому что ты хочешь, чтобы я её бросил, – резко ответил я.

– Да, хочу, – она смотрела мне в глаза. – Брюс, я тебе не рассказывала, но у меня начались странные сны. Я никогда не видела таких страшных снов!

Я усмехнулся.

– Я никогда не боялась темноты, а теперь боюсь! И... – она прижала ладони к вискам, словно случился приступ мигрени. – Мне кажется, что я схожу с ума. Брюс, я должна тебе сказать!

– Почему мне? – я сумел не добавить «а не Жану».

– Ты один слышишь меня по-настоящему, – на её глазах появились слёзы. – Понимаешь?

– Да, – я смотрел ей в глаза.

– Нет, – она встала, втерла лицо полотенцем. Налила мне ещё кофе. – Ничего не понимаешь. Я вижу то, чего не могло быть. Я знаю, что не могло. Потому что сама видела, что всё было по-другому. И я знаю, почему это со мной.

– Почему?

– Это она. Когда она проходит мимо меня, у меня всё портится вот тут, – она прижала ладонь ко лбу. – Это правда!

– У меня не портится, – медленно ответил я. – Совсем наоборот.

Она закивала, на глазах у неё вновь проступили слёзы.

– Да. Так у всех. Брюс, я не вру тебе! Она спит со всеми подряд, это все видят, кроме тебя!

Признаюсь – то был момент, когда мне очень хотелось дать её пощёчину. Или молча поставить чашку и выйти вон. Но... София охнула, вновь прижала ладони к вискам, покачнулась. Я едва успел подхватить её, уложить на кровать. Оглянулся – где у неё вода?

– Брюс?! – она уселась на кровати, огляделась, на лице – возмущение и изумление. – Почему ты здесь?! Я...

– Ухожу, – мне надоело это представление. Если София хотела всё испортить, окончательно, что было между нами, она преуспела. – Спасибо за кофе. – Я встал и направился к двери.

– Нет, – она прикрыла лицо ладонями. – Господи... я не знаю, что со мной. Мы говорили... да, точно, мы говорили! И мы были в кафе сегодня! Скажи, что были, что мне это не приснилось!

– Были, – я вернулся, присел перед ней на корточки. – Это было, Софи.

– Я вижу... – она смотрела сквозь меня. – Мы сидели в кафе, ты обнял меня, я дала тебе пощёчину и ушла. Господи, что со мной? Что с нами, Брюс?

– С нами?

– Я замечала. Ты иногда выключался, а потом говорил так, словно только что оказался здесь.

Она протянула мне руку.

– Ты пойдёшь, да? Всё равно пойдёшь?

– Пойду, Софи. Мне уйти, и никогда к тебе не подходить, так?

– Глупый, – она сползла с кровати, села на пол, обняла меня. – Господи, какой глупый.

Она плакала, а я не знал, что мне делать. И я начал бояться того, что придёт воскресенье.

Брюс, парк «Иероглиф», озеро, 24 октября 2009 года, 5:40

Они приходили. Я укрылся в кустах, как бы смешно это ни звучало – и видел. Их уже было десять человек, когда я почти добрался до озера. Невзирая на темень, я узнал Жана и Поля, многих других парней, с экономического и с других. Они стояли, как роботы – или манекены – молча, не говорили, вообще не замечали друг друга.

Ники появилась без одной минуты шесть, была всё в той же спортивной одежде. Появилась словно бы случайно. И тотчас статуи стали людьми, роботы ожили, и казалось, что собрались здесь на пикник. Если не обращать внимания на время суток.

Я тоже вышел. Со мной поздоровались, кто голосом, кто рукопожатием. И никого не удивляло, сколько здесь людей и зачем они здесь. И слова Софии перестали казаться нелепицей, попыткой поссорить меня с Ники.

Она подошла к берегу, сняла со среднего пальца левой руки серебряное колечко, подняла его над головой – все затихли – и, размахнувшись, бросила его в озеро.

И люди, собравшиеся на пикник, превратились в стадо диких, разъярённых псов.

На месте остались трое – двое смутно знакомых парней с философского – и я.

Я не знаю, почему остались они. Я – потому что не умел плавать. И потому, что не хотел уподобляться всей остальной стае.

Ники посмотрела мне в глаза.

– Я не умею плавать, – сообщил я. Она знает это. Всегда знала. Ники смотрела на меня и на глазах становилась чужой, непроницаемой и холодной.

Я отвернулся и пошёл прочь. Минут через пять я услышал за спиной вопли – кого-то шумно поздравляли. Но меня это не касалось.

Волна накатила, когда я ещё не добрался до общежития. На этот раз я не пытался искать платок, мне было всё равно. Мир кружился и кружился, и в конце концов пришло беспамятство.

Когда я пришёл в себя, то лежал, в мокром и грязном костюме, на полу, а рядом сидела София – поджав колени, уткнувшись в них лицом – и плакала.

Глава 4. Немилость

Брюс, общежитие, 1 ноября 2009 года, 6:00

Я теперь просыпался всё раньше и раньше. Обычно я вставал в семь, можно было часы сверять. После того воскресенья я всякий раз просыпался чуть раньше. Интересно, так и будет продолжаться, пока я вовсе не смогу заснуть?

Весь мир изменился. А я не мог в это поверить.

* * *

...Тогда София не пожелала ничего говорить. Помогла мне подняться на ноги и едва слышно попросила уйти. Я не помню, как добрался до своего блока. Там было полно народу. Поль сиял – словно отмечали его день рождения, или что-то ещё.

– Брюс: – он первым подошёл ко мне. – Куда ты подевался? Мы уж подумали, что утонул.

– Утонул? – только сейчас я осознал, что меня знобит.

– Ну да. Ты ж в воду полез прямо в костюме!

Я в замешательстве отступил на шаг.

– Тебе бы переодеться да отогреться, – на лице Поля появилось беспокойство. – Справишься?

– Нет, позвони моей маме. Подожду, пока приедет.

Он расхохотался, хлопнул меня по плечу и вернулся к компании. А я минут через пять стоял почти под кипятком и пытался понять, что произошло. Почему я оказался у Софии? Почему Поль утверждает, что я прыгнул в воду прямо в одежде? Чтобы утопиться?

– ...Брюс?

Голос Софии. Я оглянулся – стою у окна, в коридоре. Можно пойти на лоджию, но там сейчас Поль с компанией – всю ночь не спали. А мне уже не хочется в их компанию.

– Не спится, Софи?

– Брюс, зачем ты пошёл?

Она встала рядом. Глаза красные, лицо заострившееся.

– Я должен был.

Она кивнула несколько раз.

– Все вы должны были. Она что-то сделала с вами. С каждым. Господи, я послушала, о чём там парни говорят, мне жутко. Вы никогда такими не были.

– Знаешь, – я повернул голову. – Поль теперь её любимчик. Может, так и лучше.

– Ты так быстро отказался от неё?

Теперь и она смотрела мне в лицо.

– О чём ты, Софи?

– Я вижу, как она смотрит на тебя. Она ждёт от тебя чего-то, а ты ничего не делаешь.

Ждёт, ага. В упор не видит. Я замечал, она часто появлялась поблизости – но не одна, с Полем. И впервые, на моей памяти, начала пользоваться косметикой. Лучше бы не пользовалась, это выглядело вульгарно!

– Молчишь, – София прижала ладони к лицу. – Со мной что-то не так. Я помню, чего не было. И всё это началось в то же воскресенье. Ты...

Она осеклась. Посмотрела на что-то за моей спиной. Развернулась и убежала.

Я оглянулся. Жан и Ники. Оба явно навеселе, на лице Ники я прочёл презрение. Жан подошёл ко мне быстрым шагом, указал в сторону лестницы.

– Два слова, Брюс.

Мы отошли шагов на десять.

– Брюс, старик, сделай одолжение. Не подходи к ней больше. Хорошо?

– Почему это вдруг?

– Брюс, – он поправил мою куртку, смахнул несуществующие пылинки. – Я же не лез в твою жизнь, правда? Сейчас всё немного изменилось. Или ты не заметил?

Тут до меня дошло. Вот, значит, как.

– Хорошо, Жан.

Он хлопнул меня по плечу.

– Рад, что ты понял. Только не падай духом.

Будь я не так ошарашен, я бы точно послал его подальше.

С этого дня я не смог говорить с Софией. Точнее, она порывалась, и не раз мы с ней могли перекинуться несколькими словами, но почти всегда, как по волшебству, появлялся Жан. На том всё и заканчивалось.

Брюс, спорткомплекс, 1 ноября 2009 года, 15:00

– Мсье Деверо? – мэтр поднялся из-за стола. – Признаться, я удивился, отчего вы не вступили в наш клуб. Я читал о вас отзывы. Присаживайтесь.

Не вступал?!

– Мне показалось... – я сглотнул. – Только не смейтесь, мне показалось, что я уже записался. И даже участвовал в турнирах.

– Сожалею, но это не так, – Лабурдоннэ покачал головой, но смеяться не стал. – Не желаете партию?

Мы сыграли три. Всякий раз всё для меня кончалось быстрее и прискорбнее.

– Мне жаль, – мэтр поднялся. – Вы явно не в форме. Я слышал, у вас недавно было сильное потрясение. Приходите в следующем году, мсье. Я думаю, вы восстановите силы.

Он дружелюбно проводил меня, а меня стали терзать недобрые предчувствия.

И они начинали сбываться, одно за другим.

* * *

Когда я пришёл на занятия по фехтованию, на меня странно посмотрели, но предложили выходить на дорожку.

И там это случилось в первый раз – потеря координации. Я начал бой уверенно, соперником у меня был незнакомый мне парень – судя по его движениям, такой же новичок. Но в последний момент, когда я наносил укол, что-то случилось. Рука двигалась не туда. Мышцы откликались немного невовремя.

Я проиграл первый же бой всухую. И второй. Тренер, Жак Сешел, жестом пригласил следовать за собой, в свой кабинет.

– Мне очень жаль, мсье Деверо, – он уселся за стол и предложил присесть напротив. – Я не хотел, чтобы вас поднимали на смех. Мне казалось, что мы уже обо всём договорились.

– Договорились? – я был в полном недоумении.

Ну да, ведь после несчастного случая у вас нарушена координация.

– Напомните, пожалуйста, – я ощущал, что почва начинает уплывать из-под ног.

– Неделию назад на вас напали неизвестные, когда вы возвращались в общежитие и жестоко избили, – он положил на стол папку, открыл и развернул так, чтобы я мог прочесть. – Доктор указал, что у вас будут сложности с координацией, что потребуется время, чтобы всё вернулось в норму.

– Откуда взялась эта справка?! – я чувствовал, что вот-вот взорвусь. И вспомнились слова – ты не представляешь, на какие гадости я могу быть способна. – Кто её принёс?

– Мсье, мсье, – Жаку было за пятьдесят, весил он, словно пёрышко, но покрепче и выносливее многих своих учеников. – Прошу, не надо так волноваться. Вам не стоит пока заниматься, но доктор сказал – через полгода всё должно прийти в норму. Я буду рад видеть вас в нашей секции.

Я отсиделся, пришёл немного в себя и предпочёл уйти. Я ощущал взгляды всех, кто занимался – казалось, они все прекратили занятия, чтобы проводить меня взглядом.

* * *

Зачем я пошёл на баскетбол, сам не понимаю. Ведь было же предчувствие – не ходить, махнуть рукой и плюнуть на всё. Но я пошёл.

– Брюс? – тренер сильно удивился. – Готов? В самом деле? Ну, давай, у нас через неделю матч. Ты нам сильно поможешь.

И вот тут надо мной посмеялись как следует. Едва я вышел на поле, как вернулось расстройство координации. Ни бегать, ни прыгать я по-настоящему не мог.

– Что это там за полено?! – тренер был взбешён, и не скрывал этого. – Брюс, идём со мной. Остальным продолжать! Запасного на поле!

– ...Мне сказали, что у тебя серьёзная травма, – он побарабанил пальцами по крышке стола. – Я думал, что это всё выдумки, ты крепкий парень – подумаешь, в лоб стукнули пару раз. Пока не поправишься, чтобы я тебя здесь не видел!

На меня накатила совершенно детская, жуткая и неприятная обида. Наверное, тренер всё прочёл по лицу, потому что смягчился и хлопнул меня по плечу.

Брюс, со здоровьем не шутят! На кой мне все эти победы, если один из лучших игроков станет после них инвалидом?

Я потряс головой, и ощутил, что обиды как и не бывало.

– Отдыхай и лечись, – тренер пожал мне руку. – Извини за «полено», но это так и выглядело. Как поправишься, обязательно возвращайся. Нам без тебя трудно.

Я не стал ему говорить, что расстройство координации проходит бесследно, едва я выхожу за пределы поля. Потому что сам не сразу в это поверил.

Но расстройство координации было не самым неприятным. Похоже, это было только началом неприятностей.

Брюс, общежитие, 14 ноября 2009 года, 9:00

Предметы, которые мне давались почти без усилий – все экономические, а также основы точных наук – становились крепким орешком. Я ощущал это так же, как потерю координации там, в спорткомплексе. Стоило прийти в читальный зал и сесть заниматься – всё, начиналось мельтешение и круговерть в голове.

«Лекарство» от подобного отыскилось не сразу. Им оказался всё тот же платок.

Дома я постоянно держал его в кармане. Не знаю уже, зачем. Пару раз хотел выбросить и поставить точку на всём этом, но каждый раз, едва только подходил к мусоропроводу, урне или чему-то такому, начинала кружиться голова. Брался а платок – и всё проходило.

Я вспомнил историю про шагреновую кожу. И задумался, отчего всё происходит так, как происходит. Я могу поверить, что человек может подговорить кого-то напасть на меня и избить. Могу поверить, что может восстановить против меня всех остальных. Но как человек может устраивать потерю координации и рассеянность внимания, причём ен везде, а когда это неприятнее всего?

«Брюс», я слышал свой собственный голос и очнулся от полузабытья. Вот не хватало только самому с собой говорить! Ты держишь платок в руке, продолжал внутренний голос,

у тебя странные провалы в памяти и ты помнишь то, что быть не могло. Откуда после всего этого желание найти рациональное объяснение? Вот тебе объяснение: ты спятил.

И я решился пойти к психиатру.

* * *

– Нарушения сна, ложная память, – пробормотал психиатр. – Нет-нет, мсье Деверо, я не думаю, что вам стоит считать себя сумасшедшим. Вы перенесли тяжёлую травму, у вас неприятности личного характера, вам стало труднее учиться, – вам просто нужен хороший отдых, чаще гуляйте на свежем воздухе и не перенапрягайтесь. Я выпишу вам сейчас лекарства – пейте на ночь, вам больше всего необходим хороший сон. И вот ещё что. Если с вами будет происходить что-то, что вы сочтёте тревожным, просьба записать это – ваши ощущения – и сразу же приходить ко мне. Вот, – он протянул карточку. – Звоните, если что-то случится.

– Спасибо, доктор, – он энергично пожал мне руку.

* * *

– Брюс? – Жан встретил меня у выхода. – Что ты там забыл?

– Мозги, – проворчал я. Мне хотелось сказать что-то грубое, но в присутствии Жана не получалось всерьёз сердиться. – Психиатр выписал мне новые.

– Без мозгов у нас никуда, – согласился Жан. – Я хотел тебе передать. Парни ждут тебя – ну, вся компания – наша сборная. Ты как в воду опущенный. Тебе нельзя сидеть одному старик, не то будешь новые мозги выписывать каждый день.

– Спасибо за заботу, – злость поднималась из глубины. Я помнил, с каким лицом Жан смотрел, когда мы с Софией пытались поговорить, и, что хуже, я видел лицо самой Софии – с виноватым выражением.

– Не кисни, – Жан перестал иронически улыбаться. – Я же серьёзно. У нас там такие планы...

– Что, обыграть сборную Англии?

– Бери выше, старик. Завоевать весь мир! Всех обыграть!

– Удачи, – пожал я плечами.

– Слушай, мы выиграли последний матч только благодаря тебе! А такое не забывают, – он протянул руку. – Заходи.

Наверное, мне стоило зайти тогда. В тот же вечер. Но я не зашёл.

И все обо мне забыли. Кроме Софии и, как оказалось потом, Ники.

Брюс, общежитие, 6 апреля 2010 года, 9:00

– Брюс, – Поль редко заговаривал со мной. Похоже, то, что я отказался тогда встречаться с бывшей сборной, задело его сильнее всего. – Доминик просила передать тебе приглашение. Через пять дней у неё день рождения, – он протянул мне карточку. – Она будет рада тебя видеть.

– Да? – я посмотрел ему в глаза.

– Не будь размазнёй, – он поморщился. – Что-то изменилось, но не враги же мы теперь. Я же знаю, ты смог преодолеть ту полосу. Передумал брать отпуск, с учёбой всё в порядке. Приходи!

– Хорошо, – я принял карточку. – Приду. Что ей подарить?

Он усмехнулся и хлопнул меня по плечу. Скоро я начну ненавидеть это проявление дружелюбия.

– У неё всё есть, Брюс. У неё есть больше, чем ты можешь представить. Просто приходи.

Да, он был прав. Я смог преодолеть «ту полосу». И средством являлся вначале платок.

* * *

Я обнаружил, что если держу его в руке, неважно в какой, то мысли становятся на место, а тело слушается, как и всегда. Вообще всё становится на редкость понятно и привычно. Я пытался поговорить с психиатром о платке, но – всякий раз я напрочь о нём забывал, когда входил в его кабинет.

Так и учился. Сидеть в общежитии было проще, хотя такая учёба не поощрялась. Студенты должны жить единой большой семьёй и общаться чаще. Поначалу я вызывал смешки, когда сидел в читальном зале, держа левую руку или в кармане или просто под столом. А что делать? Если платок кто-нибудь увидит, меня как минимум спросят, откуда я его взял. Все знают, что Ники вручила этот платок Полю. А тот наверняка хранит его в очень надёжном месте.

Меня уже не беспокоило, что приходится думать о вещах, которые не могли случиться одновременно. Наверное, в глубине души я всё-таки считал себя сумасшедшим.

Мне хотелось взять отпуск, уехать домой и забыть обо всём, что было. Но что потом? Моя матушка и не скрывает, что готова суетиться вокруг меня остаток жизни, и снова уехать куда-то на учёбу будет очень трудно. И я разозлился в какой-то момент – не на неё, а на себя. И злость прекрасно помогла. Когда она особенно удавалась, я занимался безо всякого платка и безо всяких усилий.

Но это отнимало много сил. Нужно дотерпеть, окончить этот курс и подумать, не перевестись ли куда-нибудь ещё. Хотя я понимал, что не хочу переводиться, – из-за Софии и, главным образом из-за Ники.

Мне начали сниться сны. Я не могу назвать их иначе, пусть даже там всё было очень реально. Сны приходили каждую ночь, отнимали много сил, я часто просыпался разбитым.

* * *

Это были не те фантазии, скажем так, которые преследовали меня после нескольких первых дней знакомства. Я ощущал физическое притяжение, и она знала, и хорошо этим пользовалась. Но когда угар проходил и наступало утро, я понимал, что это, как повторял учитель биологии, «химия организма».

Сейчас мне снилось прошлое, но в нём у меня была возможность менять что-то, пусть самую капельку. Я помнил, как всё происходило – я помнил каждую нашу встречу с ней, в лесу или в кафе в университете или общежитии, все разговоры. И мог – во сне – не говорить то, что ей неприятно, узнавать о ней больше – она охотно рассказывала. Я не понимал, вначале, почему она так свободно говорит о весьма личном. Потом понял. Я видел, как она однажды дала пощёчину одной из студенток – потом мне рассказали, что Ники, после бокала вина, поделилась какими-то интимными подробностями своей жизни. И когда услышала их от кого-то другого, поняла – кто разболтал.

Проверяла. Она проверяла меня, как и других. Ну что же, я не болтун.

Много раз сны доходили до того нелепого «испытания». Многие запомнят тот холодный пруд – трое слегли с воспалением лёгких, двое чуть не утонули. Но в моих снах этого просто не было. И я не знал, что было – знал только, что она не прогоняла меня, не отдаляла, никто не говорил про меня ничего за моей спиной и – мне продолжало всё удаваться.

Я говорил с ней в снах. О том, о чём в реальности, в прошлом, не говорил. И разговоры запоминались. Может быть, именно разговоры во сне и помогли мне продержаться так долго – ведь в реальности Ники вела себя всё более странно.

Одевалась всё более крикливо. Вела себя надменно и агрессивно по отношению к тем, кто не выказывал ей уважение (а выказывали немногие). И, что самое неприятное, в присутствии Поля, Жана или других «прошедших испытание» становилась другой – деланно услужливой, крайне любезной, а в случае Поля – прямо-таки покорной. Это настолько не походило на знакомую мне Ники, что я не знал, что и думать. Игра. Непонятная мне игра. И часто, почти каждый день, она попадалась мне на глаза, молча смотрела. Во взгляде всё чаще начинало появляться презрение и злость.

Но не пойти на день рождения я бы не смог теперь.

А София... забавно, но мы начали переписываться. Я никогда особенно не любил эпистолярный жанр, но переписка выходила интересной. Мы с ней там даже играли в шахматы. Это был, наверное, единственный способ общения – попытайся я встретиться с ней, моментально где-нибудь рядом, как по волшебству, оказывался Жан.

София уговаривала меня не ходить на день рождения. Что бы мне в этот раз послушаться доброго совета!

Но добрые советы на то и добрые, чтобы их никогда не слушались.

Брюс, праздничный зал, 11 апреля 2010 года, 14:00

Странно, но дверь в праздничный зал оказалась открытой и – никакой охраны, ни приглашённых, никого. Заходи кто хочешь, бери что хочешь. По поводу последнего я, конечно, преувеличил. «Крысятничать» в кампусе никто не стал бы – за подобное выгоняют с позором, а сделать что-то тайком трудно. Кругом камеры, полно охраны, а студентам за своевременное предупреждение о возможных нарушениях закона полагается поощрение.

Я открыл дверь и ещё раз подумал, не уйти ли отсюда. Тем более, уже два часа полудни, объявленное время, а здесь ни души. Накрытые столы, яркое освещение, тепло и уют. И никого. Розыгрыш? Или все передумали?

– Брюс? – услышал я из-за спины. Ники. Я уже начал вздрагивать от звука её голоса. Моего общества за прошедшие несколько месяцев начали избегать почти все – и всякий раз, когда Ники появлялась, обычно в компании Поля, Длинного, как его звали за спиной – все делали вид, что меня здесь нет.

С днём рождения, мадемуазель де Сант-Альбан, – я коротко поклонился. Звать себя по имени она теперь не позволяла. Несколько раз я получал от неё пощёчину за фамильярность, а рядом, с выражением скуки и брезгливости, всегда стоял Длинный.

Ники приблизилась. Вся в чёрном – это теперь праздничный наряд? И никаких духов. И на том спасибо.

– Ничего не хочешь сказать?

Она стояла на расстоянии двух шагов, пристально смотрела мне в лицо.

Хороший вопрос. Я бы у неё самой хотел спросить многое... но мне уже не хотелось ничего выяснять.

– Почему никто не пришёл?

– Потому что я так захотела, – она не отводила взгляда. – Почему ты ничего не делал?

Я оторопел.

– Ч-что?!

– Почему ничего не делал?! – крикнула она и ударила кулаком в грудь. Меня как будто огрели кувалдой – стоило немалых трудов не упасть, я хватал ртом воздух, словно рыба. – Я ждала, что это будешь ты! Почему ты просто ушёл? Почему?!

– Я не умею плавать, – сейчас это звучало на редкость нелепо. – И ты это знала.

– Ты даже не попробовал, – я заметил слёзы на её лице. Неприятным оказалось сочетание, слёзы и ярость. – Ты даже не попробовал!

– Я утонул бы, – она шла ко мне, держа кулаки сжатыми, мне приходилось отступать. – Ты этого хотела?

– Откуда ты знаешь?! – крикнула она так, что уши заложило. – Откуда ты знаешь, если ты даже не пробовал? Думаешь, я дала бы тебе утонуть? Трус! Ты ничего не сделал ради меня, даже не попробовал!

Я нащупал в кармане брюк платок. И на какой-то момент наваждение прошло.

– Спасибо за приглашение, – я ещё раз поклонился, обошёл Ники и направился к двери.

– Я не отпускала тебя, – услышал я из-за спины. – Мы ещё не закончили разговор! Немедленно вернись!

Вот ещё.

Я открыл дверь... и за ней оказалась Ники. Та же самая. Я оглянулся, ощущая, что сплю – позади меня стояла ещё одна. Та, что вошла с улицы, дала мне пощёчину.

– Ты не ответил, – услышал я с обеих сторон. – Почему? Отвечай!

Я сплю, подумал я. Такого не может быть. Я повернулся к двери, ведущей на кухню, и побежал туда. Из-за спины донёсся смех. Я влетел на кухню...

Ники. На кухне было пять человек – и все они были ей. В халатах, передниках, всё как положено. Ближайшая ко мне держала в руке хлебный нож.

– От меня не убежишь, – она шагнула мне навстречу и остальные четверо засмеялись.

Меня словно наэлектризовало. Я испугался, но страх не отнял силы – наоборот, подстегнул. И нарушение координации вернулось, в тот же момент. Я чудом избежал взмаха ножом, оттолкнул ещё одну Ники и ринулся в следующую дверь.

И вылетел наружу. Но вокруг – ночь, в небе холодно сияет Луна. И – куда ни глянь, всюду Ники. Её было, наверное, несколько тысяч. В форме рабочих и учителей, студентки и клерки – но кругом была она. Она одна.

– Почему? – услышал я вопрос, его задал хор голосов. Меня взяли за шиворот, встряхнули. Я оглянулся – это Поль. Длинный был одет в рыцарские доспехи и стал ещё чуть не полметра выше, и комично, и страшно одновременно.

– Тебя же спрашивают, – голос его звучал неприятно, он менял высоту и тембр, от него мурашки шли по коже. – Отвечай!

Темнота.

* * *

– Что такое? – услышал я голос Длинного. И оказалось, что я сижу на полу, у стены, закрывая голову руками, а Поль, воплощённая элегантность, трясёт меня за плечо. – Брюс, ты что, перебрал?

– Я не начинал даже, – услышал я свой голос, поднял голову. Поль холодно улыбнулся, отошёл в сторону. Я встал – похоже, никто не заметил, что я сижу у стены.

В зале было полно народа. И веселье шло полным ходом.

Меня никто не замечал. В том числе – Ники. Дым висел коромыслом, что-то что-пел для неё, танцевал для неё. А Ники была уже пьяна в дым и выглядела, как и всегда в последние дни – вульгарно, вызывающе. Я оглянулся – да тут человек двести, или даже больше! Я присматривался – узнавал почти всех, с кем играл в сборных, с кем участвовали турнирах. Общался на философском кружке, сидел вечерами на лоджии. Я со многими сидел по ночам, и те, кто днём избегали моего общества, по ночам охотно сидели рядом, иногда угощали, вопреки строгим запретам, вином и говорили, говорили... Я вспоминал теперь все эти разговоры. Ники добралась почти до всех, кого я видел рядом. Кому-то наговорила гру-

бостей, у кого-то отбила, просто так, парня, про кого-то наговорила гадостей. Но все они здесь, почему?

От аромата еды кружилась голова, я ощущал зверский голод, но мне казалось, что я пиру у людоедов, как в известной сказке. Стоит только съесть маленький кусочек, и я стану свиньёй, и меня тут же зарежут и приготовят для гостей. Через два столика я заметил Софию – она смотрела в мою сторону, вид у неё был осунувшийся, разбитый. Ей тоже досталось, но за что? Последние два месяца она смотрела только себе под ноги, не отвечала колкостями на колкость, и только когда доходило до шахмат, становилась прежней. Жан стоял рядом с её столиком, словно часовой. И ещё один парень – вроде бы, Ив Мерсье, наш запасной в команде – как и Жан, в безликом костюме – ни дать ни взять телохранитель.

Рядом – за соседним столиком – сидели те двое девушек, одна из них посоветовала мне когда-то бежать за Золушкой. Теперь я знал их имена – та, что выше, холодная и неприступная красавица – Шарлотта, другая – неуклюжая, хмурая и похожа на хомячка – Кристин. Они посматривали на меня, о чём-то шептались. Шарлотта посмотрела в сторону подиума, где, словно королева, находилась Ники, и тронула подругу за плечо. Та посмотрела в сторону Ники, тихо рассмеялась.

Я ощутил, как посмотрела на них Ники. Я ощущал, что смотрит она именно на Шарлотту и Кристин. Шарлотта спокойно встретила её взгляд. Вынула сигарету, закурила. Ники нехорошо улыбнулась ей и отвела взгляд.

Шарлотта потушила сигарету, вновь склонилась к Кристин, они тихо поговорили – из-за музыки ничего не было слышно – затем Шарлотта встала и прошла через весь зал – к знакомым. По пути бросила мне, незаметно для других, скомканную салфетку. Я развернул, усмехнулся.

«Уходи немедленно», было написано там. Да. Верно, Шарлотта. Раз меня не видят, пора уходить. Я тихонько встал и пошёл. Но не дошёл всего каких-то пять шагов до двери.

– Брюс?

Музыка смолкла. Голос Ники прозвучал неожиданно громко.

– Уже уходишь?

Я обернулся. Она спускалась ко мне, шла – нет, вышагивала. На какой-то момент я увидел в ней ту Ники, из первого дня.

– Если не возражаешь.

– Возражаю, – она рассмеялась и все – я готов был побиться о заклад – все вокруг подхватили её смех. – Не хочешь станцевать со мной?

– Нет, – мне надоело это всё. Голова закружилась, я машинально полез в карман за платком.

– Что это там у тебя? – поинтересовалась она насмешливо. – Ну-ка, покажи!

Меня схватили за руки. Я не думал, что ко мне могут подобраться так незаметно. Ив полез в мой карман и достал платок. Лицо Ники окаменело.

Поль быстрым шагом подошёл ко мне и, коротко размахнувшись, ударил в челюсть. Меня отпустили – позволили упасть на пол. Поль молча прятал своё сокровище в карман, а Ники смотрела на меня с презрением. Я с трудом поднялся.

– Что ещё ждать от сына уголовника? Заявила она громко. И я ощутил, как изменились все взгляды, стали брезгливыми и презрительными. – Теперь ты точно станцуешь для меня. Там, снаружи, в грязи!

– Попробуй заставь, – я смотрел в её глаза.

– Кого угодно, – она прошипела, подойдя вплотную. – Кого угодно заставлю сделать что угодно!

Она обернулась, махнула кому-то рукой – и два парня с девушкой запрыгнули на столик и принялись плясать там – разбрасывая в стороны тарелки и стаканы, под стройный смех и аплодисменты.

– Танцуй! – она взмахнула руками, и заиграла музыка. Музыка дешёвых забегаловок, под неё танцуют, когда напился в дым.

Нет, – злость вернулась ко мне и придала сил. Ники расхохоталась, хлопнула в ладоши и я вновь ощутил, что умираю. Но платка уже не было под рукой.

Брюс, парк «Иероглиф», 11 апреля 2010 года, 22:30

– Брюс, – София сидела рядом со мной на скамейке. – Брюс, уезжай. Пожалуйста, уезжай!

Я смутно помнил, что случилось со мной. Помнил, что земля – грязь и лужи – кружились перед глазами. Помню смех, кто-то стоял вокруг меня и хлопал в ладоши. Помню, что голова прекратила кружиться и я понял, что сижу в луже. В своём единственном приличном костюме. Я полез в карман брюк и не удивился, обнаружив там платок.

Мне казалось, что меня весь вечер избивали – не было почти никаких ушибов, кроме того удара по лицу, но болело всё, что есть у человека.

Откуда взялась София, я не понимал. Мне казалось, что всё это приснилось, и что пора просыпаться. Но похоже, это как раз не было сном.

– Почему... ты здесь? – один из зубов начал шататься. Во рту скапливалась кровь, приходилось выплёвывать, и это выглядело мерзко.

– Жан напился, – сообщила София с отсутствующим видом. – Я убежала, пока он не заметил. Брюс, уезжай! Уезжай прямо сейчас! Она же убьёт тебя!

– Я подумаю, – лицо Софии окаменело.

– Ты не понимаешь! Брюс, я слышала, что они там про тебя наговорили! Я видела, как ты танцевал в грязи, я же знаю, что ты сам не стал бы!

– Софи, – я взял её за руку. Испачкаю ей сейчас, сам весь в грязи. Только теперь я стал ощущать, что промок насквозь. – Я не сдамся. Я закончу этот год.

– Какие вы все глупые, – София бросилась ко мне на грудь. Я не успел помешать ей, не дать перепачкаться. – Но если одумаешься, скажи мне, хорошо? Пришли письмо!

– Что сказать?

– Куда уедешь, – она смотрела мне в глаза.

– А Жан?

Она отвела взгляд.

– Вы... – она сглотнула. – Вы оба, Брюс. Я не знаю, как так случилось. Прости. Не теряйся, хорошо? Я приеду!

– Хорошо, – она снова обняла меня. И убежала. Прочь, в темноту, не оглядываясь.

Глава 5. Грань

Брюс, общежитие, 12 апреля 2010 года, 9:30

Я привыкал к своему новому жилищу. После вчерашней вечеринки, будь она проклята, я не сразу нашёл дорогу домой. Когда нашёл и дошёл, то дверь была закрыта и меня не впускали. Стучи не стучи – толку нет. Поднимать шум на весь этаж я не хотел, сил злиться не было, и так уже на меня в блоке косились все, а Поль смотрел с неприкрытым презрением.

Я спустился на первый этаж – мадам Цербер не было нигде. Тоже новость – она всегда была поблизости. Но не в тот вечер. И я пошёл бродить где придётся, зашёл к паре-другой друзей – я их считал друзьями – но меня там другом уже не считали. Чертовщина! Что такого могло случиться!? Кому какое дело до моего отца?!

Мелькнула мысль зайти к Софии – попытаться – просто поговорить с кем-то. Но она, после того, как Поль пригрозил, что убьёт меня, если я хоть слово скажу о Ники, стала избегать меня.

Я просидел ту ночь в «Иероглифе» и чуть не замёрз насмерть.

А когда пришёл утром – мои вещи валялись у дверей блока. Мадам Цербер молча выдала мне ключ от комнатухи в конце коридора на шестом этаже – похоже, здесь редко жили, а чаще хранили инвентарь – ведра, тряпки и всё такое.

А теперь меня вызывает ректор. И я догадываюсь, почему.

Брюс, кабинет ректора, 12 апреля 2010 года, 9:55

– Мсье Деверо, – ректор жестом пригласил меня сесть. – Мне очень жаль, что с вами так обошлись сокурсники. Если вы знаете, кто из них мог так поступить, я хотел бы знать.

У меня его предложение вызвало отвращение – и так ведь знает, и знает, что будет, напиши я такую жалобу. Я просто пожал плечами.

– Мсье Деверо, – ректор положил на стол папку. – У вас не очень хорошо складываются отношения с другими студентами, и думаю, вам пора задуматься, почему. Университет живёт на принципах сотрудничества, братства и уважения. Если все начали избегать вас, вам следует задуматься и что-то изменить в своей жизни.

«Иначе на следующий учебный год вас здесь не будет», читалось в его взгляде.

– Я понял вас, мсье ректор, – вежливо отозвался я.

Он кивнул, взгляд его выражал трудно скрываемое презрение. Я никогда не видел мсье Лагранжа таким. Интересно, не побывала ли и здесь Ники, не оставила ли какую-нибудь жалобу или сплетню? Я ведь знаю, чувствую, что это её рук дело – что все начинают сторониться меня.

– И ещё один момент, – ректор снял очки. – Ваша анкета. Да, она придумана очень давно, в ней есть пункты сомнительной ценности, но вы не указали, что вашего отца была судимость.

Он что-то говорил ещё, я молча или почти молча соглашался, мне хотелось одного – уйти оттуда и никогда не возвращаться.

Уйти.

Да, именно так я и поступлю. Решение пришло неожиданно. Доучусь, чего бы то ни стоило, а затем перейду в другой ВУЗ, их много.

* * *

– Брюс, кто тебе мог такое сказать? – по голосу я понимал, что матушка чуть не потеряла дар речи. Я решил звонить из кафе, не с вахты общежития – в моей новой камерке телефона не было.

– Полиция подтвердила, ректор уже устроил мне сцену, – я не сдержался, говорил злым голосом. – Что с ним случилось? Почему он попал в тюрьму? Мама, ты что, думала, что я не смог бы понять? За кого ты меня принимаешь?

– Брюс, мы поговорим дома! Кто мог сказать такое, какой мерзавец?!

– Что было? За что его посадили?

– Брюс, – голос её неожиданно стал тихим. Самый неприятный. Лучше уж, чтобы она кричала или выговаривала, когда она говорит спокойно – значит очередная великая идея пришла ей в голову. – Я приеду, сама поговорю с ректором.

– Меня здесь и так называют маменькиным сынком, – я едва не стукнул трубкой о стену. – Нет. Если ты приедешь, я уеду отсюда.

– Не смей говорить со мной таким тоном, Брюс!

– Мама, я хочу только услышать ответ на вопрос. Я имею право услышать!

– Его подставили, – она разрыдалась. – Его обвинили в растрате. Но он не виноват, Брюс! Я знаю, что не виноват!

– Спасибо, мама, – я успокоился. Гнев схлынул, как и не было. – Извини, что расстроил тебя. Пожалуйста, не звони мне пока, я не хочу, чтобы мой разговор слышало всё общежитие.

И положил трубку.

Когда я обернулся – позади меня стоял Длинный и... Жан. Поль смотрел на меня, как на пустое место. А на лице Жана я увидел почти виноватое выражение – дескать, прости, старик, мне это не в радость.

Быстро Поль сделал из них «шестёрку». Слишком быстро. Я прошёл мимо, ожидая удара или чего-то такого, но ничего не случилось.

Брюс, общежитие, 12 апреля 2010 года, 13:00

Мне пора собираться на лекцию. Ручаюсь, я и там буду сидеть, как прокажённый – вокруг никого, все делают вид, что меня нет. Ладно, плевать! Я не собираюсь сдаваться и уезжать отсюда до окончания курса. Я запустил руку в карман брюк – платок так и лежал там – и в сотый раз подумал, не сжечь ли его ко всем чертям. Или я уже пробовал? Так и не решился. Не смог. Я не смог вызвать в себе подлинное отвращение или ненависть к Ники. Но не мог и сказать хоть кому-то, почему.

Лифт занят. Ладно, прогуляюсь. Я услышал смех, голос Ники этажом ниже – и невольно вышел в коридор, словно у меня могли быть дела на том этаже.

У меня чуть челюсть не отвисла. Ники шла в обнимку с Кристин Фаро – «медвежонком». Неразговорчивая, коренастая, Кристин никем не интересовалась и водила дружбу только с Шарлоттой Бреннер, с которой и жила в одной комнате. Что задумала Ники?

Ники что-то шептала на ухо Кристин и та смущённо улыбалась, отводила взгляд. Они прошли мимо меня – Ники меня теперь в упор не видела, Кристин не видела всегда.

– Да, моё солнышко, – услышал я голос Ники. – Только скажи!

Кристин рассмеялась, прижалась к Ники... о Кристин и Шарлотте что-то говорили, с усмешкой, но я старался не слушать сплетни. То, как рука Ники скользнула по Кристин... что-то здесь кроме дружбы, точно. Ники, что ты задумала на этот раз? Какую гадость для Кристин?

Они ушли вниз по лестнице, и я только сейчас заметил, что в том конце коридора стоит, глядя в пространство, Шарлотта Бреннер. Осунувшаяся, бледная, жалкая тень самой себя. Совсем недавно она могла во всём затмить Ники, если бы её интересовало чьё-то внимание.

Она увидела, что я смотрю на неё, и быстрым шагом вернулась в свою комнату.

Брюс, общежитие, 12 апреля 2010 года, 21:00

Когда тебя не видят в упор люди, с которым только вчера были не разлей вода – очень противно. Я уже не знал, к кому можно за чем подойти. С другой стороны, если из-за судимости отца, настоящей или нет, так начинают ко мне относиться, то настоящие ли то друзья?

Пойду погуляю, решил я. Сидеть в каморке, пропахшей пылью и дезинфекцией, нет никаких сил. Главное, не поддаться на очевидные искушения – например, не выпить.

Я надел плащ, взял с собой бумажник – всё же зайду в кафе, просто посидеть в тепле. И всё.

Не знаю, что меня заставило опуститься на этаж. Может, я хотел вновь заглянуть к Софии. Она одна разговаривала со мной – правда, только если рядом не было Жана или Поля. И тоже стала тенью самой себя – нет решительности, нет мрачной уверенности и язвительных шуток. Серая мышка.

Тихо. За её дверью – тихо. Я не стал вслушиваться – саму Софию за этим не раз ловили и всякий раз она с негодованием заявляла, что не подслушивает, просто не хочет приходить невовремя. И всегда краснела. Ты так мило краснеешь, Софи...

Щелчок. Дверь открылась в конце коридора. Шарлотта, в плаще и с сумкой на плече. Сумка, похоже, тяжёлая.

Она шла, ничего не видя и не слыша. Я мог просто отойти и пропустить её, но что-то снова подтолкнуло меня.

– Шарлотта? Может, помочь?

Она вздрогнула, сумка соскользнула с её плеча и, не поймай я её, упала бы.

– Боже правый, Брюс! Что ты тут делаешь?

Она оглянулась.

– Помоги, если хочешь. И проводи, если нетрудно.

– Уезжаешь? – и я понял – да, уезжает, насовсем.

Она кивнула, и видно – если бы спрашивал не я, расплакалась.

– Идём, – я взял сумку. Тяжела! Что там, книги?

Она помедлила, затем взяла меня за руку. И почти сразу отпустила.

– Идём, Брюс. Зайду в кафе, выпить хочется – сил нет. Составишь компанию?

Брюс, кафе, 12 апреля 2010 года, 21:50

Я пил кофе, Шарлотта – чередовала коньяк и кофе. Она закурила – с сигаретой она выглядела постаревшей, и вовсе не походила на прежнюю надменную красавицу. Многие за ней ухаживали, но все получили от ворот поворот.

– Брюс, – Шарлотта потушила сигарету. – Я знаю, это не моё собачье дело, но у вас было с ней что-нибудь?

Я понял, о ком она.

– Я не помню, чтобы было, – пожал я плечами.

Она покивала, опустив взгляд.

– Тогда почему она всем и каждому треплется, какая ты сволочь?

Я чуть не подавился кофе.

– Понятия не имею, Шарлотта. Мне всё равно, если честно, пусть говорит что хочет.

– Лотти. Терпеть не могу «Шарлотту», – она резко затушила сигарету, табак рассыпался по всей пепельнице. – Ты её любишь?

Я не нашёлся, что сказать.

– Молчи. Терпеть не могу, когда мужики врут. Правды всё равно ведь не скажешь.

Я усмехнулся. Шарлотта подозвала официанта, молча ткнула ногтем в пункт меню.

– У неё никогда не было друзей, – Шарлотта добыла вторую сигарету, попыталась закурить – выронила и сигарету, и зажигалку. – Её всегда дразнили, издевались. Никто не замечал, какая она добрая и необычная, – она выронила и треть сигарету, смахнула пачку с оставшимися на стол.

Я молча смотрел в её глаза.

– Я дарила ей цветы, каждый день. Боже, это было прекрасно. Я никогда не думала, что могу быть так счастлива. Я отговаривала её ехать сюда, но она упрямая. Поехала сама и меня заставила, хотя я всё равно бы поехала.

В кафе почему-то немногочисленно, хотя часам к десяти столик обычно уже не найти. Шарлотта сумела унять дрожь в руках и закурила вновь.

– Слушай, я три года как бросила курить! – Усмехнулась. Потушила сигарету. – Она терпеть не может табака. Что со мной такое? Брюс, я что-то разговорила, ты прости. Тебе самому сейчас плохо, я же вижу.

– Спасибо, Лотти. Когда-нибудь всё это кончится.

– Не думаю, – она вновь потянула сигарету из пачки, затем неожиданно вручила пачку мне. – Слушай, выброси эту чёртову пачку, я не смогу. Выпьешь со мной?

Я спрятал пачку в карман и сам позвал официанта.

– Я всё равно не брошу её, – Шарлотта вытерла глаза и сразу похорошела. – Эта ведьма поиграет с ней и бросит, она всех бросает. Я поеду за ней, даже если она меня больше на порог не пустит. Поселюсь рядом, чтобы видеть её. Скажи честно, я в своём уме?

– Мы тут все не в своём, – проворчал я. Шарлотта хрипло рассмеялась, привстала, хлопнула меня по плечу.

– Брюс, ты прелесть. Ты не говорил про нас с ней гадости, я знаю. Всё, мне пора, автобус через пять минут.

Я поднялся, взял её сумку. Шарлотта бросила на стол банкноты, пошла к выходу. Выглядела она теперь намного лучше.

Едва мы покинули кафе – снаружи было слякотно и зябко – как Шарлотта повернулась, привлекла меня к себе и поцеловала. У её губ был горький вкус. Она медленно отстранилась.

– Кому-то очень повезёт, – проговорила она. – Я сама, Брюс. Спасибо. Послушай совета, уезжай отсюда поскорее. Она сведёт тебя в могилу.

– Уеду, Лотти. Удачи тебе!

Она сжала мою ладонь и зашагала к остановке. Я вернулся в кафе, присел за столик вновь. Что-то не давало мне покоя. Что-то вызывало всё большую тревогу. Мне почему-то казалось, что я вижу – Шарлотта идёт к остановке, её сапоги скользят в сети листвы и грязи, она доходит до дороги, поскальзывается, и...

Я сорвался с места. Сшиб кого-то с ног, не обратил внимания, выбежал вон, помчался вслед за Шарлоттой.

– Лотти!

Она не обращала внимания, брела у обочины. Пара жёлтых глаз показалась вдалеке – грузовик появился из-за поворота. Я почти видел, как Шарлотта делает ещё десяток шагов, затем левая нога её соскальзывает, и она падает – прямо под колёса. – Лотти, стой! Шарлотта!!

Она не обращала внимания. Я бежал, сам чуть не полетел кубарем. Будущее неумолимо приближалось, и Лотти в нём скоро не станет.

– Шарлотта!

Не слышит или не хочет слышать. Я добежал, уже ощущая дыхание грузовика. Толкнул Шарлотту в сторону что было сил, и, глядя в побледневшее лицо шофёра, который что-то беззвучно кричал и жал на клаксон, старался изо всех сил удержать равновесие.

Фары вспыхнули нестерпимым жёлтым сиянием и в нём утонул весь мир.

Брюс, больница, 13 апреля 2010 года, 11:00

– Он пришёл в себя, – услышал я голос. Доктор Дюбуа, которого за длинные усы всегда звали Тараканом. – Мсье Деверо, вы можете открыть глаза?

Я сумел. Что-то плыло перед ними, постепенно резкость улучшалась, и вот я уже вижу лицо Таракана. Ко-то рядом. Наверное, медсестра.

– Что со мной? – я сумел спросить с третьего раза. Я не чувствовал тела – смутно догадывался, что могу пошевелить руками, и это всё.

– Контузия, множественные ушибы, трещины в двух рёбрах. Вы легко отделались, мсье. С вами хочет поговорить полиция.

Не знаю, что у меня было с головой, я отчего-то решил, что говорить будут о моём отце. Затмение какое-то.

– Это обязательно? – страшно хотелось пить.

– Говоря по правде, – Таракан понизил голос, – я предпочёл бы, чтобы они убрались отсюда поскорее.

– Хорошо, – я прикрыл глаза, а когда открыл, то в дверях палаты появился... мертвец. Зомби, или как их там зовут в фильмах ужасов. В мундире полицейского, сине-зелёный, плоть отваливается на ходу. Мне показалось, что я слышу запах распада.

– Уберите его, – попросил я. – Неужели вы не видите?

Доктор и полицейский переглянулись, и я понял, что Таракан – такой же мертвец. Они оба ослабели и принялись медленно подходить ко мне. И не было сил не то чтобы позвать на помощь, даже отвернуться.

– ... Мсье Деверо?

Таракан. Нормальный, живой. Рядом с ним полицейский – тоже на вид вполне нормальный.

– Я задам вам несколько вопросов, – полицейский взял блокнот. – Если...

– Вы можете говорить, мсье? – Таракан прервал его жестом. – Вы уверены? Пять минут, – Таракан показал полицейскому растопыренную ладонь. – Он ещё не вполне пришёл в себя.

– Хорошо, – согласился полицейский.

Я выслушал обычные вопросы – видел ли я кого-нибудь рядом с собой, уверен ли, что это несчастный случай, что-то там показалось водителю, плохо работали тормоза и ещё вопросы, один глупее другого.

Я прикрыл глаза, а когда открыл, то рядом со мной была Шарлотта.

* * *

– С тобой всё в порядке? – спросил я. Она рассмеялась и расплакалась, быстро взяла себя в руки.

– Всё, всё со мной хорошо, я там чуть от страха не умерла. Спасибо, Брюс. Ты как?

– Всё цело, – так заверил меня Таракан. – Сказали, недельку тут полежу, потом отпустят.

– Я никуда не поехала, – заявила Лотти. – Нашла тут себе комнату, в общежитии я всё равно не останусь. Можно, я буду заходить к тебе?

Я улыбнулся. – Конечно, Лотти.

– Брюс, – она склонилась надо мной. – Я люблю одного человека, и другого не будет. Но я могу быть очень хорошим другом.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Чтобы ты правильно понял вот это.

И она снова поцеловала меня. На этот раз вкус был сладким и непереносимо приятным.

– Кому-то точно очень повезёт, – прошептала она и поцеловала меня в лоб. – Я вернусь, Брюс. Принести тебе что-нибудь?

– Музыку, – попросил я. – У меня в комнате на столе плеер.

– Хочешь, я позвоню твоей матери?

– Нет, – возразил я. – Вот этого не нужно.

Мы долго смотрели друг другу в глаза.

– Держись, – она сжала мою ладонь. – Ты спас меня, а я такое никогда не забываю. Увидимся!

Как только она ушла, я понял, что на шее нет «счастливого пенни». Он мог остаться там, на дороге, я мог случайно сорвать его с шеи. Но отчего-то казалось, что я ощущал его прикосновение, когда очнулся в первый раз.

Брюс, больница, 13 апреля 2009 года, 16:00

Сидеть – лежать – здесь оказалось спокойно. Никто не приходил, кроме персонала – голова у меня кружилась, и о своём видении, про зомби, я предпочёл не рассказывать. Не то перевезут в другое отделение и будут лечить совсем от другого.

Хорошо бы, если никто не сообщит матушке, что я попал в больницу. Она тотчас же приедет, поднимет всех на уши и будет сидеть рядом, никуда не отходя. Но сейчас мысль о том, что она может отравить своей заботой моё пребывание здесь, страха или злости не вызывала. Я вообще не мог ощущать страх или злость.

Не знаю, кто положил мне платок под подушку. Может, я сам и положил. Но когда голова начинала кружиться особенно сильно, я находил его там – и почти сразу же становилось легче. Я ничего не понимал – почему платок всё ещё у меня, ведь его отняли ещё там, на вечеринке. Чьи это фокусы? Ники? Или у меня уже начались галлюцинации? От платка по-прежнему пахло жасмином и он оставался неизменно чистым.

Мне показалось, что я на минутку задремал. А когда очнулся, то рядом сидела Шарлотта, в белом халате, держала в руке толстый том теоретической физики. Она улыбнулась, увидев, что я открыл глаза, и принялась читать учебник. С выражением и нараспев. Я мгновенно сбросил с себя остатки сна, уселся.

– Лотти, что ты делаешь?

Она кивком подтвердила, что слышит и продолжила, улыбаясь и выражая неземное счастье оттого, что читает такую интересную книгу.

Я уселся. Это было и больно, и трудно, голова вновь закружилась. Я машинально полез под подушку – платка там нет. Оглянувшись, почти в панике – заметил что-то белое у двери.

Встать получилось не сразу. Лотти продолжала читать, ей не было до меня никакого дела.

На стене у входа откуда-то появилось зеркало. Я не помнил, чтобы оно там было хотя бы три часа назад. Я сделал первый шаг, треснувшие рёбра тут же дали о себе знать, я зашипел от боли и чуть не рухнул. Ноги толком не слушались.

Я невольно посмотрел в зеркало – и меня словно окатили ледяной водой. То, что там отражалось, походило на недавнее видение, существо, отдалённо похожее на меня, но синезелёное, распухшее, безобразное. Оно заметило меня и принялось бить ладонями по стеклу. С той стороны. Наверное, что-то говорило или ревело, я отвернулся и замечал краем глаза, как содрогается зеркало.

Мне бы сделать ещё два шага, наклониться и поднять платок.

Лотти продолжала читать. А по зеркалу пошли трещины.

Я наклонился и свалился, сильно ударившись головой о пол. Зеркало начало рассыпаться, разваливаться, и вот уже оттуда шагнула нога...

Я дотянулся до платка, зажмурил глаза, в ожидании того, что меня начнут есть заживо.

* * *

– Брюс!

Меня потрогали за плечо. Я проснулся, попытался сесть – зря я пытался, скривился от боли и упал на спину.

Шарлотта. С книгой в руке. Но то был детектив, да, я припомнил – она любит детективы.

– Тебе что-то приснилось? – вид у неё был уставшим – круги под глазами, растрепавшаяся причёска, покрасневшие глаза.

– Да, наверное. Я что, кричал? – я поискал взглядом стакан с водой. Лотти молча протянула его и помогла мне выпить, поддержала за локоть.

– Стонал. Брюс, что тут происходит? Меня в больнице никто не замечает. Вообще нигде не замечает, словно меня нет.

Когда она сказала, я понял, что же мне не давало покоя последние несколько дней. Именно такое ощущение – что меня нет, нет для многих, и скоро не будет ни для кого.

– Только не смейся, у меня такое же ощущение, – она помогла мне улечься обратно. – Можно, я расскажу кое-что? – Шарлотта кивнула. И я рассказал, не вдаваясь в подробности, все события, что случилось после той вечеринки.

– Это она, – тут же ответила Лотти. – Брюс, у меня что-то с головой, я чувствую. Я боюсь смотреть в зеркало. Я вижу там...

– Зомби?

– Откуда знаешь? – она оглянулась вокруг. В комнате нет зеркал.

Я пересказал ей оба своих видения.

– У меня то же самое, – прошептала она. – Я не смогла толком умыться, причесаться, ничего такого. Я чувствую, Брюс, это её рук дело. Она говорила, что кого угодно может свести с ума, так и есть.

Я достал из-под подушки платок – не показывая его Лотти, и протянул ей другую руку.

– Помоги мне сесть, – попросил я. Она взяла меня за руку, вздрогнула, потёрла лоб. Значит, это не только на меня действует?

– Странно, – она оглянулась. – Мне показалось... да нет, что за чушь. Минутку...

Она достала из сумочки зеркальце, осторожно глянула туда – краем глаза – затем посмотрела без опаски. Несколько раз открыла и закрыла глаза.

– Что это было, Брюс? Мне показалось, что я была в каком-то кошмаре, а потом проснулась.

– Не знаю, – платок ей показывать точно не стоит. – Мне это помогает.

Она долго смотрела мне в глаза.

– Научишь?

Я решил всё-таки сказать ей про платок. И понял, что у меня нет его в руке. Мне едва не стало страшно, я чуть не начал искать его повсюду, но сумел перебороть. Наверное, всё это отразилось у меня в глазах.

– Мы с тобой оба спятили, – Лотти слабо улыбнулась. – Но знаешь, мне с тобой спокойнее. Только пожалуйста, никогда не говори Кристи, что я так сказала.

– Не скажу, – пообещал я. Дверь палаты отворилась.

– Мадемуазель? Что вы тут делаете?! Часы посещений давно закончились, – Таракан обвёл нас взглядом. На лице Лотти читалось – чудо, меня заметили!

– Простите, мсье, – она поднялась. Спихватилась, открыла сумочку. – Брюс, твой плеер. – Наклонилась ко мне, шепнула: – Я ещё приду.

Брюс, больница, 3 апреля 2009 года, 19:00

Платок нашёлся, едва Лотти покинула палату. Оказался под подушкой, как всегда. То, что платок находился в самый неподходящий момент, я уже не удивлялся.

– Простите, мсье, – Таракан жестом подозвал медсестру. – Ситуация необычная. Весь кампус желает зайти и передать вам привет. Но вначале мы осмотрим вас – лягте на спину, расслабьтесь, дышите ровно.

Они долго рассматривали мои ушибы и синяки. Перебросились несколькими фразами по-латыни. Звучит забавно, словно ритуал – все цивилизованные люди знают латынь.

– Сейчас сделаем укол, – Таракан выпрямился, довольный осмотром, и я впускаю всю публику. Не всех, – он посмотрел на часы, – вам сейчас нельзя переутомляться.

«А когда можно?» – хотел я спросить, да передумал.

– Софи, – Таракан посмотрел на часы, – закончите всё, меня вызывают.

Медсестра улыбнулась и закатала мне рукав. Смотрела мне в глаза, и что-то едва слышно шептала. Или мне казалось? Платок я сжимал в руке, его вроде бы не заметили и отбирать не стали. Едва я вспомнил о платке, как стали отчётливо слышны слова, которые она произносила – на языке, больше всего похожем на латынь. Мне чудилось, что я понимаю кое-что. «Кровавый закат... ночь шорохов... пустынная стена...» и в таком духе.

– Что такое вы говорите? – спросил я. – Что за пустынная стена?

Лицо её преобразилось – пожелтела кожа, выросли, за долю секунды, челюсти, зрачки стали вертикальными. Лязгая зубами, она наклонилась, чтобы...

* * *

– Мсье Деверо? – медсестра осторожно потрясла меня за уцелевшее плечо. – С вами всё в порядке?

Я ощутил, что взмок. Вспотел, в смысле. И эта медсестра – Софи Молин, если верить значку – выглядела совершенно нормальной.

– Голова закружилась, – я внимательно вглядывался в её зрачки. Ничего постороннего.

– Вы уверены, что сможете говорить с посетителями?

– Да, – я попытался усесться, она не позволила. – Ваши рёбра, мсье, вам лучше побереечь их. Хорошо, я буду поблизости, если что – звоните.

* * *

Народ, действительно пошёл потоком. Словно я был президент Галлии. Первым пришёл не кто-нибудь, а ректор. Долго восхищался моим поступком и просил считать разговор в его кабинете недоразумением. Мы расстались едва ли не лучшими друзьями.

Потом пришла София. София Лоренцо. Она всё это время избегала меня.

– Брюс, – она смотрела виновато. – Это ужасно, что случилось! Я очень рада за тебя, правда! Только не сердись, хорошо? Я не могла подойти к тебе.

– Я понимаю, – мне не хотелось смотреть ей в глаза, но не получалось отвести взгляда. – Жану это не понравится.

– Глупый, – она наклонилась и чмокнула меня в щёку. Быстро, и почти неощутимо. Я успел услышать запах её волос и сердце забилося сильнее. – Только не смейся, Брюс. Я боюсь...

– Смотреть в зеркало?

– Откуда знаешь? – глаза её расширились. – Нет, не может быть, у тебя то же самое?!

– Я расскажу, если хочешь.

Она оглянулась.

– Не здесь, Брюс. Можно, я зайду к тебе, когда тебя выпишут?

– Заходи, конечно, – я понимал, что лучше не улыбаться, хотя очень хотелось. – Я там теперь часто сижу. Если хочешь, сыграем в шахматы.

Она улыбнулась и сразу ожила. И нахмурилась, пусть и притворно.

– Брюс, я не умею поддаваться!

– Я тоже, – она сжала мою ладонь, и ушла, оставив на тумбочке пакет леденцов. Откуда узнала, что я люблю именно эти? Я никому не говорил, а при других вообще старался не увлекаться ими – не люблю, когда надо мной смеются.

Следующим был, к огромному моему удивлению, Жан Леттье.

* * *

– Привет, старина! – он подошёл, как ни в чём не бывало, словно не он с Ивом и Полем выставили меня из блока. – Хотел обнять тебя, но медсестра сказа – не смей, он развалится на части. Поэтому... – он осторожно пожал мой указательный палец.

Я не удержался, рассмеялся, хотя это и было больно. Сжал платок в кулаке. Что это с Жаном?

– Слушай, – он посерьёзnel. – Между нами, я не хотел, чтобы тебя выгоняли. Но сам не знаю, затмение какое-то. Посмотри в мои честные глаза и скажи, я вру или не вру?

Не врал. Если, конечно, это были его глаза. Что и сказал.

– Вижу, поправляешься, – Жан энергично пожал руку. – Давай, уходи отсюда поскорее, жизнь продолжается. – Он увидел леденцы. – О, да тебя уже балуют! Неужели мамочка приехала? Всё, молчу, молчу. Я не пущу её сюда, клянусь!

Ещё немного – и мне станет худо, нельзя так много смеяться!

– Как выпустят, – он остановился на пороге, – заходи к Софи. Мы приглашаем – посидим где-нибудь, поговорим.

«Мы». Ну да, куда мне против Жана. Но настроение отчего-то не портилось.

Брюс, общежитие, 20 апреля 2009 года, 21:20

У меня началось раздвоение личности. Или растроение, или ещё хуже.

Оно началось давно, видимо, когда я познакомился с Ники, а теперь возвращалось, каждые несколько часов.

Там, в больнице: я не мог посмотреть в зеркало или выйти в коридор – там бродили чудища, или персонал вёл себя очень странно. А потом что-то случалось, и всё окрашивалось в радужные тона, и жизнь становилась прекрасной.

Всякий раз это было как-то связано с платком. Я уже старался не убирать его и застёгивал карман, где тот лежал, и всё настойчивее становилась мысль – пора к психиатру, опять.

Когда я вернулся в общежитие, то жил уже не в комнатке-чулане, а в примерно таком же блоке, что и раньше. Только теперь я там жил один. Невероятная щедрость господина ректора. Но... меня всё чаще одолевало ощущение, что я, на самом деле, всё в той же каморке, и двойственность выводила меня из себя.

Она началась ещё в больнице. Там ко мне пришёл не кто-нибудь, а Длинный. Правда, один, без Ники. Я уж не знаю, зачем он пришёл – для него Шарлотта и Кристин были любимым поводом, так скажем, пошутить – но пришёл. И даже вежливо пожелал выздоровления. И всё время мне казалось, что слышу почти прямым текстом: хоть раз увижу рядом с Ники – останешься здесь навсегда.

Но была и другая версия того же вечера. Когда Поль не пришёл. И я совершенно уверен, что не могу выбрать, что же из этого было на самом деле.

Вот и сейчас – едва я погружался в мысли о будущем, как ощущал себя и в чулане, и в новом блоке.

В новом я жил пусть и не так, как в самом начале, когда со многими передружился, но вполне сносно.

В старом я не мог посмотреть в зеркало, потому что давило жуткое ощущение – вот-вот вместо меня там покажется уродливое существо, или за спиной в зеркале кто-нибудь появится. Ощущение было таким сильным, что само по себе сводило с ума. И тишина. Я ожидал услышать голос – любой, которого быть не могло. Потому не мог уже засыпать без музыки в ушах – плеер оказался очень кстати.

Но и там, и здесь, я просыпался ровно в четыре утра, или в семь, если засыпал после четырёх.

...Так вот, я и сидел, стараясь преодолеть расщепление мира, как в дверь постучали.

Брюс, общежитие, 20 апреля 2009 года, 21:25

Это была София. С шахматами в руках – её личный комплект, старенький, маленький – походный.

– Не передумал? – поинтересовалась она.

– Нет, – я отошёл от двери, впустил её. Думал, Жан войдёт следом – нет, только София. Пока я готовил чай, она расставила шахматы.

– Белые или чёрные?

Я бросил монетку и получилось – белые.

София отошла к письменному столу и села там, спиной ко мне.

– Ты передумала?

– Я тренируюсь. Мне необязательно смотреть на доску. Начинай.

И мы начали.

* * *

– Брюс, – отозвалась она неожиданно. – Скажи, это нормально, если мне в зеркале мерещится всякая гадость?

Так. Кто ещё, кроме нас с Шарлоттой, не может глядеть в зеркало?

– Давай, я расскажу, – предложил я. София не ответила и я предпочёл рассказать поскорее, пока не передумал. Мне вовсе не приятно было переживать это ещё раз.

– Слон бэ-восемь на е-пять, – отозвалась София. Я сделал её ход и посмотрел на доску. Тяжёлое, но пока не безвыходное положение. – Брюс, знаешь, я говорила с Жаном. Только не обижайся. У него тоже что-то с зеркалами. Он так сказал, если он с Длинным поспорит о чём-нибудь, потом боится в зеркало глядеть, видит там всякую чушь. Если не спорит и делает, как скажут, то всё в порядке. Я думала, он просто сочиняет, чтобы мне не так страшно было. И он меняется, Брюс! Это ужасно!

Она расплакалась. Всё, что я мог – налить ей воды и сесть рядом. София не позволяет прикасаться к себе, это все знают. Она потянулась ко мне, обняла и ещё сильнее разрыдалась

у меня на плече. Я хотел погладить её по голове, утешить, но не осмелился – уже получал от неё по шее.

– Господи, вы все одинаковые, сами ни на что не решитесь, – она отстранилась, губы её дрожали. Я смотрел в её глаза и сердце билось всё сильнее. Я протянул руку, прикоснулся к её лбу, поправил сбившиеся волосы. Она улыбнулась. И я сделал то, что хотел – погладил её по голове. Мысли смешались и не сразу вернулись на место.

– Он почти никогда уже не шутит, – София осторожно отстранилась, вытерла глаза. – Всё рассказывает, как у них там с парнями интересно, какими они все крутыми будут. А иногда становится прежним, будто просыпается. Брюс! Мне страшно!

– Мне тоже, – признался я. – Ты тоже изменилась, Софи.

Она кивнула.

– Ладья а-один на а-4, – добавил я. София почти немедленно ответила, – Конь аш-пять на же-три, шах.

Я покосился на доску.

– Под удар?!

– Конь аш-пять на же-три, шах, – повторила она, улыбнулась, и вновь привлекла меня к себе. Смотрела мне в глаза и улыбалась. Слишком близко мы сидим, слишком близко.

– Пешка эф-два бьёт на же-три, – я почти ощущал вкус её губ, хотя до них было ещё почти сантиметр. А она смотрела и улыбалась, и её руки обжигали сквозь рубашку.

– Тебе мат в два хода, – добавила она и расстояние между нашими губами исчезло.

Я не знаю, как долго это длилось. Но пока длилось, в голове всё плыло и смешивалось.

– Не надо, – шепнула она, когда ощутила, что рукам хочется обнимать её не через ткань. – Не надо, Брюс, – я отстранился, откинулся на спинку стула, прикрыл глаза. Мне давно не было так хорошо.

В дверь постучали.

Я не помню, ответил я или нет, но через секунду вошёл Жан.

– О, какие хоромы! Брюс, можно я по вечерам буду наниматься к тебе дворецким? Буду подметать, впускать гостей, а за это буду один спать вон в той комнате?

София прыснула, метнула в меня взгляд, полный радости. И не только радость была там.

– Так, дети мои, чем это вы тут занимаетесь? – вопрос был не праздный – София с красными глазами, растрёпана, я сижу с лицом, на котором всё читается. Попались, называется.

– Он у меня выиграл, – София вскочила и бросилась к Жану и вполне естественно расплакалась.

– Это как это он смог? Ты что, поддавалась? – он строго посмотрел на неё.

– Нет, – София покраснела. – Дала ему фору.

– Ну, с форой не считается, – Жан обнял её и поцеловал. – Подумаешь, фора! С форой любой дурак выиграет!

Я предпочёл отвернуться.

– Тем более, Брюс, который у нас совсем не дурак, – закончил Жан и мы все рассмеялись.

Наверное, это был последний вечер, когда хоть кто-то не вспоминал Ники и был самим собой. Таким, каким был в прошедшем году.

* * *

– Брюс, – София вернулась ко мне минут через пять после того, как мы решили закончить вечеринку. Да. Было очень здорово. И теперь у меня внутри горела ещё одна двойствен-

ность. Что бы там ни вытворяла Ники, я не мог относиться к ней плохо. И София, конечно, это чувствовала. – Я шахматы забыла.

Она затворила двери за собой.

– Брюс, – она потупилась. – Можно, я буду иногда приходить сюда? Мне страшно сидеть там одной.

Я чуть было не ляпнул, «тогда позови Жана», но вовремя одумался. Страшная вещь, ревность. И умом понимал, что София любит не меня, и понимал, почему сегодня случилось то, что случилось, но трудно перебороть такие вот простенькие и низменные побуждения.

– Он меня почти не замечает, – она вновь расплакалась, я обнял её. – Только о себе, о них, и голос как у робота. А здесь он становится человеком. Можно?

Вот оно что. И я чуть не разозлился.

Она отступила на шаг.

– Я не звала его, – она понизила голос. – Если ты думаешь, что звала, то я уйду, Брюс, насовсем.

– Не уходи, – она подняла взгляд. – Прости меня, Софи.

– Прости меня, Брюс, – она снова расплакалась. Мы долго так стояли. Я гладил её по голове, что-то шептал, не помню, что. Потом был ещё один поцелуй – краткий, как мгновение, но сладкий, как мёд.

– Заходи, Софи, – я протянул её коробку с шахматами. – Когда захочешь.

Она улыбнулась, помахала рукой и убежала. А шахматы не взяла.

Брюс, общежитие, 21 апреля 2009 года, 4:35

Я проснулся почти на полчаса позже обычного – и ощущал себя нехорошо. Словно съел накануне что-то не то – в голове мутно, в животе непорядок. И острое, непередаваемо сильное побуждение немедленно подышать свежим воздухом.

Я вышел в коридор – тихо и спокойно, все спят – и пошёл в сторону лоджии. Комнаты отдыха. Зимой там было слишком прохладно, а сейчас в самый раз.

Одно из окон было приоткрыто, и свежесть стояла неопиcуемая. Я так и сел, у порога, на ближайший стул.

– Можно? – я услышал голос, который теперь боялся слышать. Ники. Но не ощущается приторного запаха духов – как в дешёвой парфюмерной лавке.

Я пожал плечами.

– Так можно или нет? – переспросила она резко.

– Можно, мадемуазель де Сант-Альбан, – отозвался я равнодушно. Она перешагнула порог, и я увидел её. Почти без косметики, со своим лицом. Одета в халат. Вот ещё номер! И где это Поль, почему его собственность в таком виде вышла на лоджию?

Что ты задумала, Ники?

Она уселась на соседний стул, скрючилась, спрятала лицо в ладонях.

У меня начала кружиться голова и возникло чувство нереальности – раздвоение, расстройство и всё остальное. Я машинально полез в карман и не удивился, что платок там.

Она начала раскачиваться из стороны в сторону, словно ей было совсем худо.

– Господи, как мне плохо, – она проговорила едва заметно. – И всё из-за тебя.

Час от часу не легче. Сейчас очень не хватает Поля. Чтобы вышел из коридора и дал мне в челюсть, а ей – в лоб. И было бы, за что.

– Да не будет его! – крикнула она так, что я вздрогнул и обернулся. Никого. Пока ещё никого. – Никто не придёт, – и она истерически рассмеялась. – Никто не придёт, пока не скажу.

Она выпрямилась, взяла меня за руки, повернула к себе.

– Я почувствовала это в первый же день, – она смотрела мне в глаза, а я видел – глаза чистые и ясные, нет там никакого безумия или игры. Хотя она уже не раз обманывала меня. – И знаю, что ты чувствуешь. Скажи! Скажи это мне!

– Не вынуждай на откровенность, – я поднял взгляд. – Поздно.

– Ничего не поздно, – она притянула меня к себе, а я не мог отстраниться. Не так давно я ощущал Софию рядом с собой. И сейчас хотелось встать и уйти. – Ничего не поздно, потому что ничего не было! Ты даже не знаешь, что ничего не было, – она поцеловала меня – силой, я вовсе не хотел этого. – Знаешь, что самое страшное? Что ты всё забудешь, что я сказала, и не поймёшь меня. Никогда не поймёшь.

Она смотрела мне в глаза и я не мог, хотя очень хотел, вызвать ни гнев, ни даже презрение.

– Брюс, – она смотрела мне в глаза. – Я люблю тебя. Это нелепо, такого нельзя, ты всё это забудешь насовсем, но я так не могу. Я люблю тебя, – прошептала она едва слышно. – Сделай же.

– Что сделать?

Она прикрыла глаза.

– То, что хотел ещё тогда. Представь, что ничего не было. Что ничего плохого не было. И сделай.

– Я не могу, – я встал. Сразу стало легче.

– Я не хочу тебя заставлять, – голос её дрогнул. – Я больше не сделаю тебе ничего плохого, обещаю. Просто держись от меня подальше. Веришь?

– Да, верю, – сказать ей неправду я не смог.

– Тогда сделай, – она прикрыла глаза. – Всё, что хотел. Нам никто не помешает.

И я сделал. Поцеловал её, хотя очень трудно было забыть то, что было. А временами казалось, что, действительно, ничего не было, и мы с ней виделись каждый день, а может и не только день, и мир был прекрасен...

В какой-то момент мне захотелось большего. Но... я вспомнил Софию. И не смог.

Медленно отпустил её, отодвинулся.

– Брюс, – она взяла меня ладонями за щёки. – Сейчас ты многое забудешь. Мне плевать, раз так случилось, просто помни, я сейчас говорила правду.

И голова поплыла, и память начала перемешиваться. Я пришёл в себя и не мог понять – почему я в лоджии, и почему сижу на полу, и что тут делает Ники в халате.

– Ты запомнил? – спрашивает она. И я вижу Ники – раскрашенную, надушенную так, что хоть одевай противогаз, с недоброй улыбкой – и подтверждаю.

– Иди, – она отворачивается. – Иди отдыхай, Брюс. С тобой больше ничего не случится.

Я дошёл до своего блока, и там, внутри, меня скрутило. Я снова умирал и никак не мог умереть. Платок... в какой-то момент мне показалось, что она забрала его, но нет – вот, в кармане.

И всё вернулось. Я уже не удивился, что помню разговор с ней, точнее два разговора, которые не могли случиться в одно и то же время, но случились. И вспомнил её указания. Не подходить к её комнате. Не разговаривать с Полем. Задержаться здесь на пять дней после начала каникул, она должна передать мне что-то очень важное.

Я устал. Да, она всё поняла, но я не мог бы там признаться ей. Ведь она могла просто рассмеяться мне в лицо, или что похуже.

* * *

Она была права, оставшееся до сессии время ничего не происходило. Меня вновь все забыли – но на этот раз вспоминали и старались угодить, если я появлялся сам. Это было неприятно, но лучше, чем раньше.

И София – она одна не «забыла», и приходила, почти каждый вечер. Соблюдала дистанцию – взяться за руку было самой большой близостью. Но с ней становилось спокойно, и мы говорили о всякой всячине. Обо всём, кроме того, что происходит у нас перед глазами. Но и она, и я понимали – она уедет вместе с Жаном, как бы он ни изменился.

И самое невероятное – мне перестала звонить матушка. Я сам звонил – раз в неделю – терпеливо выслушивал расспросы, старался быть спокоен и приветлив. И мне удавалось.

Каникулы начались почти неожиданно. София, как узнала, что я немного задерживаюсь, сказала мне по секрету – Жан тоже задержится и тоже на пять дней. Ну что же – значит, ещё не время прощаться.

Она плакала, и осталась у меня на ночь. Мы не спали в эту ночь и то говорили о всякой ерунде, то играли в шахматы. Два раза я смог сделать ничью. Могу гордиться.

Утром последнего дня я проводил возмутительно бодрую Софию и – едва успел закрыть дверь и дойти до кровати.

Глава 6. Бегство из тени

Брюс, 21 июня 2010 года, 21:00

Корпус давно опустел; кроме дежурных на вахте – никого. Признаться, мне стало скучно уже на второй день выпускных праздников. Ну да, полтора столетия Университету, самый большой выпуск... но что для меня, лично для меня это значит?

Ничего. Десять прошедших месяцев обучения запомнятся, запомнятся надолго. Особенно – та неделя, что я провёл в больнице. Когда дни тянулись, наполненные жуткой скукой и болью, а по ночам приходили сновидения. Очень достоверные сновидения, невероятно напоминавшие подлинный мир. И начинались сновидения с неё, с Ники.

Я скрипнул зубами. Лучше бы я уехал пять дней назад, когда официально начались каникулы. Домой, в знойный сонный Сант-Туаре, рассказывать родственникам о первом удачном годе обучения. Удачном, нет никакого сомнения. Я ведь приехал сюда за знаниями, а всё прочее – безумства Ники, вся та круговерть, что она устроила, кошмар, в который она обращала жизни окружающих – кого это должно волновать?

Едва слышный скрип за спиной. Я специально поднялся сюда, на южный балкон, дальней лестницей. Через тёмный и мрачный холл, сквозь призрачную тьму, успокаивающую и прохладную. Помню, как невыносимо было то, что окружающие начали сторониться – чем бы это ни было вызвано. И как я привыкал к тому, что быть одному – не так уж и плохо. И привык, похоже. Только подумать: всего десять месяцев назад я боялся темноты!

Если бы я поднялся на лифте, или по центральной лестнице, Ники услышала бы. Но я нарочно прокрался сюда, не привлекая внимания. Я обещал ждать здесь полчаса? Отлично, пятнадцать минут уже прошло. Вернуться в свою комнату за сумкой, зайти за Софией и – проводить её на вокзал. Её поезд – через пять часов. Мой – через восемь. Но ждать здесь, в кампусе, в своей либо чьей-то ещё комнате я не стану. Больше всего я хотел исчезнуть, испариться, оказаться дома – усилием мысли, волшебством, любым иным способом.

Я смотрел туда, где, скрытые закатной дымкой, проступали огни Сант-Альбана, как ощутил едва заметный запах жасмина.

* * *

– Брюс?

Я медленно оглянулся. Ники. Иреанн Доминик де Сант-Альбан собственной персоной. Но это оказалась *другая* Ники. Та, первая, из самого первого дня, когда мы встретились в фойе. Одежда – не из дешёвых, но и не крикливая, бросающаяся в глаза. Лёгкие брюки, куртка, из-под которой виднелась ослепительно-белая блузка. Шарф, лёгкий, невесомый, полтора раза обвивший её шею. Короткая стрижка. Летние туфли – такие же тонкие. Всё её любимых цветов – сталь, серое молоко тумана, пепел. Как и её волосы. Как и её глаза. Ники куда-то собралась?

– Брюс? – повторила она. – Это ты? Как ты сюда попал?

Искреннее, неподдельное изумление в её голосе. Да. Это та, прежняя Ники. Не ощущается духов – порой настолько крепких, что сбивали с ног за десять шагов. Исчезла вульгарность из взгляда, вечная усмешка. Я оторопел, да так, что не сразу смог ответить. Она остановилась в двух шагах, протянула руку ко мне. Я, не знаю уж почему, отступил на шаг. Резко. Хорошо, что перила высокие – не то лететь мне вниз все шесть этажей.

Ники вздрогнула, словно получила пощёчину.

– Брюс, как ты попал сюда?

Самообладание вернулось ко мне. И злость. Ники продолжает играть. «Я должна передать тебе кое-что. Дождись меня, обязательно». И я согласился. Вот ведь идиот! Всякий раз говорил себе – всё, довольно, в следующий раз пошлю её так далеко, что не вернётся даже она.

– Ногами, – услышал я свой голос. – По лестнице. Что ты хотела, Ники?

Или это снова сон? Где Длинный Путь, «владелец» Ники? Где его приятели? Как это Длинный позволил любимой своей игрушке расхаживать по пустому зданию, как допустил, чтобы она встретила со мной? Или он ждёт там, внизу, чтобы на этот раз покончить со мной навсегда?

– Покажи, – в её голосе прозвучал металл. Она шагнула ко мне, и... я протянул руку. Не позволяя ей приблизиться. Ники замерла, вновь вздрогнула. Словно получила ещё одну пощёчину. – Покажи, – теперь она просила, не приказывала. – Прошу, Брюс. Это важно.

Я усмехнулся и, держась нарочито в стороне, не позволяя прикоснуться к себе, двинулся к лестнице. Хочешь увидеть – пожалуйста. Сейчас увидишь. Зайду в свою комнату, заберу сумку, и – к Софии. Она должна уже быть в своей комнате.

...Мы спустились по той же дальней лестнице, прошли всеми её пролётами, двинулись в сторону того самого холла, где всегда царит полумрак. Здесь Ники замерла. Я невольно оглянулся, не услышав слабого звука её шагов – и увидел Ники-испуганную. Но этот род испуга оказался новым – Ники словно осознала, что пребывает в страшном сне. В кошмаре. Что видит что-то такое, чему не должно быть места в мире.

– Нет, – позвала она. – Не надо, Брюс. Вернёмся. Пожалуйста.

Ещё один шанс. Отвернуться, пересечь холл, пройти в другое крыло. Ещё пять минут – и я на улице, на пути к автобусной остановке. Ещё час – и я уже на вокзале.

Но и этот шанс я упустил.

* * *

Злость не проходила, но меняла оттенки, вид и цвет. Буду молчать. Всё. Хотела что-то передать – пусть передаёт. Главное, не позволять «заговорить» себя. Ники умеет показаться всеми брошенной и несчастной. Помни об этом, Брюс.

Комната – комнаты – Ники оказались обставленными со вкусом. Ну да, разумеется. Я удивлён, почему ей не выделили отдельное здание. Или хотя бы этаж. В соседних блоках девушки живут по три, по четыре. Ники живёт здесь одна.

И вновь – никаких резких запахов. Никакого парфюма, ничего, ранящего обоняние. Лёгкие, ненавязчивые запахи – жасмин; полевой букет – ромашка, клевер, с примесью шиповника. Морская соль. И мускус, слабая горечь, едва ощутимая, на пороге восприятия. Полки – на них книги, тетради, учебники; статуэтки – Ники собирает их, все знают об этом увлечении. Под ногами – ковры, и вряд ли такие можно купить в первом попавшемся магазине. Много, очень много вещей, но они не загромождают комнату. Вижу, вдали, стеллаж с видеокассетами. С видеодисками. Всем остальным такие удовольствия здесь, в общежитии, заказаны, но Ники и здесь делает, что хочет.

Я пересёк первую комнату, двигаясь, как во сне. Подумать только, я шесть с небольшим месяцев ждал, желал, жаждал, чтобы она пригласила меня в гости... А теперь вошёл сюда, и ничего такого не чувствую. Словно вошёл в музей, не по собственному побуждению, а потому, что так сказали. Положено.

Я остановился посреди второй комнаты. Сейчас только заметил, что блок выглядит не так. Что все три жилые комнаты расположены анфиладой, что войти можно, извне, только в первую, самую большую. Очень удобно. Я не отказался бы от такого жилища. Уж во всяком случае больше, чем моя комнатка там, дома.

– Ники, что ты хотела?

Ну вот. Я ведь не хотел с ней заговаривать первым. Что она хотела мне передать? Что она вообще может мне передать? Мне от неё ничего не нужно.

Она медленно приближалась. Изумление всё ещё не покинуло её взгляда. Легонько провела рукой вокруг шеи – шарф сонной летучей змеей уполз куда-то за кресло. Медленно, не отводя взгляда от моих глаз, расстегнула куртку. Бросила, не глядя, попала в то же кресло.

– Мне некогда, – услышал я свой голос. – София ждёт меня. Что ты хотела передать?

– Тебя никто не ждёт, – она медленно протянула руки. Голос её обволакивал, приковывал внимание. Мне показалось, что волна жаркого, пустынного воздуха накатила, упала сверху... и прошла, впиталась в ковёр под ногами, растворилась в вечерней прохладе. Странно, подумал я невпопад, окна все закрыты, а в комнате вовсе не душно.

И вновь она замерла, и вновь она вздрогнула. Что-то не так, подумалось мне. Я должен был вести себя по-другому.

Темнеет. Я взглянул на слабо светящиеся цифры на столе неподалёку. Часы. Тридцать пять минут десятого.

Отвернуться от Ники стоило некоторых усилий. Да, это невежливо. Но я намерен быть именно невежливым, пусть это и не слишком легко. Что она хотела передать? Что меня никто не ждёт? Это всё, ради чего я задержался здесь на целых пять дней?

– Брюс... – едва слышный шёпот.

О да. Знакомая Ники. Несчастливая и всеми забытая. Всё, довольно с меня.

Я повернулся к ней... и замер сам. Не знаю, когда она успела.

Ники стояла, обнажённая, опустив голову. От неё невозможно было отвести взгляд. Словно статуя, неподвижная и прекрасная; облитая пронзительным лунным светом. Все её цвета, все оттенки стали, были теперь смешаны с лунным серебром. Она не шевелилась.

Я медленно обходил её. Она не двигалась. Жасмин, полевые цветы, морская соль... Всё это исходило от неё. Жасмин – это её волосы. Полевые цветы... запах её дыхания. Морская соль... это её кожа.

Я обошёл её, не в силах отвести взгляда, не в силах отойти. Не мог найти смелости протянуть руку, прикоснуться к ней. Но горечь, оставшаяся от злости, не покидала. Нет.

Как трудно, невероятно трудно было отвернуться. Задержать дыхание. Запахи влекли назад, манили, не позволяли рассудку вмешаться, сковывали волю, подавляли решимость. Нет.

– Брюс... – едва слышный шёпот. Ну что мне стоило заткнуть уши? Закрыть глаза, броситься прочь отсюда? Это был ещё один шанс уйти, уйти немедленно.

– Останься...

Голос то был или мне показалось? Сомнение убивает волю. Мне всего-то было нужно сделать шаг, чтобы отодвинуться, отдалиться от неё. Но я стоял, ждал чего-то.

* * *

Было ли что-нибудь?

Тепло чужого тела под ладонями, звук дыхания... прикосновения своих пальцев, прикосновение чьих-то ещё. Сгущающийся сумрак, оглушительный стук своего сердца и слабый, едва заметный, стук второго. Жаркий бархат, ласкающий пальцы, запах морской соли. Жасмин, шёлк волос, в который так приятно погружаться, и дыхание, дыхание, доносящееся издалека, из бездны, из бесконечности, из другой Вселенной, что так близка и недостижима; вход в которую рядом, совсем рядом, стоит только напрячь чувства – и заметишь...

Было ли что-нибудь вообще?

Окружающий мир пропал и растворился; не было и не могло быть злости, полевые цветы растопили её и унесли прочь, жасмин повлёк за собой, вдаль, вглубь, туда, где бушевало море. Морская соль кружила голову, кружила всё существо и четвёртая нота в этом аккорде, мускус, звучала всё сильнее...

С кем всё это происходило?

Смешивались, встречались Вселенные; та, что касалась моих пальцев, не проявляя себя, показывалась, проступала – там надо всеми мирами сгущались чёрные, чернее пустоты, грозовые тучи; там ждали приказа войска, бесчисленные армии, готовые обрушить на противника пламя и ярость; там сворачивались, скручивались горячие вихри, чтобы нести на землю жар и смерть, там всё сильнее зажигались звёзды, чтобы вспыхнуть в последний раз, обратить в пар, в сияние, в небытие всё, до чего дотянутся их лучи...

Где тот, с кем случилось всё это?

Мудрость, ранее неведомая, направляла меня – та мудрость, что заключена в простых словах: чтобы получить что-то, нужно пожертвовать чем-то. Жасмин, полевые цветы, морская соль и мускус... круговорот, смерч, вихрь, в который легко погружаться и так не хочется покидать. Жар, доносящийся отовсюду и источник, дарующий силы тонуть в вихре... Дурманящая сухость жасмина и влага, которую приносят полевые цветы; сухая волна, обжигающая раскалённая соль и другая, мускусная влага – всё кружилось и смешивалось, и дверь в соседнюю Вселенную начала открываться...

Вспомнит ли тот, другой, всё то, что произошло?

И вспыхнули звёзды, и сошлись войска; и драконы, извергающие пламя, кружили над полем битвы; огненные смерчи опустошали миры; вулканы и пожары несли смерть и забвение; Вселенная горела ледяным огнём, плавилась, сгорала под тяжестью снега, молнии, ветвистые и чудовищные, прорезали её всю... Я чувствовал это, этот сладкий огонь под пальцами, это мгновение смерти и жизни, пришедшее не ко мне, и длилось оно и длилось, и вечность отступила, утонув в этом мгновении...

Чей шёпот доносился до слуха?

И миг смерти Вселенной сменился мигом её воскрешения. Вновь загорались звёзды, вновь пыль сгущалась в планеты, и возникала на них жизнь, и проходила, и возникала вновь. В эти секунды шаткого равновесия возвращался окружающий сумрак, прохлада овеивала лицо, но холодно не было – чьи-то руки прижимались к плечам – жаркие, сильные руки; чьё-то дыхание, рядом со мной, чьи-то губы, что-то шепчущие и огонь, разгорающийся вновь – пламя, вспыхивающее от простого прикосновения пальцев, губ, от взгляда, от мысли...

Сколько длилось это безумие?

И Вселенная в моих объятиях вновь сгорала и возрождалась; и пламя, гибельный жар, просачивался внутрь меня самого, и копился, не находя выхода, и накалял, и давил, пока не осталось силы терпеть его, пока Вселенная внутри меня не озарилась таким же ледяным сиянием, не наполнилась хаосом, которому нет имени. Меня влекло куда-то, всё выше и выше, и не смог я заметить, когда сгорел и возродился, стал тем, кем был – и кем-то ещё, вернувшись в мир, обычный, скучный и неизбежный...

Как долго это длилось?

Не помню.

* * *

Я пришёл в себя – словно включился. Я лежал на полу, свернувшись калачиком. Одетый. Ники сидела рядом, нагая, прижимая ладонь к моей щеке. Было страшно хорошо и покойно... не хотелось шевелиться, подниматься, думать...

Морская соль. Ники повернула голову и я увидел, что слёзы стекают по её щекам. Невольно пошевелился (она не отняла ладонь), взглянул в сторону стола, на зелёные фосфоресцирующие цифры...

О господи! Половина четвёртого!

Я вскочил... попытался вскочить. Не смог, запутался в ногах, едва не упал. Проклятая Ники... для этого она привела меня сюда? Чтобы я опоздал, чтобы остался здесь? Злость вернулась почти мгновенно. Ники подняла голову, встречаясь со мной взглядом. На лице её я прочёл отчаяние. Настоящее? Притворное?

– Ники, какого...

Хорошо, что я вновь посмотрел на часы. Не половина четвёртого. Половина двенадцатого. Мы ещё успеем, даже если опоздаем на полуночный автобус. А опоздаем наверняка.

– Брюс, – губы Ники шевельнулись. – Ты мне нужен.

Я молча протянул ей руки. Она приняла, поднялась. Всё так же великолепна... но теперь красота её, купающейся в лунном свете, казалась вульгарной. Красота мраморных статуй, расставленных в борделе. Красота девиц лёгкого поведения, притягательная и порочная. Что-то изменилось. Если то, что мне привиделось, случилось на самом деле.

– А Длинный, значит, тебе уже не нужен? – не сдержался я.

– Уже нет. Брюс, уезжай. Как можно скорее. Двенадцатым поездом, в Ле-Тесс. Поезд будет через полтора часа, ты успеешь.

Она говорила, а слёзы текли по её щекам. Ровный голос Ники придавал жутковатое ощущение нереальности всему происходящему. Такого не может быть.

– Мне не нужно в Ле-Тесс. Я еду в Сант-Туаре. София ждёт меня, – мне уже нестерпимо хотелось говорить что-нибудь, что ранило бы Ники. Безумие, что, возможно, творилось здесь недавно, всё ещё не остыло в моей голове.

– Нет, Брюс. Это важно. Ты должен ехать в Ле-Тесс, со мной. Вот, – она протянула руку за спину. Что-то глухо звякнуло, прошелестело. Я увидел свой талисман, подарок бабушки. «Счастливый пенни», на серебряной цепочке. Так. Значит, она всё-таки украла его. Или она, или кто-нибудь из приятелей Длинного. Пока я был в беспамятстве или пока лежал в больнице. Я забрал талисман, рука сама собой сжалась в кулак.

Ники закрыла глаза, и я осознал, что она ждёт удара. Это усилило нереальность настолько, что я опомнился. Бежать отсюда, прочь. Не знаю, что там случилось у Ники, но лучше не знать.

– Я уйду, – сумел я выговорить. – Спасибо, Ники, – я не знал, всерьёз ли благодарил. Прозвучало издевательски. – Прощай.

– Нет! – она поймала меня за рукав, вынудила обернуться. Прижала мою правую ладонь обеими своими, к своей груди. – Брюс, поверь мне. Мне нужна помощь. Твоя помощь.

Я вздрогнул. Видения возникли... облако её запахов, нежная, манящая смесь, стала резкой, едва переносимой... в ушах застучало. Я увидел... Я увидел, как она... как онаodelывала *это* с другими – с Длинным, с его друзьями. Видел её, покорную и податливую... игрушку в руках Длинного. Я почувствовал омерзение.

– Да, – прошептала она. – Но это не важно.

– Ч-что?!

– Я была с ними. С каждым. Но это не важно, Брюс. Уже не важно.

– Это важно! – крикнул я, рывком забрал руку. Так резко, что оцарапал Ники краешком ногтя. Ники вновь закрыла глаза, ожидая удара – но не покорно, как рабыня, а как солдат, ждущий справедливого наказания. Красная полоса медленно возникла на её груди. Запах крови ударил в ноздри... что с моим обонянием? – Это важно, чёрт возьми!

– Пусть так, – она открыла глаза. Слёзы текут по её щекам. – Потом, Брюс. Я виновата. Но сейчас... помоги мне. Мы в беде. В большой беде.

– Ты в беде, – поправил я. Что-то не так... мне показалось, или кровавая дуга на её груди стала меньше? – Ты получила от меня, что хотела, правда? Надеюсь, тебе понравилось.

– Брюс, – она шагнула ко мне, взяла за руку. – Выслушай. Времени мало. Просто помоги мне. Один лишь раз.

– Давай, заставь меня, – в памяти всплыла та вечеринка, пьяная, злая Ники и её слова: «кого угодно заставлю сделать что угодно». И самое страшное было в том, что да, заставляла...

– Не могу, – она опустила голову. По-прежнему говорила ровно. Слеза упала на ковёр, рядом с её ногами... милыми, изящными пальчиками... – Могу убить. Могу сломать. Заставить – не могу.

Эти жуткие слова вернули меня в реальность. Или окончательно изгнали из неё. Я неожиданно поверил, что Ники не шутит, не притворяется, не издевается. Но всё равно не сдержался.

– Тогда попроси. Как следует, – перед глазами всплыла та самая вечеринка. Ощущение беспомощности... колени, сами собой сгибающиеся. Грязь, в которую я опустил. И радостный гогот «хозяина» Ники.

Она медленно, держа голову склонённой, опустилась на колени.

– Прошу, Брюс. Времени очень мало. Помоги мне.

Холод. Откуда взялся этот страшный, нестерпимый холод? Я присел перед ней. Осторожно прикоснулся ладонью к подбородку. Заставил поднять взгляд.

– Хорошо, Ники. – она молча обняла меня. Ладно. Пусть будет так. Я идиот, несомненно. Я пожалею, что не оставил её здесь, на коленях, никому не нужную и испуганную насмерть. Но это будет потом. Всё будет потом. – Скажи, что нужно сделать.

Брюс, 21 июня 2010 года, 23:45

«Надень свой талисман на шею. Не снимай. Никогда теперь не снимай».

Она долго говорила... шептала указания. В голосе её чувствовался страх. Сдерживаемый, но страх. Удивительно, но сказанное запомнилось сразу. Стоило напрячь память – и всплывали слова. И не только сами слова – всё. Её голос. Её запах... в основном жасмин, она говорила, прижавшись щекой к моей щеке. Словно кто-то мог подслушивать.

Надел. Капелька холода скользнула по груди и быстро растаяла.

«Возьми мой медальон. Не открывай, держи поблизости. Покажешь его в билетной кассе».

Герб рода Сант-Альбан – оскалившийся лев со скорпионьим хвостом. Бр-р-р... Так похож на мой талисман, что я чуть не перепутал, что класть в карман, а что – надевать на шею.

«Забери сумку. Не бери ничего больше, только куртку и сумку. Сразу уходи, держись подальше от людей, держись подальше от тени. Иди по обочине, быстрым шагом».

А вот с этим не вышло. Почти что вышло, но я свернул в сторону дальней, безлюдной лестницы (чтобы избегать встреч), как услышал всхлипывания.

Сколько ещё слёз я увижу и услышу сегодня? Этот голос я узнал сразу. И пренебрёг всеми указаниями Ники – плакала София. Я открыл дверь в их блок (сумрак, затхлый воздух, неприятная смесь запахов) и чуть не споткнулся о неё. София сжалась в комочек, в углу, рядом с дверью. Едва я открыл дверь, она открыла рот – для крика, но узнала меня, попыталась вскочить. Я поймал её, прижал к себе. София... бедная, испуганная мышка. Так я звал её, мысленно, рядом с изящной красавицей Ники София выглядела пугалом.

– Брюс... – услышал я. Всё прочее утонуло в едва слышных рыданиях. София дрожала, дрожала всем телом. Запах её страха был неприятен. Как и запах духов. С обонянием тво-

рилась всё та же ерунда – оно стало сильнее, настолько сильнее, что комок подкатывал к горлу. – Я думала, что сошла с ума. Брюс, помоги... все куда-то делись.

– Куда-то делись? – я протянул руку в сторону комнаты Софии. Комнаты, в которой она жила с приятельницей, из соседнего городка. София рванула на себя мою руку, едва не свалив нас обоих на пол.

– Нет! Не надо! Там кто-то есть, Брюс. Там что-то страшное.

– Надо уходить, Софи. Сейчас же. Времени мало.

– Я не могу, – она вновь вцепилась в мою руку. – Там мои вещи, Брюс... я не могу без них.

– Так возьми. Там никого нет! Давай, войдём вместе!

– Нет!! – она хотела крикнуть, но вышел хрип. – Не могу, Брюс, я не...

Так можно стоять вечно. Я мягко, но сильно отцепил её руку от локтя (София сразу же уселась в тот же самый угол, закрыла голову руками) и толкнул дверь.

Вошёл.

Сумрак. Тяжёлый, вязкий, неприятный. Там, в комнате Ники, было свежо и приятно, а здесь – окно открыто, но не продохнуть.

Голос. Или показалось? Словно кто-то тихо шепнул за спиной. Я невольно обернулся – никого. Шагнул. Похоже, кровать Софии слева – вот сумочка, которую она носила; старая, кожаная, потёртая, вечный объект насмешек. Ники особенно преуспела в насмешках, одним только взглядом умела вгонять Софию в краску. И дорожная сумка – синяя, вся во множестве пятен, правая ручка держится на честном слове. На едва живом слове.

Я протянул руку к сумочке.

«Вот он!»

Я чуть не подпрыгнул. В коридоре, шагах в семи от меня, вскрикнула София. Она тоже слышала? Позади – никого, но кто-то постоянно обжигает взглядом затылок.

Стиснул зубы, сделал шаг к кровати. Шелест за спиной. Мягкие взмахи позади и вверху – крылья? Ветер развеивает лёгкие занавески? Вновь обернулся. Никого. Но ощущение внимания всё ближе, всё неприятнее. И голоса. Смешиваются, сливаются, становятся приближающимся, жутким гулом....

Вот он. Вот он. Не дайте уйти, держите его. Держите всех. Не дайте уйти. Не дайте...

Я бросился к кровати. Схватил сумочку... схватил дорожную сумку, рванул на себя. И ручка подвела, распалось честное слово, а из окна на меня уже падала бесформенная тёмная тень. Я закричал бы, ужас подавил и заместил рассудок, но горло не слушалось. Я едва удержался на ногах, вылетел в коридор. София бросилась мне навстречу. Обхватила меня. Молча. Только дрожала, крупно-крупно.

– Смотри, – шепнула она.

Тени. Там, в коридоре, кто-то ходит. Взад-вперёд. Прошёл мимо двери... показалось, что задержался (София крепче вцепилась в меня), прошёл дальше. В сторону балкона. Время тянется... где он, где этот загадочный человек, что движется настолько бесшумно?

Никого. Я распахнул дверь, схватил Софию в охапку, выскочил наружу.

Там, где балкон – что-то чёрное, клубящееся. София вскрикнула, указала рукой – тёмное облако поползло к нам; из глубин его доносилась та самая смесь голосов. Только бы София не упала в обморок, только бы смогла двигаться.

Зря я боялся. Смогла, да ещё как. И мы побежали.

* * *

На автобус мы, конечно, опоздали. Праздник шёл вовсю; в полночь за нашими спинами в воздухе распустился изящный букет фейерверка. Многоцветные тени от него, дрожа-

щие и тающие, легли прямо перед нами. Но мы не останавливались. Шли быстро, настолько быстро, насколько позволяла моя нога – ударился о дверной косяк коленом. София шла рядом. Молча. Держала меня за руку крепко, не отпускала.

А я считал её трусихой. После того, как Ники «заговорила» (по словам Софии) её кавалера, красавчика Жана, Жана Леттье – София как будто сломалась. Из жизнерадостной и острой на язычок провинциальной девицы стала молчаливой, вечно плачущей серой мышкой. Я украдкой смотрел на её лицо, пока шёл – никакой «мышки». Угрюмая, но решительная София. Пусть только тень той, что я помнил, но – даже такая тень выглядела лучше забитого, раздавленного существа, что не так давно плакало, вжавшись в угол.

– Он ударил меня, – сообщила София неожиданно. Не поворачивая головы, не замедляя шага. Словно продолжала беседу. Вокзал уже был виден – ещё минут пятнадцать ходу, и мы на месте. Только теперь я осознал, что буду вынужден бросить Софию – если решу всё-таки выполнять инструкции Ники. Софии не скажешь «поехали, так надо» – потребует объяснений. Эту черту у неё не отняло даже превращение в «мышку».

– Она что-то сделала с ним, – продолжила София, убедившись, что я слышу. – Она ведьма, Брюс. Мама рассказывала про таких.

О да. Кто только и как только ни называл Ники. За глаза или в глаза. Но никто ещё не осмелился обозвать её дважды. Ники, особенно пьяную, особенно в компании Поля, стали бояться. Бояться до дрожи. Удивительно, что сама она терпела такое отношение Длинного – тому ничего не стоило ударить её прилюдно, и Ники тут же выражала полную покорность...

София говорила и говорила. Пусть. Похоже, я остался единственным человеком, который может её выслушать. Пусть даже не могу помочь ничем другим.

Вот и вокзал. Кроме смутно знакомых парня с девушкой (с исторического, что ли?), на перроне никого не было. Я засунул руку в карман куртки. Чудо, что не потерял медальон Ники. Чудо, что не выронил сумку – там все документы.

– Брюс, – София осторожно потянула меня за рукав. Взглянула в лицо. И я снова увидел черты «мышки» – виноватое, понурое выражение. – У меня нет билета. Он там, на столе, в моей комнате.

Я чуть не застонал. София в своём репертуаре. Сейчас разрыдается, несомненно.

– Софи, – я взглянул в её глаза. Те уже были влажными. – Мне нужно в Ле-Тесс. Если хочешь, поехали вместе.

Она молча бросилась мне на шею. Ждала, видимо, что я скажу, что она так и осталась безрукой, ни на что не годной, и брошу здесь же.

– Хочу, – шепнула она. Медленно отступила, успев превратиться в прежнюю, жизнерадостную провинциальную девицу.

В самом здании – пустынно. Открыта дежурная касса. Чувствуя себя неловко, я двинулся к ней, нащупывая в кармане медальон Ники и совершенно не представляя, что я должен сказать.

Кассирша, пожилая и сонная, взглянула на меня, не выражая никаких чувств. Интересно, а денег-то у меня хватит, на два билета?

Я вынул медальон из кармана, взглянул на него, оторопел. Это мой талисман! А где же медальон? Лихорадочно стал рыться в карманах. Стоп, а что у меня на шее?

Медальон Ники. Вот он. Проклятье, как же я их перепутал? Ведь смотрел, что надеваю! Я осторожно, чтобы не порвать тонкую цепочку, начал снимать медальон и тут рука легла мне на плечо. Грубо и резко повернула.

Длинный Поль. И ещё семеро парней. Включая красавчика Жана. Все – в костюмах, при галстуках, в начищенных туфлях. Странно, но все семеро спутников Длинного сохраняли полную невозмутимость. Словно были его телохранителями.

Поль резко рванул медальон (шею ожгло огнём). Не отводя взгляда от моих глаз, положил медальон в правый карман пиджака.

– Идём, поговорим, – он сплюнул в сторону. Меня тут же схватили под руки и повели. Пальцы «телохранителей» казались стальными. Когда они успели так накачаться?

* * *

Меня отвели за вокзал, туда, где деревья расступались, открывали поляну. Тени лежали поверх посеребренной травы, лежали как-то странно, но не было времени всматриваться. Меня швырнули на землю и я увидел, как носок безупречной лакированной туфли несётся к моему лицу. Увернулся.

Удар в живот был такой силы, что не осталось силы не только кричать – дышать. Меня рывком поставили на ноги. И – отошли. Поль стоял передо мной, остальные – вокруг. Все, кроме Поля, сохраняли спокойствие и невозмутимость и это пугало сильнее всего. Прежде они сыпали бы оскорблениями, указывали бы на меня пальцами. Сейчас же просто стояли.

– Ты думал, я с тобой шучу? – я попытался закрыться, отвести удар. Куда там! Уж не знаю, где Длинный обучился так драться. В левом ухе словно взорвалась граната, а левую кисть мне, похоже, сломали. Вновь ко мне шагнули, поставили на ноги. Поль отошёл на шаг, усмехнулся и вновь сплюнул, в сторону.

– Она *моя*, ублюдок, понял? – Поль вынул медальон на оборванной цепочке, показал мне, спрятал. – Ты был с ней? Говори, сволочь. Ты спал с ней?

– Да, я был с ней, – я не отводил взгляда. Он и так всё знает, это видно.

Длинный сплюнул в третий раз. Верблюд, да и только.

– Я думаю, что оставлю тебе одну руку, одну ногу и один глаз. На первый раз. А потом...

– Жан!! – крик Софии. Где она была? Где бы ни была, лучше бы ей было не появляться. – Нет, не надо! Оставьте его, вы, слы...

Резкий, звонкий звук удара. Хруст. Что-то падает на землю.

Я кинулся первым. То, что я не выйду отсюда живым, уже понятно. Но позволить просто забить себя до смерти, не сопротивляясь? Ни за что.

Не знаю, сколько раз меня успели ударить, куда и кто именно. Боли не чувствовалось. В какой-то момент я осознал, что сижу на коленях, пытаюсь выдохнуть, что изо рта бежит кровь. И в этот момент я увидел Ники. Она откуда-то взялась на поляне – словно возникла прямо из воздуха.

– Оставь его! – крикнула она, на бегу. Парни-приятели Длинного пропустили её. Ники бросилась к Длинному, чтобы схватить его за руку и...

Он ударил её. Сильно, жестоко, в живот – с размаху, ногой. Ники бросило на землю, она сжалась в комок. Поль подошёл к ней, глядя, как Ники судорожно кашляет, пытается подняться.

– Потаскуха, – он плюнул вновь. На этот раз на Ники. – Стоило оставить на пять минут... Сядь и смотри.

Я уже почти мог дышать, хотя перед глазами всё ещё двоилось. Но состояния зрения хватило, чтобы увидеть то, что случилось. Я никогда этого не забуду. Ибо мир резко изменился. Изменился так, что обратного пути не было и быть не могло.

* * *

Ники выпрямилась, одним прыжком оказалась на ногах. Плавным, изящным кошачьим движением. Поль уже замахивался, чтобы ударить её по лицу, но Ники нырнула, поймала

его руку, вывернула, ударила Длинного правой ногой в лодыжку. Когда Поль упал на колени, с силой ударила по затылку, кулаком.

Затем достала откуда-то пистолет – крупный, с длинным глушителем – и прострелила Длинному голову.

Приятеля его уже несли в её сторону. Ники присела, подняла руки над головой (пистолет так и оставался в правой), и не то прошипела что-то, не то просвистела. Прыгнула вверх и вперёд, уворачиваясь от ближайшего противника.

Наступила тишина. Полная, невероятная. Я слышал только своё дыхание. Чувствовал, как изо рта стекает кровь. Оглянулся и увидел, что все семеро лежат. Словно марионетки, у которых обрезали ниточки.

Ники подошла ко мне, так и сжимая пистолет в правой руке. Присела, прикоснулась к моей щеке. Ни следа сострадания. Ни капли жалости. Спокойствие, собранность и сосредоточенность.

– Сможешь идти? – я кивнул, принял протянутую руку, поднялся. Вот теперь начинала чувствоваться боль. Думал, уроню Ники, но та стояла крепко. Была всё в той же лёгкой выходной одежде, но уже без шарфа.

Она продолжала держать меня за руку, пока я не кивнул – всё в порядке, справлюсь. Оглянулась. Семеро приятелей Поля. Парень с девушкой поодаль – похоже те самые, с перрона. Оба лежат неподвижно. И София. Она пошевелилась, приподнялась на локтях, со стоном рухнула вновь. Я заметил, что губы её разбиты.

– Зачем ты привёл её? – спросила Доминик. Ответ ей, похоже, не был нужен. Она подошла к ворочающейся Софии, присела перед ней. Выпрямилась. И... хорошо, что я был уже поблизости. Доминик подняла пистолет и направила дуло в голову Софии. Я едва успел ударить её по руке.

Пуля с сырым хрустом впилась в землю.

– Спятила?! – заорал я, прикрывая собой Софию. – Она здесь при чём?

София вздрогнула. Уселась. Увидела, кто стоит рядом со мной, взвизгнула, вскочила на ноги. Я поймал её за руку. Осознавал – если София вырвется, если бросится бежать, Ники прикончит её. В тот же момент.

Ники шагнула к нам, не меняя выражения лица. Словно и не собиралась застрелить Софию. «Мышка» вцепилась в мою руку. Успела перепачкаться в моей крови. Какое счастье, кости всё-таки не сломаны. Но как всё болит!

– Вы прошли сквозь тень? – Ники смотрела на Софию, но обращалась ко мне. – Прошли с ней вместе?

Отчего-то я сразу понял, о чём она. Да, мы прошли. Пронеслись. Там, в призрачном здании, где по пятам следовала мгла. Тот самый холл, где Ники остановилась, где попросила вернуться. Те самые тени. Мы с Софией пробежали через холл – и наваждение кончилось.

Я кивнул. Ники продолжала смотреть на Софию.

– София, посмотри на поляну, – приказала она. – В самую середину. Что ты видишь?

София смотрела в её глаза, не отрываясь. Её ненависть я ощущал всем существом. Она оскалилась, крепче взялась за мою руку. И не подумала смотреть в сторону поляны.

Я посмотрел. И оторопел. Три тени сходились в центре поляны, от трёх каштанов. Луна плыла высоко в небе, по ту сторону поляны, но три тени и не думали падать так, как им было бы положено.

Ники молча начала поднимать пистолет. Не меняя выражения лица – это оказалось самым страшным.

– Софи! – я сжал плечо «мышки». – Ради бога! Сделай, что она говорит, прошу!

Пистолет замер. София повернула голову, вздрогнула.

– Три тени, – София была поражена, но ненависть не исчезала из её голоса. – Три тени, сходятся вместе.

Пистолет опустился.

– Пойдёшь с нами, – сообщила Ники. – Или умрёшь, выбирай сама.

София прижалась ко мне. Прижалась крепче, закрыла глаза.

* * *

– Мой медальон? – то, что это вопрос, я понял не сразу. Ники говорила ровно, почти без интонаций. Как машина.

– У него, в кармане пиджака, – я кивнул в сторону тела Поля. Ники кивнула и, присев перед Полем, принялась обыскивать карманы. София всхлипнула.

– Брюс, у неё пистолет, – услышал я.

Я кивнул.

– Она убьёт нас, – прошептала София мне на ухо.

– Нет, – Ники ответила, не поворачиваясь. Как она могла услышать?! – Вас не убью. Брюс, проводи её на станцию. Я скоро буду.

Я остался стоять. Не знаю, почему. Ники добыла медальон, спрятала в кармашек куртки. Оглянулась на нас, пожала плечами. Подошла к ближайшему неподвижно лежащему парню – приятелю Поля. Вгляделась в лицо. Затем перевернула лежащего на живот и подняла пистолет.

Ноги мои примёрзли к земле. Я никогда не забуду эти звуки, звуки пуль, входящих в голову. София вздрогнула, сильнее сжала мою ладонь. Ники тем временем подошла ко второму. Те же действия. Методично, неторопливо. Всмотрелась в лицо, перевернула на живот. Щелчок, хлопок, хруст сливаются в один звук.

Третьим был Жан.

– Нет!! – София бросилась к нему. Я не ожидал от неё такой реакции. Думал, она полностью парализована тем, что видит и слышит. – Не смей! – она схватила Ники за руку. Та легко освободилась, отступила в сторону. София упала на колени, загоразивая собой Жана. – Не трогай его, ты, сумасшедшая! Убийца!

Ноги слушались с трудом, но я почти добрался до них. Ники молча махнула мне рукой – стой, где стоишь. И я повиновался. Шутки кончились.

Ники спрятала пистолет. Куда – я не понял. Куда-то под куртку.

– Отодвинься, – приказала она Софии. – Мне нужно посмотреть в его глаза.

София чуть отодвинулась. Видно было – кинется на Ники, не раздумывая.

Ники заглянула в глаза Жана, оттянула вниз веко. Кивнула, встала.

– Ты была с ним? – осведомилась она бесстрастно, глядя Софии в глаза.

Та непонимающе моргнула.

– Ты спала с ним? Занималась с ним любовью? – Ники чуть наклонилась.

– Не твоё дело! – оскалилась София. Полностью ставшая прежней, настоящей, человеком, а не тряпкой. – Не твоё дело, проклятая ведьма! Уйди!

– Ответ отрицательный? – Ники отступила, вновь вынула пистолет. Медленно подняла его, направляя в голову Жана.

– Нет! – воскликнула София, становясь белее снега. – Да! Да, да, да!! Я была с ним, будь ты проклята!

Ники кивнула. Вновь убрала пистолет. Запустила ладонь во внутренний карман куртки. Долго искала там что-то на ощупь. Наконец, добыла медальон – я не разглядел, что там было. Наклонилась, вручила Софии.

– Если ты солгала, он умрёт, – предупредила она. – Надень ему на шею, Софи. Быстро, у нас почти нет времени.

София кивнула, вытерла рукавом слёзы (размазав кровь по лицу), надела.

– Отодвинься, – Ники вновь присела перед Жаном. Тот дышал, я это видел даже с пяти шагов, даже в лунной тени. Что с моим зрением? Никогда не было таким острым. – София вновь кивнула. Видно было, что она верит, что Ники не тронет её парня.

– Жан, – Ники взяла его за виски, и Жан тут же открыл глаза. Ужас... пустые, ничего не выражающие глаза. София вздрогнула. – Просыпайся. София здесь, Жан. Она поможет тебе.

Жан Леттье с трудом уселся. Он походил на пьяного, с трудом осознающего, где он, кто он и почему. София помогла ему встать, поддержала. Я встретил её взгляд, случайно. Этот взгляд я тоже не забуду, нечасто увидишь во взгляде столько любви и благодарности.

– Брюс, доведи их до станции, – Ники махнула пистолетом. – Не спорь. Мне нужно кое-что закончить.

И мы пошли. Ветер поднялся, шелестел листвой, гонял под ногами призрачные тени, поднимал пыль. Никто на станции, похоже, не заметил того, что случилось. Я шёл, поддерживая Жана справа, София поддерживала его слева, а я шёл и мечтал, надеялся, что слуха более не коснётся тот мерзкий, отвратительный хруст.

Не коснулся. Когда до перрона оставалось шагов тридцать, показался поезд, экспресс до Ле-Тесс.

Брюс, 22 июня 2010 года, 2:10

Если бы мы садились в поезд днём, весь вокзал сбежался бы посмотреть. Я, весь в крови, в синяках, с разбитым лицом, прихрамывающий, одежда разорвана. София, растрёпанная, тоже вся в крови и грязи; платье измято, испачкано всем, чем только можно испачкаться в лесу. Жан, безупречный и элегантный, но пошатывающийся, с бессмысленным лицом конченого наркомана. И Доминик, улыбающаяся, свежая и чистая. И где-то под курткой у неё пистолет.

Ники уверенно повела нас ко второму вагону. Оттуда как раз выходили – две семейных пары. Не из бедных, судя по чемоданам и одежде. Нас не удостоили ни единым взглядом. Не иначе, видят такое каждый день.

Проводник спустился к нам. Пожилой, полный и добродушный, с пышными усами и круглым лицом. Прямо как в кино. Из тех, что всегда обращаются на «ты» ко всем, кто не украсил палец обручальным кольцом.

Доминик жестом велела стоять поодаль и подошла к проводнику. Что-то сказала ему, мы не расслышали. Улыбнулась, протянула руку ладонью вверх. Проводник прикоснулся к её ладони, улыбнулся в ответ и отступил в сторону. Ники махнула рукой – давайте, залезайте.

Ники помогла Софии забраться в вагон – поддерживала Жана. Поразительно, но София не возражала. Я задержался снаружи, сам не знаю, почему. Всё тело болело, в голове висел туман. Проводник с сочувствием покачал головой.

– Перебрал? – указал головой внутрь вагона. Явно имеет в виду Жана.

Я кивнул в ответ.

Проводник добродушно улыбнулся. Всё это время он не отводил взгляда от моего лица.

– Подрался?

– Было дело, – согласился я. В окне появилась Ники, махнула мне рукой: давай, заходи.

– Из-за неё? – проводник безошибочно, едва заметным кивком указал на то самое окно.

И вновь я согласился.

– Молодец, – он похлопал меня по плечу и я едва не закричал от боли. – Она того стоит, парень. Давай внутрь, через минуту отправляемся.

Вот ведь старый чёрт!

* * *

Никогда не был внутри VIP-вагона. Только в фильмах видел. Я ещё удивился, почему на весь вагон всего три пассажирских купе. Ники стояла у двери в среднее и нетерпеливо махнула мне вновь.

Под ногами – тонкая, вычищенная ковровая дорожка. В воздухе разлит слабый запах грозы. Озон. И неизбежный, всегда узнаваемый запах поезда, запах пластика, шпал и освежителя.

Я вошёл. Да, если б только были деньги ездить в таком вагоне – всегда бы ездил. Внутри царила скудная вагонная роскошь, но – всё-таки роскошь. К такой мгновенно привыкаешь.

Два сидения – две полки? – стоят углом, образуя диван. Просторный. Окно, забранное пластиковым пакетом. Чтобы оттуда могло дуть? Ну что вы, мсье, как можно! Стол, по левую руку от входа. Слева и над головой – полки, шкафы. Дверца в левом от входа углу – сан блок? Ковёр под ногами, пластиковая имитация персидского. Плафоны «под старину». Я сразу влюбился в эту роскошь, и не потому, что всю предыдущую жизнь жил, скажем так, скромно.

София и Ники успели уложить Жана на диван (я сразу стал его так называть). Расстегнули на Жане рубашку (пиджака поблизости не было), сняли туфли. Жан дышал медленно, но ровно. Ники держала его за руку, всматриваясь в лицо. Вновь оттянула пальцем правое веко, всмотрелась, кивнула. София сидела рядом, на корточках. По щекам её текли слёзы, губы плотно сжаты, взгляд решительный.

Наконец, Доминик встала, села на другую секцию дивана, спиной к зашторенному окну.

– Софи, – позвала она негромко. Та отпустила руку Жана, оглянулась. – Ему потребуется помощь. Я расскажу подробно, а пока сядь и запиши.

Письменные приборы на столе, рядом с набором бутылочек в изящной подставке-холодильнике меня уже не удивили. Как только в руке Ники возник пистолет, мир изменился. Изменился так, что удивляться стало бессмысленно.

София уселась (под столом оказались низенькие массивные табуреты). Взяла ручку, блокнот, посмотрела на Ники. Та закрыла глаза и принялась диктовать названия лекарств. София записывала, едва заметно кивая головой.

– Его нельзя оставлять одного надолго, – пояснила Доминик. – Минут через тридцать он проснётся. Заставь его переодеться и поесть.

– Переодеться? – София посмотрела на нас, на себя. Да уж. Главные герои фильма «Город каннибалов». Только сейчас я почуял запах крови. Подсохшей крови. Обратил внимание, что сижу, скособочившись – что-то не в порядке с левым плечом, сильно болит в левом боку.

Доминик кивнула. Откинулась на спинку, прикрыла глаза. София хотела было что-то спросить, но передумала. Доминик замерла, я едва слышал её дыхание. Только бы с ней всё было хорошо, пришла мысль. Она нас втянула во всё это. Только она сможет помочь выпутаться. Если вообще из подобного можно выпутаться.

Прошло минуты три, и на лице Софии начали проступать страх и беспомощность.

В дверь постучали. Доминик уселась вертикально, открыла глаза, поморгала. – Войдите! – распорядилась она.

Дверь скользнула в сторону. В коридоре оказался носильщик, в сияющей униформе, в ослепительно белых перчатках. Он коротко поклонился и указал на два чемодана. Доминик кивнула – заносите. Указала, куда поставить. Вручила чаевые – небрежным, лёгким жестом.

Носильщик вновь коротко поклонился и отбыл. Все носильщики, похоже, братья-близнецы – широкие плечи, узкое лицо, усики и приросшая к голове фуражка.

– Брюс, помоги, – мы вместе с Ники бросили чемоданы на ту полку, что под окном. Расстегнули. Внутри – полно одежды. Судя по пакетам, не из магазина подержанных вещей.

– Переоденься, Софи, – Доминик указала. – Думаю, тут есть всё, что нужно. Во втором чемодане – вещи для Жана.

– Откуда это? – тихо поинтересовалась София. Доминик прикрыла глаза.

– А это важно?

– Мне от тебя ничего не нужно, – буркнула София.

– София Лоренцо, – Доминик открыла глаза. София вздрогнула – Ники впервые обратилась к ней по полному имени. – Жан в беде. Ему скоро потребуется помощь. Серьёзная помощь. Не думай обо мне, думай о нём. Ты хочешь появиться в Ле-Тесс в таком виде?

– Но...

– София, – Доминик присела перед ней, смотрела в глаза. – Одна ты не справишься. Разреши мне помочь хотя бы так.

София долго смотрела ей в глаза, в конце концов кивнула. Оставалась насупившейся и мрачной.

– Спасибо, – Доминик встала. – Вот кнопка, вызови проводника. Закажи лекарства и ужин.

– У меня нет денег, – едва слышно призналась София.

Ники молча запустила руку в карман. На стол упала, разбираясь в полёте на купюры, пригоршня банкнот. Звонко просыпался дождик мелочи. Судя по размеру купюр, три тысячи евро там точно было. Глаза Софии широко раскрылись. Не думаю, чтобы Софии доводилось видеть так много денег сразу. С её стипендией в сто пятьдесят...

– Софи, – Доминик подошла к двери. – Я прошу тебя. Никаких вопросов. Все вопросы потом. Приведи в порядок себя и Жана. Если спросят, скажи: выпил лишнего и подрался. Через пару часов можешь подойти к нам. Брюс, – я встретил её взгляд. – Идём. Наше купе – первое.

И ушла, беззвучно закрыв дверь.

София смотрела на столик, на россыпь денег. Я поднялся... хотел что-то сказать, но передумал. Шагнул в сторону двери. Софи тут же поймала меня за руку. Я присел перед ней. Она посмотрела мне в лицо, губы её задрожали.

– Брюс, – я протянул руку к её щеке, Софи мягко отстранилась. Чёрт. – Я ничего не понимаю! – Жалобный голос. Голос человека, потерявшего контакт с реальностью.

Признаться, я сам не был уверен, что *мой* контакт с реальностью прочнее.

– Софи, – голос не повиновался. – Похоже, она знает, что делает. Если бы хотела убить нас, убила бы ещё там.

София кивнула, взгляд её прояснился.

– Если смогу, помогу.

Она ещё раз кивнула. Я медленно поднялся, поднялась и она.

– Брюс, – слабый, едва слышный шёпот. Жан. София тут же подбежала к нему, присела, взяла за руку. Жан открыл глаза. Смотрел куда-то в потолок. Ему явно было лучше, чем там, в лесу.

– Я здесь, Жан.

– Поль, – поразительно, но Жан попытался сесть. София не позволила ему, вернула назад. – Поль ищет тебя, Брюс. По-моему, хочет тебя убить.

– Спасибо, Жан, – я встретился взглядом с Софией, прижал палец к губам – молчи. – Я буду осторожен.

Он едва заметно кивнул и закрыл глаза. Я ещё раз встретился взглядом с Софией и подошёл к двери.

– Софи, – она посмотрела мне в лицо, не отпуская ладонь Жана. – Спрячь деньги. – Она кивнула и попыталась улыбнуться. И у неё получилось.

* * *

В первом купе всё было обставлено не хуже, чем во втором. И на диване уже стояло два чемодана. Близнецы тех, что у Софии. Видавшие виды, обтянутые настоящей, чёрной кожей; стальные ручки и выдвижные колёсики; запах путешествий, аромат роскоши, символ высшего общества. Господи. Откуда всё это?

– Ники, откуда...

На столе уже была аптечка. Бинты, салфетки, всё такое. Ники молча указала на ближайшую ко входу часть дивана. Заперла дверь.

– Начнём с тебя, Брюс. Снимай всё это. Нет, бросай прямо на пол. Всё равно это всё в мусор.

– В какой ещё...

– В чистку, в чистку. Хорошо. Постарайся не кричать.

Да уж. Она осторожно, но без лишних церемоний протёрла мне лицо чем-то спиртовым. Я смог ни разу не вскрикнуть, только шипел сквозь зубы. Наконец, Доминик осторожно протёрла мне лицо, шею и руки салфеткой и отошла. Я закрыл глаза. Боль проходила, лицо уже не пекло. Что-то в левой части груди. Наверное, рёбра. Раз три меня съездили по почкам. Почка уже дала об этом знать, надо срочно искать уборную. Похоже, вывихнуто левое плечо. Я открыл глаза. Ники сидела передо мной на корточках. Всё такая же элегантная и свежая. Теперь она улыбалась. Лицо её перестало быть лицом киборга-убийцы, стало лицом той самой Ники, с которой я говорил в тот, первый день.

– Снимай туфли и брюки, – велела она. – Примешь душ, а потом продолжим.

Я смотрел в её глаза, не решаясь расстегнуть ремень.

– Я увижу что-то новое? – осведомилась она, продолжая улыбаться.

Была не была. Сбросил с себя всё. Ощутил, что от меня несёт кровью и потом. Зажмурился, сжал зубы. Только бы не покраснеть. Открыл глаза. Ники осматривала меня – как медсестра, почти без эмоций.

– Повернись, – я подчинился. Она молча вручила мне охапку полотенец. Открыла передо мной ту самую дверцу. Точно. Все удобства – не без тесноты, но пользоваться можно.

Ники показала, как там всё включается, и ушла, закрыла за собой дверь. Мыться было очень больно, но я не осмелился бы попросить её помочь. Похоже, она это понимала. Как ей удаётся так перевоплощаться?

Минут за пятнадцать я справился. Со всеми естественными потребностями. Остались неестественные, подумалось отчего-то. Мне захотелось рассмеяться, истерически захохотать. Долго боролся, пришлось сесть прямо на пол, прижать ладонь ко рту. Если снаружи слышно, какие звуки я издаю, там решат, что пора вызывать «скорую». Или полицию.

Пришлось ещё раз умыться. Когда я вышел, полотенце вокруг талии, Ники молча указала на всё тот же диван. Теперь там была постелена простыня. Она протянула руку к полотенцу, моей единственной одежде. Я поймал её руку.

– Не валяй дурака, – посоветовала она. – Ничего не отниму, не бойся. Тебя избили, забыл? Я просто осмотрю.

– Ты ещё и врач?

– Немножко. Давай, ложись. Если смущаешься, закрой глаза.

Я так и сделал. В смысле, отдал ей полотенце, улёгся и закрыл глаза. Боль постепенно проходила. Пальцы Ники были тёплыми, их прикосновения – приятными. Настолько, что я стиснул зубы. Звуки, которые хотелось издать, можно было бы понять превратно.

– Перевернись на живот, – услышал я. – Медленно. Осторожно. Дай, я помогу. Всё, не шевелись.

Наконец, мне позволили усесться. Ники кивнула в сторону стола. Там лежала одежда – летний костюм, светлая рубашка. Светлые же бельё и носки, кремового цвета туфли. Святая мать божья, откуда всё это?!

– Брюс, – она присела передо мной. Не улыбалась. Прикоснулась ладонью к моей щеке. – Это всё происходит. Это всё на самом деле. Просто поверь, что это так.

Я посмотрел в её глаза... серые, бездонные... и кивнул.

– Я всё объясню, – она придвинулась ко мне. Я закрыл глаза. Ощутил, как её губы коснулись щеки... мягкое, тёплое прикосновение. – Обещаю. Но вначале нам всем надо прийти в себя.

– Справишься? – указала на одежду. Разумеется, справлюсь. Она достала из другого чемодана несколько свёртков, положила на стол, рядом с моей одеждой. – Если не трудно... убери чемоданы. Вон туда, под стол. Там увидишь.

Сбросила с себя одежду (я предпочёл отвернуться) и скрылась за дверцей. Тихо зашумела вода.

Я оделся, не без труда. Всё оказалось впору. Что за колдовство? Откуда она знает, что и какого размера я ношу? Под столом обнаружились отсеки, оба чемодана прекрасно влезли туда.

Интересно, куда она дела старую одежду? Свою сумку я увидел в том самом отсеке, куда перетаскил чемоданы. Проверил, документы на месте. Денег негусто, триста евро. Прямо скажем, совсем негусто. И билет, билет на поезд, которым я так и не уехал. Проклятье. Через сутки меня начнут искать. Через трое – поставят на уши всю полицию Галлии, с матушки станется.

Я отыскал, где именно на стене пульт управления и отыскал, как управляют плафонами. Страшно удобно! Сделал освещение чуть желтее, не таким холодным. Отодвинул краешек занавески, выглянул. Ночь. Непроглядная, небо затянуто облаками. Поезд несётся со страшной скоростью, а вагон почти не трясёт. Наверное, я всё-таки сплю.

Отодвинулась дверца, появилась Ники. Она не стала обматываться полотенцем. Я поспешно отвёл взгляд.

– Брюс, – она бросила полотенце на пол, подошла ко мне. Я взглянул на неё, медленно поднял взгляд. Раз взглянув на её тело, глаз не отвести. Я с трудом подавил наваждение, закрыл глаза. Она присела. Всё те же запахи. Жасмин, полевые цветы, морская соль...

– Тебе не нравится то, что ты видишь?

– Нравится, – признал я. – Слишком сильно. Думаю, ты знаешь.

– Открой глаза, – попросила она. – Просто смотри.

Я медленно поднялся. Открыл глаза. Доминик явно что-то сделала с собой или со мной – я смотрел на неё, но внутри не поднималось первобытного, животного жара, рассудок оставался ясным. Просто было приятно, очень приятно. Хотелось смотреть, и смотреть, и смотреть...

Она протянула руку, сжала мою ладонь своей. Кивнула и отошла к столу. Принялась разворачивать свёртки. Я убрал простыню с дивана, некоторое время думал, куда это девать. Увидел под сидением такие же отсеки. Там было всё – покрывала, одеяла, постельное бельё...

Когда я обернулся, Доминик уже оделась. Тот же стиль – лёгкие тонкие брюки, такая же полупрозрачная блузка. Туфли и пиджак, взамен куртки. Уши её оказались украшены сереб-

ряными серьгами, на пальцах – несколько колец. Все из камня. Чёрное, зелёное и тёмно-синее. Смотреть на неё было одно удовольствие.

– Что теперь? – поинтересовался я. Доминик подошла к двери, что-то тихонько шепнула – в микрофон? Нажала на большую тёмную кнопку.

– Ужин, – пояснила она. – Или завтрак, не знаю. Через десять минут.

Она уселась рядом со мной, положила голову мне на плечо. Затихла. Я сидел, наслаждаясь тем, что жив. Тем, что проходит боль. Ощущением её тепла. Вопросы копились и множились в голове, но я ничего не спрашивал. Просто сидел и ждал. Слушал её дыхание и ждал.

Ужинали мы молча. Слава всем святым, еда была достаточно простой, чтобы я смог с ней управиться. Но как всё было вкусно! Названий этих блюд я не знал. Несомненно, нужно набрать побольше воздуха, чтобы произнести их за один раз. Я узнал только свинину, вымоченную в вине и поджаренную, со сложным гарниром из овощей и терпким, приятным соусом. Остальное... так, мог гадать, что там. Сумел есть медленно и с достоинством. Так, как ела сама Ники.

Когда посуду унесли и на столе появились чайники, чашечки и десерт, Ники вновь словно подменили. Она собралась, стала бесстрастной и сосредоточенной. Но взгляд оставался взглядом человеческого существа.

* * *

Она разлила чай по чашкам, мы уселись. По обе стороны от угла. Чай источал слабый запах жасмина... как ей нравится жасмин! Тончайший костяной фарфор, серебряные ложки. Даже просто смотреть – уже доставляет удовольствие. Я и смотрел. Отпил, поставил чашку, закрыл глаза. Вкусно. Словами не описать.

Ники сидела, склонив голову. Я обратил внимание, что на крохотных серебряных дисках в её серьгах, «монетках», изображён всё тот же лев со скорпионьим хвостом. Изумительнейшая, искуснейшая работа. Мне показалось, что «монетки» инкрустированы крохотными камнями – бриллианты? Корунды? Отсюда не понять.

– Что дальше, Ники? Завтра меня уже будут искать.

Он покачала головой, не поднимая её.

– Не будут, Брюс.

– Ты не знаешь мою маму. Если я правильно понимаю, нас всех будут искать. Полиция наверняка уже обнаружила тела. Там, в лесу.

Она подняла взгляд.

– Ещё нет. Обнаружит завтра, ближе к полудню.

– Откуда ты знаешь?

Она вновь опустила голову.

– Ники, ты не сможешь молчать вечно.

– Брюс, я обещала рассказать. Но не сразу, не торопи меня.

– Хорошо, тогда объясни, почему меня не будут искать. Для начала. Откуда взялись эти вещи. Что случилось там, в лесу. Почему ты хотела... почему ты их всех убила. Объясни хоть что-нибудь!

– Брюс, впереди беда. Большая беда. Я спасаю тебя, себя, Софию. Всех нас.

Я положил ладони на стол.

– Ники, это не ответ.

– Если я расскажу всё, ты не поверишь. Не поймёшь.

Я поднялся из-за стола.

– Умом не вышел, да?

Она протянула руку. Взялась за мою. Мягко потянула вниз, я вернулся за стол.

– Нет, просто ты ещё не готов.

– Объясни мне то, к чему я готов.

– Хорошо, – она подняла взгляд. – Софи, перестань подслушивать. Заходи, надо поговорить.

Наружная дверь скользнула в сторону.

– Я не подслушивала, – проворчала София, заходя внутрь. Но щёки её тронул румянец... Ох, Софи, Софи... Так и не справилась с собой. Обожают подслушивать и подглядывать. Когда есть возможность.

Только сейчас я обратил внимание, что чашек три. Ники молча налила чая в третью. Предложила Софии. Та отрицательно покачала головой.

– Садись, – Доминик осторожно взяла её за край рукава. – Пожалуйста.

Сейчас только я обратил внимание, как преобразилась София. Из замарашки стала принцессой. Длинное платье, до пят – тончайший шёлк, цветочный узор. Волосы София собрала в хвостик. Каштановый, эффектный хвостик. Чуть подкрасила ресницы. Никакого парфюма – не любит. Туфли, похоже, из крокодиловой кожи, или из её имитации. Янтарное ожерелье. Как... откуда Доминик взяла это? Софии всё шло, шло безупречно. Красавица. Как преображает человека одежда! Любовался бы и любовался. Плевать, что Ники рядом.

– Вот, – вновь Ники запустила руку куда-то внутрь пиджака, что-то там прошелестело, тихонько звякнуло. Вынула руку, на ладони теперь покоился медальон. Каменная резная фигурка, ящерка из агата. София потеряла её давным-давно. – Возьми, Софи. Надень и не снимай.

София побледнела. Взяла своё имущество, не отводя взгляда от глаз Доминик. Я ощущал, как напрягается воздух между ними, как электризуется. София медленно застегнула цепочку, отправила ящерку под ворот.

– Так это ты, – прошептала София. Спокойно, недобро, сверкая глазами. – Ты ещё и воровка.

– София, я...

– Я не знаю, что ты сделала с Жаном. Но если он умрёт, ты, ненормальная...

– София, – голос Доминик прозвучал ровно, но София осеклась. Я встал, обошёл их, уселся на диван. На всякий случай. София пока держит себя в руках, но может сорваться, в любой момент. – Мы уже знаем, что я ненормальная. У меня вообще очень много пороков. Давай, я их перечислю – чтобы к этому больше не возвращаться. Я спесивая, надменная аристократка. Мерзкая сплетница. Психованная дура, ненормальная, сумасшедшая идиотка. Проклятая соблазнительница, грязная подстилка, потаскуха, развратница, шлюха, нимфоманка...

Я не верил, что слышу это. Доминик говорила, не улыбаясь, не выражая издевки или иронии. София побледнела, как тогда, в лесу – как свежесвыпавший снег.

– ...Я воровка, проклятая ведьма, завистница. Я говорю гадости про людей за их спинами, стравливаю людей. Я пьяница и наркоманка. Кровопийца и душегубка. Мне нравится унижать людей, делать им больно. Что-то ещё? Ах да, я убийца. Хладнокровная, жестокая убийца. Я ничего не забыла?

Губы Софии шевелились, она силилась сказать хоть слово – и не могла.

– Мы сэкономим много времени, если не будем больше упоминать мои недостатки, – Ники взяла чашку, медленно отпила, вернула чашку на блюдо. – У меня есть достоинство, София. Всего одно, но очень полезное качество.

– К-какое? – София стала заикаться. Я тоже не смог бы говорить, после того, что услышал.

Доминик чуть наклонилась к Софии.

– Я выполняю обещания, Софи. Всегда.

Губы Софии исказило презрение. Отвращение и презрение.

– Не веришь? Вспомни, Софи – было ли так, чтобы я что-то пообещала, и этого не случилось?

– Да, – признала София. – Ты много чего обещала, верно. Ты выпила столько кро...

– Софи, я умоляю, – Ники подняла правую руку, ладонью к Софии. Та умолкла. – Я уже всё сказала про себя. Разве я обещала только гадости?

София думала секунд пять.

– Нет, – согласилась она. – Не только гадости.

Доминик кивнула, улыбнулась.

– Я помогу Жану подняться на ноги. Обещаю. Но всё должна сделать *ты*. Я расскажу, утром. Всё расскажу, что надо делать, очень подробно. Всё будет так, как я сказала, обещаю. Слышишь?

– Господь бог тебя слушается? – во взгляде Софии вновь появилось презрение. Ну да, слишком много того, во что предлагается просто поверить.

Доминик вздохнула. Выпрямилась на табурете. Закрыла глаза.

– Я не... – начала София. Ники вновь подняла ладонь. – Тише, Софи. Подожди одну минуту.

В дверь постучали. Доминик встала, сама открыла дверь. С кем-то перебросилась парой фраз. Вернулась, закрыла дверь и протянула Софии коробочку. Маленькую, умещавшуюся даже в крохотной ладошке Софии.

– Открой, Софи. Не бойся, не взорвётся.

Глаза Софии подёрнулись туманом. Она медленно развязала ленточку, которой была обвязана коробочка. Развернула упаковку. Медленно открыла, ахнула.

Роза. Брошь, длиной с большой палец, из серебра и золота; чашечка зелёная, как и положено, лепестки – ярко-алые. Роза искрилась и переливалась, сотни крохотных камней украшали её.

– Ты увидела такую, помнишь? Много-много лет назад, когда была маленькой. Ты всё время мечтала о ней, София.

– Этого не может быть, – София медленно положила коробочку на стол. Закрыла глаза. Открыла, вздрогнула. Прикоснулась к розе кончиком указательного пальца, вздрогнула вновь. – Этого не может быть!

– София, – повторила Доминик. – Может быть. Всё может быть. Я прошу, чтобы ты села, рядом с Брюсом, и выслушала меня. Чтобы вы оба выслушали, – она словно только что заметила моё присутствие. – Я обещала Брюсу, что всё расскажу. Постепенно. Мне нужно, чтобы вы поверили: я говорю правду. Хорошо?

Мы с Софией переглянулись. Посмотрели ей в глаза, кивнули.

Доминик встала из-за стола, пересела на другую часть дивана, у двери. Потёрла виски ладонями и начала рассказывать.

* * *

Мне показалось, что я задремал. Что вовсе не удивительно, после всего пережитого. Внимание словно включилось, я стал осознавать, что слышу и вижу. Боковым зрением заметил, что София слушает. Что принимает то, что ей говорят – чуть кивает, когда Ники делает паузу. София, тебе никогда не научиться лгать, тело выдаёт тебя.

– ...Поль Вернье возглавлял их ячейку в Университете, – закончила Ники. – Завтра в Университет приезжает президент Галлии, премьер-министр. Приезжает Её Величество

королева Британии, президент Римской Федерации. Много видных учёных. Завтра все они были бы убиты.

Пауза. София сглотнула. Я посмотрел на неё. Глаза горят, возбуждена. Верит и боится того, что услышала.

– Ники... Доминик... ты, ты... агент? Ты из спецслужбы? – я чувствовал необычную смесь страха, неприязни и восхищения.

Доминик кивнула.

– Но Жан... он не мог... нет, он не мог, не мог!

– Мне очень жаль, София.

– Нет! – София бросилась к Ники. Мне показалось, что она вцепится той в лицо, но София упала на колени перед Доминик, взяла её правую ладонь обеими своими. – Он никогда не смог бы! Ники, помоги ему. Пожалуйста!

– Встань, Софи, прошу, – Доминик помогла ей подняться. Проводила к тому месту, где она сидела рядом со мной. Не глядя, пододвинула табурет, уселась. – Софи, ты просто не знаешь, как хорошо они промывают мозги. Через день-два Жану станет очень плохо. Совсем плохо. Я обязана защищать Брюса, я не смогу защитить вас всех. Этим займутся другие.

– Ты могла меня убить, – медленно проговорила София. – И Жана. Никто бы ничего не узнал.

Доминик кивнула.

– Почему не убила?

– Брюс не позволил. Он захотел, чтобы ты жила.

София посмотрела на меня. Вновь покраснела. Потянулась было к моей руке, отдернула.

– Мы можем уже не увидеться, – заметила Доминик. – Не обижайся, Софи... тебе было бы лучше попрощаться с Брюсом сейчас. Прощаться так, чтобы это можно было бы запомнить навсегда.

Софию словно ударили кнутом. Она стиснула зубы. Посмотрела на Доминик (та смотрела ей в глаза, спокойно, без насмешки). Посмотрела на меня. Я шевельнулся, хотел встать. София вскочила на ноги, отскочила от меня, как от зачумлённого. Держась подальше от меня, приблизилась к Ники, вплотную. Я думал, она ударит Доминик, но София просто смотрела ей в лицо.

– Ники, ты и в самом деле ненормальная, – тихо проговорила София. – Я не знаю, что это для тебя... Я так не могу.

И выскочила наружу. Я встал, ощущая себя полным идиотом. Не знаю уж, почему. Доминик опустила взгляд, смотрела себе под ноги. Я вышел в коридор. София стояла у двери в своё купе, уткнувшись лицом в занавеску на окне.

* * *

– Нет, Брюс, – услышал я, когда до Софии оставалось два шага. – Не прикасайся ко мне, не надо.

За окном уже светало. Поезд прибудет в Ле-Тесс через четыре часа.

София медленно обернулась. Подошла ко мне, осторожно взяла за руку. Уткнулась лбом мне в грудь.

– Я не могу, Брюс, – прошептала она. – Не заставляй, прошу. Ты... ты мне нравишься. Правда.

Я молча прижимал её к себе. За плечи, осторожно. София подняла голову. Слёзы в уголках её глаз.

– Я... – голос её стал едва слышным. – Я люблю тебя. Но Жан... я не брошу его, Брюс. Даже такого. Прости.

Она снова уткнулась мне в грудь и замерла. Не знаю, сколько мы так простояли. Наконец, она медленно отстранилась. Мы замерли, взявшись за руки, и смотрели друг другу в глаза.

Доминик права. Я никогда не отучусь оправдываться в том, чего не делал. Никогда, наверное, не отучусь. Говорить оказалось невероятно тяжело.

– Софи, – она улыбнулась, слеза скатилась по левой щеке. – Не слушай её. Я не собирался помогать тебя.

Она обняла меня. Резко, крепко, неожиданно. Привстала, коснулась сухими губами моей щеки.

– Я знаю, – услышал я шёпот. София отошла от меня. Два или три удара сердца мы стояли и смотрели друг на друга, улыбаясь. Она кивнула и повернулась к двери. Ещё пять секунд, и я один.

Только Господь всемогущий в состоянии понять женщин.

* * *

На столе уже ничего не было. Только фонарик, в форме керосиновой лампы. Забавный. Внутри горела свеча. Ароматическая, с жасмином.

Оказывается, правую, ближайшую к двери часть дивана можно было раздвинуть, чуть не вдвое. Ники так и сделала. Постель была готова. Сама Доминик так и сидела на табурете.

– Не уговорил? – подняла она взгляд. – Может, мне попробовать?

Я думал, что страшно разозлюсь. Но отчего-то совершенно успокоился. Может, у меня уже не было сил злиться. Я сел на краешек получившейся кровати.

– Ники, ты...

– ...сумасшедшая, я знаю. Брюс, поверь, так было бы лучше. Для вас обоих.

Спать не хотелось, и это неправильно. Я упёрся локтями в колени, спрятал лицо в ладонях.

– Брюс, тебе нужно заснуть, – Ники присела передо мной. – День получился длинным. Завтра ты отдохнёшь, как следует.

– Ты забыла сказать «обещаю», – проворчал я.

– Завтра ты отдохнёшь, как следует, обещаю.

Она не улыбнулась. Говорила и смотрела серьёзно.

Я молча поднялся, прошёл к дальнему шкафу. Разоблачился, повесил всё в шкаф. Стараясь не смотреть на Ники, вернулся к дивану и забрался под одеяло. И сразу почувствовал, что действительно хочу спать. Ники «задула» фонарик и села прямо на пол, на ковер. Я чувствовал, что она смотрит на меня.

– Ты не будешь спать? – поинтересовался я, понизив голос.

– Не люблю спать одетой. Выплюсь завтра.

– Зачем тогда стелила на двоих?

– Когда ты вошёл, мне показалось, что ты не захочешь прикасаться ко мне.

Я отрицательно покачал головой. Не знаю, как она это заметила в крошечной темноте, но через полминуты она скользнула под одеяло. Прижалась, прильнула ко мне. И всё. И ничего больше.

– Спи, – шепнула она. – Завтра всё будет иначе, обещаю.

Глава 7. Зодчие некрополя

Брюс, 22 июня 2010 года, 7:20

Я выпал из сна. Сознание включилось неожиданно, как свет от щелчка выключателя. Водоворот вчерашних событий, откровения, которыми мы делились, признание Софии... Всё виделось ярким и отчётливым, я мог вспомнить каждое слово, каждую мелочь. Но ощущение потери реальности, отрыва от реальности прошло. Вагон едва заметно покачивается, в купе брезжит серый рассветный сумрак. На сегодня обещали грозы, порывистый ветер. «Обещали»...

Ники обнимала меня за шею, положила голову мне на плечо. Её дыхание, полевые цветы. И три остальных её запаха. Я вслушивался в её дыхание, смутно ощущал, как бьётся её сердце. Осторожно, чтобы не пошевелить Ники, высвободил левую руку, прикоснулся к её щеке. Она издала звук, напомнивший мурлыканье кошки, пошевелилась, прижалась ко мне сильнее.

Когда я мечтал, как о несбыточном, о такой вот ночи? Ещё тогда, в сентябре? О да, наверное. Помню, какие образы приходили на ум, какие фантазии. Грёзы, особенно приятные тем, что наяву такое не может, не имеет права случаться. Человеку не должно быть настолько хорошо, цена за подобное должна быть непомерной.

Я не проснулся окончательно, но и не спал – слегка приподнял голову, осмотрелся. Всё, как и раньше. Одежда Ники на полу. Как в фильмах, там обожают подобные картины. Дорожка из брошенных под ноги предметов одежды, на пути к кровати.

Ники вновь мурлыкнула, что-то едва заметно прошептала. Почему меня не удивляет, что я здесь, с ней? Сколько она сделала для того, чтобы стереть меня с лица земли? Странно было вспоминать это сейчас. Словно Ники подменили, вчера. Мне было бы приятнее считать, что её подменили, что всё можно забыть и простить, если бы не её вчерашние слова.

«Мерзкая сплетница». Это точно. Не знаю, что она там говорила про других. Про меня – много разной гадости. Словно с цепи сорвалась. Словно взбесилась. Я не думал, что можно говорить про других *такое*, а потом невинно улыбаться этим же людям в лицо...

«Я стравливаю людей». Это точно. У тебя талант стравливать, Ники. Поль, спаси Господь его душу, Жан, все остальные – мы же были друзьями. Настоящими. И что она с нами сделала, всего за неделю?

«Мне нравится унижать людей, делать им больно». Да, тебе нравится. Я помню, как на меня смотрели на дне её рождения. «Что ещё ждать от сына уголовника!» Господи, Ники, как ты выкопала всё это, зачем рылась в подобном? Я помнил напряжённый, резкий тон матери по телефону. Кто сказал тебе, Брюс? Кто этот мерзавец? И ректор, его надменный и презрительный тон. Зачем вы скрыли судимость своего отца, господин Деверо? Нет, грехи отцов не наследуются, мы цивилизованные люди, но форма есть форма, не я выдумал этот пункт в анкете...

Я знаю, мама, кто этот мерзавец. Мерзавка. Она спит сейчас у меня на плече. Мне страшно даже подумать об этом, но я её люблю. По-настоящему. Под этим словом я понимаю вовсе не то, что, скажем, Поль. И его приятели, мир их праху. Я люблю её, пусть даже то, что она сделала, никому не прощают.

– Я знаю, Брюс – прошептала она едва слышно. Я вздрогнул так, что едва не сбросил её на пол. Она тихо рассмеялась, повернулась на спину, по-прежнему прижимая голову к моему плечу. – Всё ждала, когда ты это скажешь.

О боже. Я что, говорил вслух, все свои мысли?

– Нет, Брюс, ты не говорил, – услышал я. Она приподнялась на локте, взглянула мне в лицо. Улыбалась. Ты всё-таки ведьма, Ники. Я не могу думать о тебе хорошо, но не в состоянии прогнать тебя, оттолкнуть. Я всё-таки сплю. Всё ещё сплю.

– Ты не спишь, – услышал я. Но губы Ники не шевельнулись.

О господи!

– Ты читаешь мысли?! – в голове случилась полная неразбериха. Я не узнал своего голоса – хриплый, скрежещущий. Ники приложила палец к моим губам.

«Думай», раздалось у меня в голове. «Просто думай».

Я закрыл глаза.

«Этого не бывает, Ники».

Она рассмеялась. Вслух, если можно так сказать. Повернулась, обняла, прижалась щекой к моей щеке.

«Ники, что происходит?»

«Мы подъезжаем. Не беспокойся, нас не потревожат. Ни нас, ни их. Уйдём, когда захотим».

«Я не об этом».

Она вновь рассмеялась. На этот раз мысленно. Странное ощущение – смех отражался, возвращался эхом, которое воспринималось не ушами.

«Ты сказала Софии, что должна охранять меня. От кого?»

«Если повезёт, то от себя самой. Если не повезёт, от всего остального мира».

«Ники, мне не смешно».

«Не сердись. Я сказала чистую правду, Брюс».

Я полежал, стараясь ничего не думать. Мысли роились в голове, и вот одна стала доминировать сильнее остальных.

«Ники, София не была с Жаном. Она вообще ни с кем не была».

«Я знаю». Возникло сильное ощущение, что Ники кивнула, хотя голова её оставалась неподвижной.

«Значит, Жан умрёт?»

«Я не знаю, Брюс. Он должен был умереть ещё вчера, на поляне. Но он жив».

Пауза.

«Это ты его сделала таким, Ники? Его, Поля, остальных?»

Нет ответа.

«Я знаю, что это ты. Я видел, что ты сделала там, на поляне. София не видела, а я видел».

Нет ответа.

«Нет никаких террористов, Ники. Никто не охотится за мной. Нет никакого заговора, правда? И ты никакой не спецгент».

Нет ответа.

«Так и будешь молчать, Ники?» Мне вдруг подумалось, что это странное свойство, умение слышать и передавать мысли, просто кончилось. Что Ники уже не слышит меня, а я – её. И тут она, неуловимо быстро оттолкнулась, перекатилась, легла на меня, упёрлась руками так, чтобы её лицо было на расстоянии длины ладони от моего. Я заметил, что губы её сжаты.

«Это не так, Брюс. Есть заговор. Тебя хотят убить. Или скоро захотят. А мне приходится быть спецгентом».

«Снова врешь? Я не София, Ники. Ты заморочила ей голову, но я-то видел. То, как ты их отключила. Тени на поляне. Это что – достижение наших спецслужб?»

«Брюс, не злись, прошу», она медленно опустилась, уткнулась лицом в подушку, подбородком – мне в плечо. «Что ты хочешь услышать? Правду? Ты не поверишь мне. Ты

сам придумаешь другую неправду, это будет ещё хуже. Просто жди. Всё постепенно станет ясно».

«Зачем же ты придумала эту историю для Софии? Она не дуручка. Она скоро поймёт, что ты её обманула».

Ники вновь приподнялась на руках.

«Брюс, что я должна была сказать? Софии была нужна почва под ногами. Начнёт осыпаться эта почва – я дам ей другую. Ты просто принимаешь всё быстрее, чем она».

Я попробовал усесться. Ожидал страшной боли в ключице, в боку. Побаливало, но вовсе не так, как пару часов назад. Этого тоже не может быть!

Ники так и осталась сидеть у меня на ногах. Прижалась ко мне, обняла.

«Брюс, это может быть. Это происходит».

Я молчал. Почему я вчера не бросился в полицию там, на вокзале? Почему не убежал, вместе с Софией и Жаном, пусть даже пришлось бы его волочь?

Отыскать ответ оказалось нелегко. Я увидел то, чего не могло быть. София не вспоминала то, что Ники назвала «пройти сквозь тень». Но я помнил! И тени на поляне, и всё прочее. Точно. Вот почему я всё ещё здесь. Меня притягивает, не отпускает загадка. Только поэтому я не послал Ники туда, откуда никто никогда не возвращался.

«Верно, Брюс. Ты сам всё понимаешь. Постепенно понимаешь».

Я разозлился не на шутку. Что теперь, и думать ни о чём нельзя будет? Голову словно окунули в котёл с кипятком, я зашипел от боли. Ники отстранилась, продолжая держать меня за плечи. На лице её отразилась тревога.

– Брюс, не надо злиться, – услышал я её голос. На этот раз ушами. Голова у меня кружилась, мне стало нехорошо. Ники мягко вынудила меня улечься, сама же осталась сидеть на мне. «Верхом».

– Это... кончилось? Я не слышу тебя, Ники. Не слышу твои мысли.

– Ты перенервничал. Разозлился. Поэтому всё кончилось.

– Что мне делать? – спросил я, хотя и в мыслях не держал такого вопроса.

– Перестань задавать вопросы. Ты нужен мне, Брюс. Просто поверь в это. Я хочу, чтобы ты жил, чтобы был со мной.

– Ты обманывала меня, делала мне пакости, натравливала своих псов, сводила меня с ума...

– Да, Брюс.

– А теперь я должен поверить, что стал тебе нужен?

– Да, Брюс.

Она выглядела совершенно серьёзной.

Возможно, и Господь всемогущий не сможет понять женщин. Надо принимать решение. Я принял его на редкость легко. Наверное, в тот самый момент я сам стал сумасшедшим. Таким же, как она.

– Хорошо, Ники.

Она улыбнулась. Я заметил слёзы в уголках её глаз. Она вытерла их тыльной стороной ладони и медленно опустилась на меня. Вихри морского воздуха, напоенного жасмином... Меня куда-то несёт, несёт...

– Не шевелись, – шепнула она мне на ухо. – Не напрягайся. Не думай ни о чём.

Вихрь вознёс меня и швырнул в бездонную пустоту космоса, где всё ярче горели звёзды, чтобы взорваться, сжечь весь мир и выстроить его заново...

Брюс, отель «Мажестик», апартаменты «Жасмин», 22 июня 2010 года, 12:30

Я бродил по гостиной, самой крупной комнате апартаментов, и не знал, куда себя девать. Надо радоваться, что у меня нет аллергии на жасмин. Он тут повсюду. Запах не рез-

кий, ни в коем случае, но вездесущий. Комнаты обставлены в восточном стиле. Это я понял, хотя не бог весть как разбираюсь во всём этом. Но то, что это, пусть отчасти, Китай, я понял. Пол вовсе не ровный – один большой «холм» в центре, два поменьше – в северо-восточном и юго-западном углах. В «низинах» столы, подушки и скамеечки. На вершине центрального холма – садик из крохотных деревьев и фонтан. Стоп, по-моему, это уже не Китай? Ну и ладно.

Доминик удалилась в кабинет и, вежливо и непреклонно, велела туда не заходить. Ладно. В апартаментах восемь комнат, можно неплохо размяться, путешествуя по ним. Я отправился в восточную спальню, куда отнесли чемоданы с «моими» вещами, и встал у окна.

Ле-Тесс сегодня в осаде. Вон какие тучи, как громоздятся. Умная автоматика включила вечернее освещение; странно, мне и кажется, что сейчас вечер.

В который раз достал из кармана коробочку. Ту самую, с драгоценной розой. София отказалась забирать её.

* * *

Когда я вновь проснулся, без пяти минут девять, Ники сидела рядом, на краешке дивана. Молча смотрела на меня, держала за руку. Увидев, что я открыл глаза, улыбнулась и встала.

– Машины будут через час, – она отошла. Одета уже по-другому, в деловой костюм, безликий и бесполой. Обсидиановое кольцо на среднем пальце левой руки, нефритовое – на среднем пальце правой. Крохотная брошка-бабочка на лацкане. Ничего лишнего, никакой показной роскоши.

Потрясающе. То, как она умеет приказывать, не приказывая. Убедилась, что я проснулся, и дала понять – день начинается, нечего нежиться.

Мне хватило четверти часа, чтобы привести себя в порядок. Умываясь, заметил, что почти ничего уже не болит. Синяки, местами – шрамы. Почки ещё побаливают. Но способность удивляться ещё вчера оставила меня, и до сих пор не вернулась.

Ещё через четверть часа мы закончили с завтраком. На сей раз всё просто. Булочки с сыром, крепкий кофе, пара тостов. Без особых изысков. Через минуту после того, как проводник забрал посуду, в дверь тихонько постучали.

София.

Судя по красным глазам, она не спала большую часть ночи. Или много плакала. Или и то, и другое.

Ники молча пропустила её, предложила сесть у окна. София уселась. Опустила голову, спрятала лицо в ладонях. Я думал, она сейчас расплчется. Ничего подобного.

– Он почти ничего не помнит, – прошептала София. – Помнит только один день. Вчерашний. Как только просыпается, сразу начинает извиняться, что ударил меня. Что с ним?

– София, сегодня или завтра ему станет хуже, – Ники присела перед ней. – Вот, возьми. Возьми, не спорь, – она протянула Софии пухлый бумажник. – Там три визитки. Первая из них – доктор. Как только с Жаном что-то случится, позвони ему. На второй карточке записан адрес. Туда вас отвезёт машина, через двадцать пять минут. В бумажнике полторы тысячи евро, две кредитные карты на твоё имя. Вот коды, – Ники протянула ещё одну бумажку. София молча посмотрела. – Запомнила?

София кивнула. Да, она же математик. Все только потешались над её страстью к числам.

Доминик добыла из кармана зажигалку, поднесла к огоньку листок с кодами. Листок вспыхнул, весь сразу, и просто исчез.

– Те деньги, – неожиданно подала голос София. – Вчерашние. Там было три тысячи сто двенадцать. Осталось две шестьсот пять.

– Оставь себе. Третья карточка – телефон комиссара полиции Лакруа. Он будет заниматься вашей защитой. Если вдруг что-то происходит, звонит кто-нибудь посторонний, случается ещё что-нибудь – звони ему.

София кивнула снова.

– Если захочешь куда-то выйти, куда-то сходить – звонишь комиссару и выполняешь его распоряжения.

София кивнула в третий раз.

– Софи, – Ники придвинулась ближе. София подняла голову, посмотрела ей в лицо. – Твоим родителям сказали, что тебя пригласили в гости. На три недели. Думаю, тебе лучше звонить им, на выходных. Как обычно.

София не утратила способности удивляться.

– Откуда ты знаешь? – поразила её она. – Ах, да, ты же...

– София, слушай внимательно. Он всегда должен слышать твой голос. Рассказывай ему.

– Что рассказывать?

– Всё. Как учились, как познакомились. Как встречались, как занимались любовью...

София покраснела, отвела взгляд.

– Это важно, София. Каждую деталь. Даже когда он будет в коме, он должен слышать твой голос. Справишься?

София кивнула.

– Не позволяй снимать с него медальон. Никому не отдавай. Делай, что хочешь, но медальон должен всегда быть у него на шее. Это всё. Не ищи меня, я сама позвоню. Запомни: буря, гроза, жасмин. Если я позвоню и не скажу эти три слова, немедленно кладёшь трубку и вызываешь Лакруа. Ясно?

– Ясно, – София поднялась. Мы с Ники – тоже.

– Доминик, – София посмотрела ей в глаза. – Я не знаю, кто ты на самом деле, что делаешь. Я знаю, это ты сделала с Жаном то... отчего он стал таким. Ты или кто-то из твоих людей. Если Жан умрёт, я найду тебя. Где бы ты ни спряталась. Обещаю.

Голос Софии был совершенно спокойным, во взгляде – решимость идти до конца. Ни слова её, ни тон, ни внешний вид не вызвали желания улыбнуться.

Доминик выдержала её взгляд. Ответила так же ровно.

– Я знаю, София. Я не буду прятаться.

София кивнула и направилась к двери, но я остановил её. Осторожно взял за локоть.

– Ники, разреши мне...

– Разумеется, – Ники вышла из купе и бесшумно защёлкнула за собой дверь.

– Спасибо, Брюс, – София встала на цыпочки и прикоснулась губами к моей щеке. – Я справлюсь, не беспокойся. Ты любишь её, правда?

Я кивнул.

– Если Жан умрёт, это ей не поможет, – тихо пообещала София. – Извини.

Я вынул из кармана коробочку. С той самой розой.

– Софи, ты вчера забыла...

– Я не возьму. Оставь себе, Брюс. На память. Я не могу взять это.

– Но почему?

Она просто посмотрела мне в глаза. И я понял, почему. Она кивнула, сильно сжала мой локоть и, резко развернувшись, покинула купе.

Минуты через три постучала Доминик.

– Идём, Брюс, – позвала она. – О вещах не беспокойся.

Проводник, тот самый, стоял у выхода. На этот раз мы обменялись рукопожатием. Ему это явно польстило. Кем он меня считает, интересно? Ники, он давно знает, это точно.

Путешествие в такси я помню смутно. Ники молчала; надела чёрные очки и едва заметно улыбалась. Шофёр также не донимал разговорами. В общем, от отсутствия впечатлений я едва не заснул.

* * *

Нас встретил сам управляющий. Высокий, худощавый, с тонкими усиками, он приблизился к улыбающейся Доминик и, склонившись, прикоснулся губами к её руке.

– Мадемуазель Доминик, какая честь! Ваши обычные апартаменты?

– Без имён, мсье Рено, – Доминик улыбнулась шире, демонстрируя ослепительно белые зубки. – Если можно, «Жасмин». У меня много дел в столице, очень много дел... – я заметил, как она едва заметно указала на меня, слабым движением головы.

– Через четверть часа будут готовы, – управляющий ещё раз поклонился. И повернулся ко мне. Протянул мне руку, почтительно наклонил голову.

– Рад, что почтили нас визитом, господин Деверо. Наслышан, наслышан о вас.

Я сделал всё, чтобы сохранить серьёзный вид, и пожал руку. Странно. Мне показалось, что на меня будут смотреть иронически – молодая скучающая аристократка отыскивала очередного ухажёра (или проще, любовника). Но нет.

– Не угодно ли пообедать? – управляющий указал в сторону ресторана. – Сегодня изумительные...

– Мсье Рено, – перебила его Доминик. Управляющий улыбнулся, кивнул. – Мы долго ехали, и, признаться, устали. Всего лишь кофе. Обедать мы будем в апартаментах.

Управляющий подозвал метрдотеля, и минуты через три мы уже сидели, в самом углу, за столиком на двоих, под тенью двух могучих пальм.

Доминик так и не сняла очки.

– «Наслышан о вас», – я отпил кофе (не так часто я пил хороший кофе, чтобы оценить по достоинству). – Интересно, о чём именно наслышан?

Она медленно сняла очки. Вновь улыбнулась, сверкнув зубами.

– Семья Деверо эмигрировала сто пятьдесят лет назад в Северные Соединённые Штаты, – она смотрела не на меня, а на свои руки. – Твой прадед, Жюль Деверо, стал известным ювелиром. Дед продолжил его дело и открыл филиалы в других странах, в том числе и на родине, в Галлии. После смерти отца ты унаследовал всю ювелирную империю Жюля Деверо. Точнее, ту её часть, что в Галлии.

Я чувствовал, что вновь теряю контакт с реальностью.

– К-к-как? – я едва смог выговорить это слово. На большее просто сил не было. – Этого не может быть!

Она перестала улыбаться. Протянула руку, прикоснулась своей ладонью к моей. Перед глазами повис туман, голова закружилась.

– Это *есть*, Брюс, – она вновь улыбнулась. – Просто скажи это. Про себя. Это *есть*.

«Это есть», подумал я. И голова тут же перестала кружиться.

Доминик кивнула, допила остаток кофе и протянула руку. Я встал (с трудом осознавая, где я и почему), взял её под руку и повёл к выходу из ресторана. Ощукая на себе взгляды. Да, Ники трудно не заметить, а заметив – невозможно отвести взгляд.

* * *

Как только дверь апартаментов затворилась за нами, Доминик издала жуткий воинственный крик, бросилась бегом через три комнаты, расположенные анфиладой (малая гостиная, большая гостиная, восточная спальня) и, оттолкнувшись, как следует, перелетела через половину комнаты. Прямо на кровать.

Я не сразу понял, что произошло. Настолько всё было неожиданным. Опомнился, побежал следом (хотя страшно хотелось идти медленно и озираясь, так необычно выглядят апартаменты). Ники лежала на кровати, на спине, руки и ноги в стороны. Туфли валялись, одна – на полпути к кровати, другая – у порога. Как сумела снять в прыжке?

Я присел на корточки перед кроватью. Вид у Доминик был счастливым. Сияющим.

– Ты в порядке, Ники?

Она перекаtilась к моему краю кровати. Протянула руку, погладила меня по голове. Улыбнулась, кивнула.

– Разумеется. Не бойся, никто ничего не услышит. Иногда так хочется побеситься, сил нет. Только здесь и можно...

Это что-то новое.

– Это будет твоей спальней, – Доминик спрыгнула на пол, передо мной. На лице её возникло виноватое выражение. – Ничего, что я всю кровать помяла?

Я не смог этого вынести и расхохотался. Она рассмеялась в ответ, бросилась мне на шею. Уронила на пол. Я решил не сопротивляться. Тем более, ковёр под головой удобный, можно спать на полу.

– Где твоя спальня, Ники?

– Зачем это тебе? – осведомилась она сухо. Фыркнула, рассмеялась. – Поищи, если захочешь, – она, улеглась рядом, как утром, в поезде. Обняла меня за шею, прижалась щекой к плечу.

– Надеюсь, спальни запираются?

Она сочувственно вздохнула.

– Да, но тебе это не поможет. Если захочу, я всё равно проберусь к тебе. От меня никто не мог спрятаться.

– Что, если мне захочется пробраться к тебе?

Она уселась, помогла усестся мне. Пригладила взъерошенные волосы.

– Нет, Брюс. Я буду приходить к тебе.

Что-то, видимо, отразилось на моём лице.

– Брюс, – она взяла меня за плечи, привлекла к себе. – Ты не моя собственность. Я – тоже не твоя собственность. Просто у меня несколько правил. Их никогда не нарушают.

– Никогда?

– Ну, почти никогда.

– Можно ознакомиться со списком?

Она тихо рассмеялась. Прижалась щекой к моей щеке.

«Брюс, не обижайся», раздалось у меня прямо в голове. Я вздрогнул. Так это всё не приснилось?

Просто думай, Брюс.

«У меня тоже могут быть правила, Ники?»

«Разумеется. Я сумасшедшая, но правила выполнять умею».

«Ники, эти ювелирные магазины...»

«Не только магазины, Брюс. Фабрики. Одна находится здесь, в Ле-Тесс. В пригороде».

«Ники, я не спрашиваю, как. Ты всё равно не скажешь. Скажи, зачем?»

«Я могу устроить жизнь любимому человеку?»

Я отстранился от неё. Доминик смотрела мне в лицо, губы её чуть подрагивали.

– Ты умеешь любить, Ники?

– Да. Я буду жить для тебя. Если потребуется, умру за тебя.

Этим словам я поверил. Сразу. Она сказала их просто, без позы, без пафоса. Просто сказала. Как само собой разумеющееся.

– Что-то случилось, – я опустил голову. Ники прижала её к своей груди. – Что-то должно было случиться, Ники. Очень серьёзное. Чтобы всё так изменилось.

– Случилось, Брюс. Очень серьёзное. Очень страшное. Надеюсь, что сумею остановить вовремя.

– Что остановить, Ники?

– То, что началось. Ты скоро узнаешь, часа через три.

Она легко, изящно вскочила на ноги. Ну и костюм у неё! Нигде не помялся. Мой, впрочем, тоже.

– Через полчаса будем обедать, Брюс. Надо переодеться.

Раздался тонкий, изящный перезвон колоколов. Я не сразу понял, что это телефон.

– Вон там, у изголовья, – указала Ники. – Это тебя.

* * *

– Брюс? – голос матери.

Вот это номер! Как она узнала телефон? Ники уселась рядом, глядя на меня. Кивнула – продолжай, всё в порядке.

– Да, мама.

– Мне сказали, ты в гостях?

Ники улыбнулась, но вмешиваться не стала. Я показал ей кулак, она бесшумно расхохоталась и упала на кровать, навзничь.

– Да, мама. Если честно, я немного занят.

– Брюс, господин Фрейен позвонил мне только что. Он будет в Ле-Тесс не завтра, а сегодня. Может, тебе следует побывать на фабрике сегодня?

Узнаю маму. Ладно, я всё равно не узнаю, как *она* узнала про возникшие из ниоткуда магазины и прочее. Но её привычка всегда пытаться решать за меня... Чёрт возьми, мне уже двадцать два!

– Мама, встреча уже назначена, – Ники вновь уселась. Смотрела на меня и улыбалась во весь рот. Дал бы ей по шее, но не дотянусь. – Кто из нас владелец, я или он? Почему я должен менять свои планы, бежать к нему?

Сам удивился, как быстро и сразу я свыкся с новой ролью «бриллиантового принца».

– Брюс, я думала, так будет лучше, – мама смущена.

– Мама, я умею думать сам. Не беспокойся. Как твоё здоровье?

– Всё хорошо, сынок. Не забудь позвонить мне, как пройдёт встреча.

– Обязательно, – и я положил трубку.

– Доволен, что живёшь вдали от неё? – поинтересовалась Ники.

Я кивнул.

– Хочешь дать по шее – дай, – спокойно продолжила Доминик. – Один раз можно.

– А второй?

– Получишь сдачи. Брюс, просто повторяй, «это есть». Быстрее привыкнешь.

– Ники, – я присел перед ней. – У моего деда действительно были ювелирные магазины в Америке. Но их отобрали. Его партнёры подставили его. Дали пинка. Вынудили вернуться в Галлию.

– Хорошо, что ты это помнишь, – Ники наклонилась ко мне, поцеловала в лоб. – Очень хорошо. Великолепно. – Она смотрела на меня серьезно.

– Так что из этого правда?

– Всё правда, Брюс. И то, и другое.

– Ники, этого не...

– ...может быть. Может. Брюс, если я ещё раз услышу эти слова сегодня, я страшно разозлюсь.

– А я сойду с ума, – мрачно отозвался я. – Что из этого настоящее?

– Брюс, – она взяла меня под подбородок, заставила поднять голову. – И то, и другое – настоящее. Признайся, в каком из них тебе было бы удобнее?

– Всегда мечтал работать ювелиром.

– Ты выбрал, – она ещё раз поцеловала меня в лоб, поднялась. Прошла к двери, собрала туфли. – Брюс, ты хотел список правил. Вот тебе список. Если я в комнате и дверь закрыта, ты стучишь, если я нужна. Если я не отвечаю, второй раз ты не стучишь. Ты никогда не спрашиваешь, где я была и что делала. Я сама всё расскажу. Если потребуется.

– Если потребуется, – повторил я эхом.

– То же самое относится и к тебе, Брюс. Не хочешь меня видеть – просто закрываешь дверь. Не хочешь рассказывать о чём-то – молчишь. Договорились?

Я поднялся, кивнул.

– Одежда должна быть в этих шкафах, – Доминик указала и, покинув спальню через вторую дверь, аккуратно закрыла её за собой.

* * *

...Так вот, я бродил по гостиной и не знал, куда себя девать. Подходил к бару, смотрел на коллекцию напитков... и отходил. Доминик сидела в кабинете, с кем-то о чём-то говорила по телефону. Возникла, на краткий миг, дурацкая мысль поднять трубку другого телефона. Как бы случайно. Вдруг услышу её голос? Но эту идею удалось быстро отогнать.

Тучи всё сгущались. Иногда их контуры выделялись светом далёких мертвенно-синих зарниц. Что-то ворчало, с неба сыпалась морось, давило предчувствие грозы. Мне вспомнилась роза, я в очередной раз достал её. На этот раз я перевернул брошку застёжкой вверх. И чуть не уронил на пол, увидев фамильное клеймо «Деверо», стилизовано под арабскую вязь, двойной овал вокруг. Господи, неужели София увидела *это*? Неужели это клеймо было в тот момент, когда она взяла розу?

А если клеймо возникло недавно? Тогда же, когда я стал владельцем ювелирного дела?

Я сошёл с ума или ещё только схожу?

Лёгкие шаги. Доминик, в белом домашнем халате. Лента поверх волос. И на ленте, и на рукавах халата – китайский дракон. Красный дракон.

– Брюс, – позвала она. – Идём. Мне нужна помощь.

* * *

...Мы сидели у меня в спальне. Доминик опустила жалюзи, зажгла ночник. Принесла из гостиной скамеечку и несколько подушек. Велела мне положить рядом с кроватью толстый асбестовый лист – из тех, что кипой лежат у камина. Принести жаровню, разжечь и поставить рядом.

Только бы не сработала пожарная сигнализация. Однако угли тлели чисто, без дыма, источая лёгкий запах. Мне померещился всё тот же жасмин.

Огромная картина на стене, напротив кровати, оказалась телевизором. Плоский, замаскирован под картину. Торрессон, «Рассвет в Альпах». Ники переключилась на первый канал и выключила звук.

Откуда-то добыла горсть безделушек – кулоны, медальоны, крестики – всё на цепочках. По спине у меня пробежали мурашки. Я понял, что это. Точнее, чьё это.

Доминик взглянула на меня, кивнула. Мороз вновь продрал по коже. Что она собирается делать?

Ники распутала клубок украшений, разложила на скамеечке. Вздохнула, прижала ладони к груди, сделала такое движение, словно стряхивала с рук невидимую воду.

– Присмотрись, – она махнула дистанционным пультом, и ночник засветился чуть ярче. – Что видишь? Не трогай руками.

Я склонился над россыпью. В оранжевом свете ночника украшения казались фальшивыми, ненастоящими. Склонился ниже, несколько раз повернул голову.

Странно. Три украшения ярче остальных. Всего их дюжина. Три поярче, остальные какие-то тусклые.

– Эти, – я указал, и Ники тут же протянула руку, чтобы я не прикоснулся к вещцам. – Не знаю, как сказать. Более яркие?

Доминик улыбнулась.

– Я не ошиблась в тебе. Всё, Брюс. Включи звук. Тихонько. Переключайся между первым и вторым каналом, жди.

– Чего именно?

– Ты поймёшь. Не обращай ко мне, не прикасайся ко мне. Сиди и смотри.

Жаровня тускло рдела перед нами.

– А если зазвонит телефон? Если кто-нибудь придёт?

– Не зазвонит. Не придёт. Всё, Брюс, молчи.

Она замерла, скрестив ноги, сложив руки на ноги, прикрыла глаза. Дышала медленно-медленно.

– Пора, – прошептала она. – Проявите себя. Покажитесь.

Я переключал с канала на канал. Рекламные выпуски, музыкальные клипы, вся традиционная дребедень. Минут через пятнадцать это и случилось.

Яркая, мигнувшая красным, заставка. Огромные красные буквы на белом фоне.

«Чрезвычайная ситуация. Захват заложников в университете Сант-Альбан».

Ники подняла голову. Я заметил, что лицо её осунулось. Она права, чтоб мне провалиться. Она была права...

– Сделай громче, – приказала она. Протянула руку, взяла один из «ярких» амулетов, сжала его в левом кулаке. Вторую руку запустила в карман халата. Достала оттуда небольшой, старый на вид нож с кривым лезвием и костяной ручкой. И вновь мне стало зябко и страшно.

– Брюс, не бойся, – шепнула Ники. – Ни в коем случае не бойся.

Через минуту пошёл репортаж. Я сразу узнал главный корпус Университета. Вокруг уже было двойное оцепление из полиции, повсюду – прожекторы, суeta, бегущие люди. Все окна здания были тёмными, никакого света. Я сидел и изо всех сил пересиливал, перебарывал страх.

* * *

Мы сидели почти час. Как и вся страна, мы, вероятно, не отрывались от телевизора. Пока что показывали только то, что творится снаружи. Передавали статистику. В здании как минимум двадцать террористов, более пяти сотен заложников. К счастью, высокопоставлен-

ные гости из других стран не находились в здании в тот момент; среди заложников министр образования Галлии и вице-премьер...

Террористы оказались изоляционистами. Антиглобалистами. Выдвинули требование распространить свой манифест по СМИ Галлии, Северных Штатов, Британии и прочих стран. После этого – если им гарантируют жизнь – они отпустят всех заложников и сдадутся.

– Мы обещаем жизнь всем заложникам, – прошептала Доминик.

– Мы обещаем жизнь всем заложникам, – послышался голос с экрана. Террорист в маске, пользуется устройством для искажения голоса. Они впустили репортёров?

– Мы не желаем кровопролития, – донеслось с губ Доминик. И то же самое, и с теми же интонациями, произнёс и террорист. Я примёрз к ковру, не в силах пошевелиться, что-то сказать. Что происходит?!

Раскат грома за окном.

Доминик открыла глаза. На лице её проступила злость.

– Сукин сын, – произнесла она сквозь зубы. – Сукин сын!

Замерла. Вздрогнула, схватила второй «яркий» амулет. Тут всё и случилось.

Потом скажут, что главарю террористов что-то померещилось. Возможно, показалось, что у репортёра в камере спрятано оружие. Что-то такое.

Многие слышали хлопок. Выстрел. Репортёр рухнул на месте. Похоже, стрелял кто-то из террористов. Главарь, это было ещё видно, выстрелил в кого-то, кто стоял за убитым репортёром. И тут...

Этот кадр повторили много раз. Здание словно приподнялось и тяжело опустилось. Ослепительный свет, стеклянная пыль, вылетевшая из всех окон – словно внутри главного корпуса зажглось солнце.

Здание медленно, величественно сложилось внутрь самого себя. Султан дыма и пыли вознёсся над ним. Тут же молния ударила прямо в центр происходящей катастрофы. Ещё одна.

– Сволочи... – прошептала Доминик. – Сволочи! – закричала она во весь голос. – Бросила оба амулета в жаровню, прямо на угли. – Господи, какой кретин поставил там снайпера?! Им же всё показали, всё сказали... – слёзы текли по её щекам.

Доминик смела остальные украшения со скамеечки. Взяла последний «яркий» амулет.

– Покажи зубки, – процедила она сквозь зубы. – Покажи зубки, пёс! Покажи! – крикнула она.

На экране показывали тот ужас, что творится сейчас в университетском городке. До меня не сразу дошло, что пятьсот с лишним человек погибло мгновенно, а главного корпуса Университета больше нет.

Доминик бросила нож, распахнула халат. Прижала амулет к груди.

– Ты помнишь меня, пёс! – крикнула она. – Помнишь! Покажи зубы!

Помедлила, закрыв глаза, стиснув зубы. Я видел, как с её висков стекают струйки пота.

Доминик вновь схватила нож, одним движением разрежала кожу на груди. Я хотел броситься к ней, отнять нож – но не мог пошевелиться. Ники прижала амулет к ране, измазывая в крови.

– Вспомни этот запах, пёс! – крикнула она. – Покажи зубы, я приказываю!

Замерла, прижимая руку к груди, тяжело дыша. Улыбнулась. Оскалилась. Бросила амулет на скамеечку. Взяла нож, подняла над головой...

– Прощай, Ив, – спокойные, тихие слова. Размахнулась и ударила острием в центр амулета, монетки на цепочке. Пробила насквозь, прибила к скамеечке.

Тишина. Стук собственного сердца оглушал меня. Ники выдернула нож, взяла окровавленной рукой амулет и бросила в жаровню. На раскалённые угли. Поднялась, пошатываясь, и направилась вон из комнаты.

* * *

Только, когда она вышла, я смог пошевелиться сам. Бросился следом, чуть не опрокинул жаровню. Ники добрела до большой гостиной. Взяла с полки бутылку виски (уронила и разбила при этом три других). Налила в стакан и опрокинула. Залпом. Когда я подбегал, она наливала второй стакан.

Я хотел отобрать его, не дать ей... Ники была боса, стояла прямо на осколках стекла и не замечала этого. Она молча оттолкнула меня. С такой силой, что я чуть не свернул шею, поскользнувшись на пролитом спиртном и крови. Доминик допила второй стакан, швырнула его в пространство и рухнула на пол.

Я дополз до неё, приподнял. Все ноги изрезаны, кровь течёт, раны очень плохие. Сжатые зубы. Рана на груди не опасна, но выглядит страшно. Доминик вздрогнула, открыла глаза. Прижала меня к себе.

Мы так и сидели. Она плакала, не отпускала меня, не позволяла помочь ей. Я поддерживал её, прижимая её голову к своей груди, и не знал, совершенно не знал, что же мне делать.

Брюс, отель «Мажестик», апартаменты «Жасмин», 22 июня 2010 года, 19:40

Я поднял Ники на руки, понёс в ванную. За нами оставалась кровавая дорожка, но я боялся торопиться, боялся уронить Ники. Она открыла глаза, едва я переступил порог своей спальни.

– Нет, – она закашлялась, я чуть не уронил её. – Оставь меня здесь. Там, на полу. Да, рядом с жаровней. Не бойся, не умру. Аптечка и бинты в ванной.

Я положил её на пол. Подушку – под ноги. Сбросил с кровати покрывало, вытащил простыню, подложил под подушку. Побежал в ванную.

– Брюс! – позвала Доминик. – Не забудь щипчики.

Когда я вернулся, она уже сидела. Смотрела телевизор. По всем каналам шла трансляция из университетского городка Сант-Альбан. Лицо Доминик вновь стало каменным, лицом робота. Она молча указала, движением головы: положи на пол. Взяла маникюрные щипцы и принялась вынимать из ступней осколки стекла. Если честно, меня замутило. Она посмотрела на меня, без эмоций, бесстрастно.

– Принеси тёплой воды, – приказала-попросила она. Я не смог понять интонации. Едва я отвернулся и перестал ощущать её взгляд, как стало легче.

Я принёс тазик с водой. С тёплой. Доминик медленно улеглась, расстегнула халат.

– Возьми губку, – попросила она. Теперь я ощущал интонацию, чувствовал живое тепло в голосе. – Протри меня. Всю.

– Ники, твои раны...

– Вытерплю. Давай, пока вода не остыла.

Это было и приятно, и страшно, и противно. Вот очередь дошла и до кровавой полосы на груди. Кровь я смыл, а под ней... ничего. Нет, едва заметный след. Белёсый, едва заметный шрамик.

Я чуть не воскликнул «Этого не может быть!»

Та же история с ногами. Только следы. Ни одной раны. Ничего. Подушка выглядело страшно, простыня – ещё страшнее. Халат и вовсе лучше не описывать.

– В корзину для белья, – указала Доминик. – Там же, в ванной. В южной спальне, в левом от входа шкафу, есть ещё халат. Принеси, пожалуйста.

Я так и сделал. Прихватил тазик с водой, чуть не уронил всё это. Когда шёл обратно, с чистым халатом, заметил неладное. На пороге в гостиную.

Нет кровавой дорожки.

Ники так и сидела, уставившись в телевизор. Сидела прямо на полу. Не обратила на меня никакого внимания. Я осторожно положил халат на тумбочку перед зеркалом, вернулся в большую гостиную. То место, где Ники пила виски.

Чисто. Никакого беспорядка. Все бутылки, стаканы и бокалы на месте, ничего разбитого. Пол идеально сух.

Но это всё *было*!

Я медленно вернулся. Ники так и сидела, так и смотрела. Я взял халат, двинулся к ней. Жаровня потушена, видны оплавившиеся кусочки металла. Ники сидит на полу, скрестив ноги, перед скамеечкой. Всё так же, только без халата.

– Ники...

– Сядь за моей спиной, – голос её был совсем тихим. – Так же, как я. Возьми руками за плечи. И помолчи, пожалуйста.

– Твой халат, Ники...

– Помолчи. Я устала, Брюс. Страшно устала.

Я уткнулся подбородком в её плечо. Замер. Она медленно подняла левую руку, приложила ладонь к моей щеке. Что-то там говорили, сообщали цифры, имена и версии, слышался звук сирен, вещали сенаторы, Президент...

Прошло минут тридцать. Мне показалось, что я задремал. Когда очнулся, ничего не изменилась. Ники выпрямилась, сняла мою левую руку с плеча, прижала к своему животу.

– Держи так, – шепнула она. – Так я вылечусь быстрее.

– Ники, куда делась кровь? Куда делись бутылки?

Только сейчас понял, что спиртным от неё не пахнет.

– Я передумала пить. Мне всё равно не помогло бы.

Передумала?!

– Я напьюсь потом. В хорошей компании. По хорошему поводу.

Прошло ещё минут десять. Ники мягко отняла мою ладонь от живота. Запрокинула голову, прикоснулась губами к щеке.

– Дай халат, – попросила она. – И закажи ужин. Выбери что-нибудь сам.

* * *

Ночь.

Эта ночь, самая короткая ночь в году, оказалась самой длинной. С момента, как Ники вышла к ужину, мир ещё раз изменился. И вновь – бесповоротно. Второй халат был чёрным, драконы на нём – по-прежнему красными. Лицо Доминик заострилось. Куда-то пропала её жизнерадостность.

Ела она через силу. Возможно, я тому виной – попросил официанта выбрать что-нибудь, восстанавливающее силы. И похоже, меня поняли не так. Первым делом, как руки дойдут, займусь кулинарными книгами. Научусь отличать одно блюдо от другого.

И тут зазвонил телефон. В каждой комнате есть по аппарату, звонят все одновременно. Ники тут же стала живой и бодрой – во мгновение ока; подбежала к аппарату.

– Да, мама! – крикнула она в трубку. – Да, видела. Конечно, кошмар. Я уже поговорила с полицией, назначила награду... А мне плевать! Это *наш* университет, мама.

Пауза. Доминик что-то слушает, лицо её становится недоброе.

– Мама, я уже двадцать семь лет Иреанн Доминик, – резко перебила она. – Ничего я не забыла! Да, буду на всех этих приёмах. Да. Да. Нет, не одна. А то ты не знаешь! Да, Брюс Деверо. Нет, мы тут не просыхаем и оргии устраиваем!

Я сделал всё, чтобы сохранить каменное выражение лица. Доминик смотрела на меня.

– Мама, перестань меня пилить, – Доминик надулась. Это выглядело комично. – Я ищу работу. Нет, буду. А ты попробуй, помешай!

Швырнула трубку на рычаг. Закрыла лицо руками. Я думал, она расплачется... но она расхохоталась. Выпрямилась, вытирая слёзы.

– Прости, Брюс. Надо изображать совершенно неуправляемую, энергичную и вздорную девчонку. Сейчас она снова позвонит.

Прошла минута, и телефон вновь разразился колокольным звоном.

– Мама, я не буду отчитываться за каждый шаг. Я не маленькая! Нет, не нужны мне деньги. Не нужны!

Ники замолчала и стояла, слушала. На лице её появилось и пропало ехидное положение.

– Нет, я всегда осторожна. Ты это знаешь! Да, конечно. Почему, приедем как-нибудь. Привет папе! Целую!

И снова бросила трубку.

– Ну вот, за неделю отчиталась, – Ники рассмеялась ещё раз. Вытерла лицо рукавом. Подошла к моему стулу, встала за спинкой, положила мне руки на плечи.

– Мне плохо, Брюс, – сообщила она. Спокойно. Словно сказала, что ужин был хорошим, она устала, пойдёт спать.

– Что я могу сделать, Ники?

– Останься со мной. И, умоляю, не задавай вопросов.

Я кивнул, и долго сидел, закрыв глаза. Она стояла и держала меня за плечи.

* * *

Ночь.

Я сидел с Ники, у себя в спальней. На полу, на подушках. Так же, как и час назад – позади неё, держал за плечи. Только теперь мы оба были одеты. Доминик смотрела выпуски новостей, посвящённые расследованию теракта. Я её не понимал. Если вся эта история доставила такую боль, зачем смотреть и слушать?

До меня пока ещё не дошло, что Университет пережил трагедию. Что вся страна в шоке. Всё ещё воспринимал действительность неверно, упрощённо, не полностью. Для меня всё происходящее было фильмом, картинками на экране.

Через два часа Ники взяла пульт и выключила телевизор.

– Пойду спать, – решила она. – Помоги дойти.

Я проводил её в её спальню. Принял халат, укрыл её одеялом. Встал, чтобы уйти. Ники поймала меня за руку.

– Брюс, со мной всё будет хорошо, – прошептала она, закрыв глаза. – Закрой дверь. Ни о чём не беспокойся.

Я прикоснулся губами к её ладони и покинул спальню. Выключил свет, закрыл за собой дверь.

Дошёл до своей спальни, разобрал постель. Лёг – и выключился.

* * *

Когда я «включился», всё ещё была ночь. Часы, светящийся диск на тумбочке у изголовья, показывали без пяти минут полночь. В апартаментах не было холодно, не могло быть холодно, но мне казалось, что я продрог насквозь, что зуб на зуб не попадает. Выбрался из-под одеяла – будто нырнул в полынью. Трясущимися руками нашарил предметы одежды.

Уронил на пол пульт управления освещением, пришлось идти целых три шага к выключателю. Дошёл.

Тишина. Неприятная, нежилая, недобрая. За окном, судя по лунному свету, ветер разогнал тучи. Я несколько раз сглотнул, чтобы избавиться от навязчивого чувства «ваты в ушах». Отыскал взглядом пульт управления телевизором и включил.

«...деятельность организации «Фаланга» не включала в свой арсенал, до вчерашнего вечера, применение насилия и тем более террора. Как заявил заместитель министра иностранных дел Анри Фаберье, инцидент в Сант-Альбан заставил пересмотреть позицию власти в отношении...»

Вот, это стало инцидентом. Пятьсот девяносто два погибших. Дело не ограничилось только главным корпусом: террористы планировали подорвать все те корпуса, где должны были остановиться высокие гости. Заряды уже были обнаружены, и только чудом не сработали все. Элементарная небрежность: монтировал не очень опытный человек. В каждом жилом здании городка – по двенадцать килограммов пластика «СбЕхо», по полтора литра бинарной смеси «Nox rubra». Университетский городок должен был стать некрополем. Если бы взорвались контейнеры с бинарной смесью и сохранился устойчивый северный ветер, половина Сант-Альбан тоже не пережила бы этой ночи...

Я слушал все эти ужасы и мне, запоздало, начинало становиться страшно. Я уже взял пульт, чтобы переключить канал, как услышал...

«Как нам стало известно, происшествие в пригородном поезде Сант-Альбан – Ле-Тесс, случившееся одновременно с трагедией в университете Сант-Альбан, проливает дополнительный свет на подлинные цели и задачи «Фаланги». Функционер организации, известный под именем Ива Мерсье, вместе с другими, пока не опознанными, боевиками, устроили бойню в третьем вагоне поезда. По словам очевидцев, среди боевиков неожиданно вспыхнула драка...»

Я вздрогнул, увидев на экране лицо Ива. «Покажи зубы, пёс...»

«...немедленно ставшая перестрелкой. Погибли все до единого члены «Фаланги», убито двое и ранено более пятидесяти мирных граждан. Группа Мерсье везла с собой восемнадцать килограммов пластиковой взрывчатки и девять литров отравляющего газа...»

«Прощай, Ив». Я вспомнил Ива Мерсье, главного баскетболиста университетской сборной. Чтобы он решил стать террористом? Ив, из семьи владельца сети автозаправочных станций? Ему-то зачем всё это? Хотя что теперь гадать.

Доминик забрала у каждого из них что-то личное. Что было вчера – она слышала и повторяла то, что говорил оставшийся безымянным главарь? Или это главарь говорил то, что приказывала Доминик?

Она забрала личные вещи, талисманы, не только у террористов. У меня. У Софии. А что теперь будет с Жаном? Если Доминик права, на свободе ему быть недолго. Спецслужбы работают иногда медленно, но всё же работают.

Мне вдруг страшно захотелось позвонить Софии. Она ведь тоже слышала всё это и, при её складе ума, уже сделала те же выводы: Жану несдобровать. Либо пожизненное, если память и рассудок вернуться к нему, либо бессрочное пребывание где-нибудь в психиатрической клинике. Но звонить некуда, Доминик намеренно не стала оставлять никаких контактов. Только что спросить её саму. Бедная Софи...

Мне становилось всё более страшно. Не сидеть на месте. Не слушать всё это. В малой гостиной я видел музыкальный центр. Раз здесь хорошая звукоизоляция, можно послушать музыку.

Я открыл дверь, но, видимо спросонок, открыл не ту. Дверь в коридор, ведущий в ванную и прочие удобства, в кабинет и в южную спальню. Дверь в южную спальню, в спальню Доминик, была приоткрыта.

* * *

Постоял у входа в спальню Доминик. Тепло, спокойно. Едва слышно тикают часы. Сейчас только вспомнил, что в её комнатах, в Университете, тоже были часы. Настенные, с маятником. Войти?

«Я буду приходить к тебе». Чёрт с ними, с правилами! Я вошёл. Медленно, осторожно, хотя под ногами ковёр, красться не нужно. Постоял шагах в трёх от входа, подождал, пока глаза привыкнут к сумраку.

Одеяло, откинутае, смятое. Доминик нет в постели, куда-то ушла. Халата рядом с кроватью тоже нет. Я чуть было не покраснел. Понятно, куда она ушла.

Вышел и, зачем-то на цыпочках, подобрался ко входу в ванную. Ни звука. Впрочем, здесь отличнейшая звукоизоляция, не зря апартаменты обходятся ей в пятнадцать тысяч в день. Постоял. Почему бы и мне не захотеть посетить ванную? Осторожно повернул ручку.

Никого. Чисто, сухо. Воздух ещё содержит влагу. Ванной недавно пользовались. Точно: капельки воды на занавеске. В небольшом бассейне, рядом – ничего. Сухо. Есть ещё два агрегата для омовения, но я даже не знаю, как они называются.

Ничего не понимаю, куда она делась? Я точно так же проверил, уже из любопытства, прочие комнаты рядом с ванной. Никого. Я вернулся в её спальню.

Подошёл к изголовью кровати, прикоснулся ладонью к подушке. Мне кажется, или она ещё тёплая? Проще всего было бы позвать Ники, но я не осмелился. Мне и так тут нечего делать. Если верить Ники, рассерженной, *на самом деле*, я её ещё не видел. Это должно быть что-то ужасное, если вспомнить то, какой я её видел...

Любопытство победило страх. Я вышел из её спальни и принялся обходить комнаты.

Коридор разветвляется на выходе. Прямо – в мою спальню. Очень романтично... Направо – ванная и прочие удобства. Двери из коридора налево ведут в кабинет, в спортивную комнату, в столовую, в обе гостиные и в бильярдную. Там, впрочем, есть во что сыграть помимо бильярда.

Ники нигде не было. Я вошёл в спортивную комнату. Здесь самые сильные кондиционеры, покрытия со специальной пропиткой, всё такое. Не пристало постояльцем такого ранга оскорблять обоняние запахами пота и тому подобного. И вновь мне померещилось, что Ники здесь была. Вон, её спортивные туфли, стоят не на полочке у входа, а сброшены, валяются как попало.

Минут за тридцать я обошёл всё и добрался до большой гостиной. Той, где холмы и фонтан. Запах жасмина здесь особенно сильный. Почему Доминик так любит этот аромат?

Я прошёлся по «ложбинам» и «холмам». Зачем-то плеснул себе в лицо из фонтана. Сейчас заметил, что уже не стучу зубами от холода.

Тот стакан, из которого она пила (не пила?) виски. Судя по звуку, стакан разбился где-то у фонтана. Разумеется, здесь сухо и чисто, нет осколков. Никто не убирался, обслуга появится только к полудню. И только если её вызовут.

Я медленно поднимался по крохотным каменным лесенкам к выходу, в сторону бара, и вспоминал, что было. Как Доминик стояла вот за этой стойкой, прямо на битом стекле. Я подошёл. Вот здесь стоял я. Я попробовал поймать её руку, отобрать стакан, она меня оттолкнула...

В глазах потемнело, голова закружилась. Левая нога стояла на чём-то скользком: я схватился за стойку, чтобы не упасть, но нога подвела, поехала в сторону. Я упал, едва успев вытянуть перед собой руки. Боль пронзила правую руку, я с криком вскочил на ноги, едва не упав повторно.

В голове прояснилось – разом. Я поднёс правую ладонь к лицу. Вся в крови. Три мелких куска стекла пробили кожу. Меня вновь замутило, но сильнее всего испугало другое: вся рука была в какой-то жидкости. Я принялся. Коньяк.

Опустил взгляд. Пол чистый. Ни разбитых бутылок, ни пролитого спиртного. Ни осколков стекла, ни моей крови. Господи, что происходит?!

Скрипнув зубами, я оторвался от стойки. Пошёл. Побежал, рискуя упасть и разбить голову. Влетел в ванную, схватил щипчики с полки. Проклятье... не переношу крови. Вынуть три осколка оказалось нелёгким подвигом. Я ни один не сумел вытащить с первого раза, а каждое прикосновение к ним вызывало невыносимую боль. Я вспомнил, как Ники вынимала осколки – бесстрастно, сосредоточенно – и осознал, что боюсь Доминик. До дрожи боюсь.

Третий осколок. Раны колотые, глубокие. Кровь текла и текла. Я открыл холодную воду, подставил руку под неё, пока рука не онемела. Устроил основательный разгром в аптечке, пока искал, чем остановить кровь, чем замотать руку. В конце концов, кое-как замотал. Болело сильно, но можно терпеть.

Ещё минут за двадцать я навёл в ванной порядок. Взглянул на корзину для грязного белья и... Открыл её. И уже не особенно удивился, обнаружив там белый халат Ники, подушку и простыню. Ни на одном предмете не было и следа крови. Я закрыл корзину и уселся прямо на пол. Ничего не понимаю.

Посидел минут десять, успокоился и понял, что хочу есть. Страшно. Заказать что-нибудь? Разумеется, пойти в столовую и заказать. Лифт поднимет заказ прямо в апартаменты.

* * *

Я заказал фруктов, кофейник крепкого кофе, пару пирожных. Простую незатейливую еду. Ту, к которой привык. Я просто не смогу правильно произнести большинство названий того, что в меню. Не говоря о том, что не всегда понимаю, что это будет такое, латинским я владею слабо.

Минуты через три тихонько зашумел лифт. Ещё минуты через три он мелодично прозвенел, зажёг зелёный огонёк на двери – заказ доставлен. Я уже знал, как с этим обращаются. Открыл дверцу, выкатил тележку, она же столик на колёсах, подвёз всё к обеденному столу. Замер.

Показалось, что Ники рядом. Совсем рядом. Я не выдержал ощущения присутствия, вышел в коридор. Прошёл до прихожей. Никого.

Вернулся назад. Вот здесь я сидел, она стояла у меня за спиной.

«Мне плохо, Брюс...»

Она хотела справиться со всем этим. Возможно, как-то заставить террористов сдаться, отказаться от задуманного. Но человек не может предвидеть всего... «Мне приходится быть спецагентом», сказала она. Так кто же она на самом деле? Чем занимается? Знают ли её родители, чем и для чего занимается их дочь?

Перестань задавать вопросы, Брюс. Я медленно отодвинул стул. Сел, как сидел несколько часов назад. Представил, как Ники подходит, чтобы положить руки мне на плечи...

Зазвонил телефон. Не в моём воображении, на самом деле.

* * *

Я поднялся из-за стола. Взять трубку? Кто может звонить Ники в такое время? Чёрт! Вот ведь идиот. Ники знает, что я здесь и, скорее всего, она и звонит!

Я бегом кинулся к аппарату, схватил трубку.

– Ники?

Хриплый, издевательский смех. Мне сразу стало не по себе. Но услышав голос с той стороны, я едва не закричал.

– Размечтался. Где Жан, Брюс? Он мне нужен. Ты знаешь, где его найти.

Голос Поля Вернье. Длинного Поля. Того, кого обнаружили сегодня вечером в лесу, с пулей в голове. Я заметил кнопку «Запись» на панели телефона и нажал на неё. Попал не с первого раза. И ещё обратил внимание на индикатор: номер звонящего определить не удалось.

– П-поль?

– А кто ещё, ты, придурок? Говори, где Жан. Скажешь – отпустим твою подружку.

Я чуть не уронил трубку. Какую подружку?

Шорох. Шелест, лязг в трубке. И голос Софии. Отчаянный, умоляющий.

– Брюс! Они украли меня, сегодня! Сказали, что...

Похоже, ей заткнули рот.

– Где Жан? – голос Поля. – Хочешь услышать, как будут потрошить твою мышку? Говори, если не хочешь.

Господи, я ведь не знаю, где он! А даже если знаю, спасёт ли это Софию?

Нет.

Мне показалось, что этот короткий ответ-приговор мне кто-то подсказал. Что это не мои мысли. Не знаю, почему, я положил трубку. Руки тряслись, в голове всё перепуталось. Поль мёртв. София под охраной. Как и Жан. Что творится?

Минуты три я ждал повторного звонка. Ощущая себя последним подлецом, из-за которого София сейчас, возможно, умирает жуткой смертью, я набрал номер портье.

– Слушаю вас, мсье Деверо.

– Не могли бы вы сказать, кто звонил сейчас в апартаменты?

– Одну минуту, – шелест бумаги, лёгкий стук пальцев по клавиатуре. – Мсье, мы не зарегистрировали никакого звонка.

– Не может быть, звонили минуту назад!

– Мне очень жаль, мсье. Я отправлю техника проверить. Мы фиксируем все звонки, таковы правила, и если...

– Благодарю, – я повесил трубку.

Руки постепенно перестали трястись. Нет Поля. Он мёртв. София жива, Жан – тоже. Успокойся, Брюс. Звонка не было. Это наваждение, иллюзия.

Иллюзия? Что я услышу, если проиграю запись? Я не решился включить её.

Есть уже не хотелось. Ничего не хотелось. Я медленно вышел из столовой, ощущая, что мне холодно, что меня всего знобит.

И увидел, как зажигается освещение в прихожей.

Не знаю, что на меня нашло. Я почувствовал себя нашкодившим мальчишкой, который находится там, где не велено. Я бегом помчался по коридору, успел закрыть за собой дверь прежде, чем щёлкнул замок на двери в апартаменты. Сбросил с себя одежду, нырнул под одеяло. Едва не сорвал с руки повязку. Улёгся и, постепенно приходил в себя, слушал стук собственного сердца.

Ники вернулась.

* * *

Мне показалось, что я на секунду закрыл глаза. Когда открыл, то ночь уже миновала. Ники лежала рядом, обняв меня за шею, прижавшись... как тогда, в поезде. Интересно, куда она ходила?

«Не спрашивай меня, где я была и что делала». Вот так. Если я просто подумал об этом, это считается за вопрос?

Ники пошевелилась. «Не считается, Брюс».

Я подумал, прежде чем понял, что делаю. Интересно, те... остальные, с кем она была, они тоже говорили с Ники таким же образом? Мысленно?

«Брюс, ты уверен, что хочешь услышать ответ?»

Она приподнялась на локте, посмотрела мне в лицо.

Слово – не воробей. А уж мысль и подавно.

Она кивнула. «Нет, никаких разговоров. Я их слышала, они меня – нет. Им от меня было нужно совсем немного», – Ники усмехнулась.

Минуты три я молчал. Она смотрела мне в лицо, на лице её была печальная улыбка.

«Ники, скажи, ты могла спасти их... заложников, вчера, в Университете?»

Она закрыла глаза. «Брюс, я не хочу говорить об этом».

Я повернулся, её рука скользнула по перевязанной кисти. «Что у тебя с рукой?»

Я рассказал. Если так можно выразиться. Мысленно рассказал, обо всех ощущениях. Ники рывком уселась. Лицо её стало встревоженным. «Брюс, тебе нельзя волноваться. Ты учишься быстрее, чем я думала».

Я что, чему-то учусь? Хотя да, я, как минимум, преуспел в том, чтобы верить одновременно в несколько взаимоисключающих вещей. Очень ценное качество.

«Брюс, это не смешно. Будь осторожен».

Я не очень долго колебался, прежде чем рассказать о загадочном звонке. Ники побледнела. Вскочила и схватила меня за руку.

– Идём в столовую, быстро!

* * *

Она велела мне отойти, отвернуться, закрыть уши. Я так и сделал. Прошло минуты три, прежде чем Ники прикоснулась ладонью к моему плечу.

– Брюс, тебе не следовало отвечать. Никогда больше не отвечай. Не записывай, не слушай.

– Ники, это было или не было?

Она приложила палец к моим губам.

– Ты сам знаешь. Но чем больше ты *добавляешь* себя, тем более настоящим это становится. Не добавляй себя. Не добавляй других.

– Как это – добавлять?

Она посмотрела на меня устало. – Брюс, ты уже почти понял. Подумай сам, не торопись.

– Но София...

– София в безопасности. Жан в больнице, под охраной. С ним тоже всё в порядке.

– Откуда ты знаешь?

– Опять вопросы, Брюс. Я была там, ночью. У них обоих. Доволен?

– Но... – я осёкся. Чёрт, не могу к такому привыкнуть. Слишком недавно всё началось. – Ладно. Что мне с этим делать?

– Не позволяй добавлять себя. Ты сам это сделал, сам с этим и борись. Хочешь, я позвоню Софии, чтобы ты поверил?

Я почти сразу же успокоился. – Нет, не нужно.

– Тогда поднимай меня и неси обратно, под одеяло. Неприлично стоять в столовой, без одежды, в такое время.

Я чуть не упал от неожиданности.

– Для тебя есть что-то неприличное?

Она расхохоталась. Выпрямилась, ткнула меня кулаками в грудь.

– Я же сказала, «в такое время». Всё, выполняй приказание, я замёрзла!

Глава 8. Волшебная записка

Брюс, отель «Мажестик», апартаменты «Жасмин», 23 июня 2010 года, 13:00

Половину дня Ники просидела перед телевизором – смотрела репортажи из городка. Там всё ещё искали тех, кто мог выжить под завалами – и прочёсывали всё окрест, леса и здания. Наверное, туда съехалась вся полиция Галлии – в глазах рябило от мундиров.

Я ходил за Ники тенью, исключая те моменты, когда она запиралась у себя в комнате. Она кому-то звонила – отличная звукоизоляция, не понять, что и кому говорила.

Наконец, мне надоело быть тенью и я, сам не понимая почему, полез в карман пиджака. Там оказался бумажник – мой старый, оставшийся от отца. Бумажник украли лет десять назад – а теперь он вернулся. Я усмехнулся и раскрыл его. Помимо купюр и пластиковых карт, я нашёл там визитки. Свои.

Я дождался, когда Ники в очередной раз покинет номер, и набрал телефон офиса.

– «Бриллианты Деверо», офис в Ле-Тесс, – ответил приятный женский голос. – Чем я могу вам помочь?

– Здравствуйте, мадемуазель, – я изо всех сил старался, чтобы мой голос звучал твёрдо.

– Рада вас слышать, мсье Деверо, – искренняя радость и удивление с той стороны, – вам пришло восемнадцать писем, было три звонка, два из них от мсье Фрейена.

– Я жду его на фабрике завтра в двенадцать, – ответил я. Сам не знаю, почему в двенадцать.

– Я передам ему. Когда вы будете в офисе, мсье Деверо?

– Завтра утром, мадемуазель...

– Марианна Шварц.

– Спасибо, мадемуазель Шварц.

– Когда прислать машину, мсье Деверо?

– К девяти утра, отель «Мажестик».

– Будет сделано, мсье Деверо.

– До свидания, – я повесил трубку. Если откровенно, я был в растерянности. Я понятия не имел, что мне делать в офисе, что делать на этой треклятой фабрике, что вообще делать. Ладно. Хорошо. Я просто спрошу. Пусть смотрят, как на идиота, по-другому мне всё равно не разобраться.

Я задумался, прижав ладони к лицу, а когда отнял их, Ники стояла передо мной. В том самом костюме, в котором вчера сошла с поезда – деловой костюм, вполне современный – чёрный пиджак и брюки, ослепительно-белая блузка, тонкий галстук, чёрные туфли. Никаких высоких каблуков, никакой косметики – или почти никакой. Тонкие золотые серёжки, в каждом по бриллианту. И, конечно, жасмин.

– Всё в порядке, Брюс?

– Не совсем, – я поднялся, отряхнул брюки. – Завтра меня ждут в офисе. Есть одно маленькое затруднение.

– Какое?

Она спрашивала всерьёз, никакой иронии ни в голосе, ни во взгляде.

– Я понятия не имею, что там делать – я не готов управлять всем этим.

Она кивнула.

– Я помогу тебе. Первое время, пока это будет нужно.

Я едва не спросил «Как?» во всем сарказмом, который смог бы собрать. Но не спросил, просто кивнул.

– Ты готов, Брюс? Готов, чтобы я начала рассказывать?

Я кивнул. Я не был уверен, что готов, но оттягивать этот момент просто глупо.

– Идём, – она взяла меня за руку. – Пора обедать. Я жутко проголодалась. Там и начну.

* * *

Мы сидели на террасе, второй этаж отеля – отсюда открывался восхитительный вид на центр Старого Города. Ники просто сидела и любовалась. Чашечка кофе перед ней давно остыла, я свою давно выпил. Сидел и ждал.

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы мир сравнивали с картиной, Брюс? – она не повернула голову в мою сторону.

Я пожал плечами.

– Много раз, а что?

– Он и есть картина, Брюс. Представь огромное полотно, где в каждый момент изображён весь наш мир, каждая его деталь, каждая пылинка.

– Большое будет полотно.

– Огромное, настолько, что трудно представить. И каждый миг оно обновляется, меняется, дорисовывается.

Я кивнул.

– Господь бог – художник?

– Бога нет, – она повернула голову ко мне. – Не пугайся. Его нет в том смысле, в котором его представляют. Бог – это полотно, и тот, кто его дорисовывает, одновременно.

Я улыбнулся.

– Слушай внимательно, Брюс. Представь, что ты остановил время и можешь увидеть весь мир сразу – в этот момент. Та часть общей картины, где находишься ты – это ниточка, тоненькая ниточка в общем полотне. Всё, что происходит с тобой, всё, что относится к тебе, всё, что могло бы относиться к тебе – это всё одна ниточка.

Я кивнул.

– Но в каждый момент времени всё могло бы быть чуточку по-другому.

– В смысле?

– Эта чашка могла стоять ближе ко мне, – она указала на чашку с кофе. И... чашка оказалась ближе к ней. Ники не дотрагивалась до неё, чашка просто оказалась в другом месте. Мне показалось, что в глазах двоится – я видел чашку сразу в двух местах, там, где она была и там, где она оказалась. – Я могла давно выпить этот кофе, – чашка оказалась пустой, – я могла разбить её, – и вот уже возле её левой ноги лежат осколки. – Я могла заказать ещё кофе, – чашка оказалась целой, осколков не стало, а рядом появилась ещё одна, дымящаяся.

Я испытывал сильнейшее головокружение, я схватился за виски, чтобы его унять. Ники смотрела на меня, встретила со мной взглядом, кивнула.

– Это ты? – я не сразу смог издать хоть звук. – Это ты делала?

Она кивнула.

– Такие нити рядом с тобой, Брюс. Рядом со всеми нами. Нити, где всё чуточку по-другому. Или не чуточку. Но большинство людей, – она обвела рукой вокруг себя, – не могут видеть другие нити. Они даже не догадываются, что такое возможно. Они сочтут это забавной выдумкой, фантазией, бредом. Для них есть только одна нить, та, в которой они пребывают здесь и сейчас.

– А другие нити... там же эти самые люди? Нет?

– Нет, – она придвинулась к столику. – Слушай внимательно, Брюс. Нитей очень много, может быть, бесконечно много. Все люди, которые в них есть, каждый из них – это часть чего-то большего. Представь, что ты смотришь на человека, обходя вокруг него. Что у тебя в руке фонарик и ты светишь на человека. Люди, которых ты видишь в разных нитях – это

тени от фонарика, тени его подлинной сущности. И каждая такая тень не знает, что она часть чего-то большего, не может ощутить себя чем-то ещё. Неспособна это увидеть.

– А ты?

– Я *вижу*, – она выделила слово интонацией. – Я вижу много такого, чего не видит почти никто на этой планете. Люди видят только свою нить. Я вижу гораздо больше.

– И можешь... перемещаться между нитями? – догадка пришла в голову неожиданно. Доминик хлопнула в ладоши, улыбнулась.

– Верно, Брюс, молодец. Да, я могу перемещаться между нитями. Но не только перемещаться. Скажи, кто передвинул ту чашку, кто разбил её, кто заказал вторую?

– Ты? Я не видел этого, но больше некому, так?

– Так. Я не только могу видеть другие нити, Брюс. Я могу их создавать.

– Покажи!

– Идём, – она встала, протянула мне руку. – Идём со мной.

* * *

Мы прошли по улице до ближайшего перекрёстка – рядом было кафе. Ники встала среди людского потока. Я встал рядом.

– Смотри, – она протянула руку, указывая на пожилого мужчину – пенсионера? – с тростью, в старомодном костюме и старой выцветшей шляпе. – Вон тот человек оставил дома включённый утюг. Он узнает о пожаре через полтора часа, увидит, что потерял всё, что оставалось и у него случится сердечный приступ.

Мне стало не по себе.

– Откуда ты можешь это знать?!

– Поспорим?

– Нет, – я отказался, сама идея такого пари казалась жуткой.

Она кивнула и подбежала к мужчине. Что-то сказала ему – тот хватил себя по лбу ладонью, что-то ответил Ники, улыбнувшись, развернулся, и торопливо засеменил прочь.

– Пожара не будет, и он сегодня же избавится от старого утюга. И проживёт ещё долго, Брюс, – Ники улыбалась.

– Смотри, – она указала рукой на котёнка, совсем кроху, который топтался вокруг торговца газетами, рядом с переходом. К перекрёстку подошёл молодой человек в спортивной одежде, с наушниками – слушает музыку? Похоже, да – он едва заметно двигал головой – в такт музыке. Сделал шаг вправо, шаг влево...

– Осторожно! – крикнула женщина рядом с ним – котёнок ковылял по тротуару, и парень чуть не наступил на него. Он вздрогнул, посмотрел вниз, отшатнулся, и...

Визг тормозов, удар, крики и вопли.

Я замер, не мог и пошевелиться от ужаса – я никогда ещё не видел, чтобы человек так нелепо попал под машину.

– Брюс, – Ники взяла меня за руку. – Открой глаза. Просто открой.

Головокружение. Я открыл глаза. И...не сразу понял, что вижу – не было катастрофы, не было столпившихся людей. Молодой человек, который только что погиб на моих глазах, подходил к перекрёстку.

– Что это? – я едва слышал свой голос. – Прошлое?! Мы вернулись в прошлое?

Ники кивнула, присела, поманила котёнка ладонью.

– Кис-кис-кис... беги сюда, малыш!

Котёнок, беззвучно раскрывая рот, отважно побежал к ней, спотыкаясь о собственные ноги. Люди улыбались, останавливались, давали ему дорогу. Зелёный свет – и парень, смерть которого я только что видел, спокойно пошёл через дорогу, вместе со всеми.

Котёнок сначала показался мне совсем чёрным, но теперь я видел белое пятнышко на его грудке и белую полосу вдоль живота. Он млеял в ладонях Доминик, жмурился и мурлыкал. Совсем недавно прозрел – голубые, с дымкой, глаза. Кто же выбросил его на улицу?

– Тебе нужен хозяин, – Ники оглянулась, помахала рукой какой-то девушке, подбежала к ней, что-то тихо сказала и протянула котёнка. Девушка рассмеялась, кивнула и забрала зверька.

– Я могу менять и создавать нити, – повторила Ники. – Хочешь, чтобы я показала ещё?

– Нет, – довольно с меня было крови. И не нужно было никаких пожаров. – Но пожар... ты умеешь видеть будущее?

Она кивнула.

– В некотором смысле, Брюс.

– И возвращаться в прошлое?

Она улыбнулась и кивнула вновь.

– Ты можешь видеть, – произнёс я медленно. – Я ничего не вижу, Ники. То есть... – я не мог сформулировать мысль. – Я что-то чувствую, иногда.

– Ты и Софи, – подтвердила она. – Вы оба можете видеть. Но пока что не по своему желанию. Но скоро научитесь.

– Даже если бы ты ничего не делала?

Она кивнула.

– С каждым из нас случилось что-то такое, что разбудило. Разбудило наши способности. Брюс, людей, которые видят, очень мало.

– Сколько же их?

Она опустила голову.

– Я думала, что здесь – только я. Но там, в Университете, тем вечером...

Я запустил руку в карман и достал платок. Тот самый, который она когда-то вручила мне.

Она кивнула.

– Ты понимаешь. Ты можешь учиться, узнавать всё сам, Брюс. Но это очень опасно. Скорее всего, ты не сможешь понять, насколько это может быть опасным и погибнешь. Я могу научить тебя, тому, что сама знаю. Тебе решать.

– А если я вообще не хочу ничему учиться, Ники?

– Ты на самом деле не хочешь? Хочешь вернуться в то, что было? Найти себе работу управляющего, жить со своей мамой, вечно слушаться её по каждому поводу и состариться, так ничего и не достигнув?

Я сжал зубы. Она одной фразой выразила то, что я пытался скрыть от самого себя уже много лет.

– Брюс, я не могу сделать так, чтобы ты снова заснул, стал тенью. Может, и могу, но не хочу.

– А когда я должен выбрать?

Она пожала плечами. И я понял, насколько глупым был вопрос.

– Я согласен, – я взял её за руку. – Научи меня, Ники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.